Дорога длиною в жизнь

Иван Ильич Людников

SHOUT
SHARE
IT

- Людников Иван Ильич
  - ○

Людников Иван Ильич
Дорога длиною в жизнь

Людников Иван Ильич
Дорога длиною в жизнь
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Есть люди, в биографии которых словно в зеркале отразились значительные исторические события. Именно к таким людям можно отнести И. И. Людникова, отдавшего около пятидесяти лет службе в Советских Вооруженных Силах. 200-я стрелковая дивизия полковника Людникова провела свой первый бой с немецко-фашистскими захватчиками у западных границ нашей Родины. Это было летом 1941 года. Спустя четыре года 39-я армия под командованием Героя Советского Союза генерал-полковника Людникова, перевалив через хребты Большого Хингана, громила Квантунскую армию "и на Тихом океане свой закончила поход". А между двумя этими событиями вверенные Людникову войска били противника под Сталинградом и Курском, форсировали Днепр, освобождали Правобережную Украину и Белоруссию, штурмовали Кенигсберг. Этим событиям и посвящена увлекательно написанная книга.

С о д е р ж а н и е

Огненный вихрь
Есть на Волге утес
Идем на запад
Прорыв
Штурм Кенигсберга
Далекое и близкое
Примечания

Огненный вихрь

В ту суровую пору

О феврале сорок первого года сменилось руководство Киевского Особого военного округа. Командующим был назначен М. П. Кирпонос. Я его знал по казанскому училищу, где он был начальником, а я преподавал тактику. Забегая чуть вперед, скажу, что Кирпоносу я обязан жизнью. Когда меня, тяжело раненного, доставили в окруженный немцами штаб Юго-Западного фронта, Кирпонос приказал вывезти меня из окружения на последнем самолете По-2. А весной сорок первого года, за шесть месяцев до своей трагической гибели, Кирпонос вызвал меня из Житомира в Киев для назначения на должность командира дивизии. В

мобилизационном отделе штаба округа мне сказали:

- Ваша дивизия вон в том углу, забирайте.

Поднимаю с пола опечатанный мешок с биркой 200 сд. Почтовый ящик 1508. Содержимого в мешке немного. Кто-то даже пошутил:

- Не шапка Мономаха...

Срок формирования новой дивизии был жестким. Вместе с командным составом прибывало пополнение бойцов из переменного состава. Обычно их призывали на переподготовку после уборки урожая. Мы и этот факт расценили как признак приближавшейся грозы.

16 июня командиров дивизий второй линии вызвали на оперативно-тактические сборы в Житомир. В штабе 36-го стрелкового корпуса мы узнали, что сборы внезапно отменены, а офицеров штаба округа срочно отозвали в Киев. Командующий округом приказал нам возвращаться в войска и ждать указаний. Объявил нам об этом полковник Рогачевский, начальник оперативного отдела штаба корпуса. Все разошлись, а меня Самуил Миронович немного задержал. В 1924 году в одесской пехотной школе, где я учился, он командовал курсантским взводом, и нам было что вспомнить.

- Не забыл, Иван, - спросил Рогачевский, - как в лаптях совершали боевой марш на границу под названием Наш ответ лорду Керзону?

- А шут с ним, с Керзоном!

Мне было не до английского лорда, и я подвел Самуила Мироновича к большой карте, на которой были заштрихованы целые государства, оккупированные гитлеровской армией, и районы сосредоточения гитлеровской армии в Восточной Польше.

Директивой штаба округа от 16 июня 1941 года 200-й дивизии предписывалось в полном составе, но без мобилизационных запасов, 18 июня в двадцать часов выступить в поход и к утру 28 июня сосредоточиться в десяти километрах северо-восточнее Ковеля.

Провожать дивизию вышло все население городка. Самые горячие заверения, что идем на учение, не могли утешить наших матерей и жен. Предчувствие близкой беды их не обмануло.

Целуя жену и сынишек, я почти не сомневался, что ухожу на войну.

В ночь на 22 июня дивизия совершала четвертый переход.

Начали мы его раньше, чем рассчитывали. Днем прошел сильный дождь, появился туман. Это позволило выступить вскоре после полудня. Поэтому и закончить переход рассчитывали раньше намеченного. Все мы радовались предстоявшей дневке, на

которой можно будет дать бойцам хороший отдых после марша. Когда головные части дивизии вышли к селу Степань на реке Горынь, я вместе с комиссаром Прянишниковым и командующим артиллерией Леоновым выехал вперед, к реке Стырь: там намечалось расположить людей на отдых.

Около трех часов ночи послышался нараставший гул самолетов. В темноте нельзя было определить их принадлежность. Но почему самолеты идут с запада на восток?.. И звук у них необычный. Наши ТБ-3 так не воют.

Через полчаса дивизия подошла к переправе. Марш близился к концу, а люди не чувствовали усталости - бодрила предутренняя прохлада.

Снова послышался нараставший гул самолетов. В небе уже посветлело, и с помощью бинокля я точно определил: над нами бомбардировщики Ю-88. Хорошо были видны немецкие опознавательные знаки.

Юнкерсы нас не бомбили. Полагаю, они имели другую задачу: нанести удар по глубоким тылам. Но вскоре донесся гул близких разрывов - вражеские самолеты все же атаковали колонну нашего 661-го стрелкового полка. Этот зловещий сигнал заставил меня отдать частям приказ организовать противовоздушную оборону, вырыть щели, замаскировать материальную часть, выделить сторожевое охранение.

Докладываю комкору А. И. Лопатину, где мы находимся, и жду указаний. Лопатин ответил, что еще не разобрался в обстановке, так как связь с командующим 5-й армией, в состав которой входит корпус, пока не установлена.

И все-таки генерал Лопатин информировал меня о том, что произошло. Сегодня в четыре часа утра фашистская Германия своими сухопутными войсками перешла нашу государственную границу от Балтики до Карпат. Идут сильные бои. Обстановка сложная и во многом неясная.

Еще через день у большого леса мы встретили семьи пограничников. Ко мне явился легкораненый командир с пограничной заставы Устилуг. Ему поручили сопровождать в тыл женщин с детьми.

Пограничник рассказал о недавних событиях на своей заставе.

В субботу 28 июня, в тот самый день, когда предполагалось завершить марш 200-й дивизии к Ковелю, мы вели бой на реке Стырь в районе Рожище.

- А помните, Иван Ильич, бой под местечком Рожище? Помните командира 648-го стрелкового полка Леонида Савельевича Алесенкова.

С этими вопросами недавно обратился ко мне ветеран 200-й дивизии, бывший артиллерист лейтенант Петр Малиновский.

Да разве первый бой когда-нибудь забудешь!

Это произошло днем. Находясь в полку Алесенкова, я впервые увидел развернувшихся в цепь солдат гитлеровской армии. Четыре роты, поддерживаемые двумя артиллерийскими дивизионами, наступали с плацдарма на восточном берегу реки Стырь. Немцы шли не сгибаясь, не оглядываясь и стреляли на ходу из автоматов. Да и чего им, теснившим одну обескровленную роту, было опасаться? Мы в тот день только выходили к передовой, чтобы сменить части 27-го стрелкового корпуса, и предполагали, что смену проведем ночью.

Наблюдательный пункт майора Леонида Алесенкова был расположен у разъезда 305-й километр. Этот разъезд, как потом показали пленные гитлеровцы, им приказали захватить до наступления темноты.

Увидев меня, когда я подходил к наблюдательному пункту, Алесенков воскликнул:

- Товарищ полковник, в самый раз контратаковать! Один мой батальон изготовился, другой на подходе. Разрешите?

Связываюсь по телефону с командиром гаубичного полка, ставлю перед ним задачу и приказываю трубку от уха не отнимать - ждать команды.

Не более четырехсот метров отделяло нас от вражеской цепи, когда на нее обрушился огонь. Взвилась ракета - сигнал для контратаки, - и полк Алесенкова двинулся вперед.

Немцы поняли, что дело дойдет до рукопашной, и стали пятиться. Помню, они все оглядывались. Не иначе надеялись увидеть за спиной свои танки. Но там их не было. Опасаясь поразить своих, молчала немецкая артиллерия. И тут грянуло мощное ура. Гитлеровцы в панике побежали. До Стыри добрались немногие. Через час Алесенков докладывал: Противник сбит с плацдарма у железнодорожного моста через Стырь.

Чем примечательна наша первая победа под Рожище, столь незначительная в масштабе боевых действий, развернувшихся на широком фронте от Баренцева до Черного морей? Перед войной 200-я дивизия пополнилась призывниками из недавно освобожденной Ровенской области, где вражеские лазутчики распространяли панические слухи, пугая малодушных непобедимостью немецкого оружия. Полк Алесенкова показал всем частям дивизии да и ее соседям, что не так страшен черт, как его малюют, что врага можно остановить, гнать и уничтожать. А сдавались фашисты в те дни редко, и пленные вели себя на допросах вызывающе. Мне особенно запомнился наглый тип -

первый немецкий подполковник, плененный разведчиками 200-й дивизии. Он потребовал, чтобы я наказал разведчиков, не проявивших достаточной вежливости, когда тащили его через болото. Никаких показаний пленный так и не дал, а в ответ на наши вопросы прославлял великую Германию и ее фюрера. К слову сказать, наша разведка постоянно испытывала в тот период нужду в языках.

И тут я с волнением вспоминаю еще одного славного командира из 200-й дивизии, нашего начальника разведки. Старший лейтенант Панков{1} перед войной закончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и выделялся среди других офицеров живым, пытливым умом, неиссякаемой энергией, отличной боевой выучкой. К тому же он был лихим кавалеристом.

Однажды я всю ночь провел в полках, проверяя оборону. Вернулся в штаб, решил соснуть. Не тут-то было!

- О це гарно! Панков фашиста приволок и сразу его в баньку. Не можно, каже, такого замурзю до командира представить, - одним духом прокричал вбежавший ординарец.

Вскоре явился сам Панков. Тут я и услышал, как он добывал языка. Вот когда, оказывается, пригодилась добрая кавалерийская выучка!

Дело в том, что в начале войны разведывательные батальоны дивизий имели кавэскадроны. Панков и отобрал трех отчаянных всадников-кубанцев. Ускакав с ними подальше от людских глаз, он дотошно стал репетировать сцену захвата языка. Убедившись, что дело идет ладно, старший лейтенант повел своих людей на объект.

Немецкое боевое охранение, к которому предварительно присмотрелся Панков, занимало крестьянский двор, стоявший на отшибе, на северной окраине села. Мимо двора, петляя в извилистой, густо заросшей лощине, протекал ручей. К нему-то по ночам и бегали гитлеровцы с котелками. Однако в ту ночь, о которой идет речь, жажда их, видимо, не мучила. Панков от досады не находил себе места: зря, выходит, похвалился, что возьмет языка. Над селом уже поднималось солнце. Разведчики собирались покинуть засаду. В это время они заметили бежавшего к ручью немца.

В тот же миг четыре русских всадника на полном галопе помчались к вражескому боевому охранению. Двое вырвались вперед и, бросив поводья, подняли руки, будто хотели сдаться в плен. У самого ручья эти двое, припав к лошадиным шеям, стали огибать лощину. Незаметно подхватив гитлеровца с котелком, они быстро поскакали обратно. Теперь вторая пара всадников прикрывала первую, между седлами которой барахтался на весу

язык. Противник открыл огонь, но было поздно...

Шел третий месяц войны. Позади остались реки Стырь и Случь, города Белокоровичи и Коростень. Сорок дней с ожесточенным упорством оборонялись мы в Коростеньском укрепленном районе, и заслуги 200-й дивизии были отмечены благодарностью главнокомандующего Юго-Западным направлением маршала С. М. Буденного.

Небезынтересно отметить, что еще 18 июля 1941 года начальник генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковник Гальдер вынужден был сделать такое признание: Операция группы армий Юг все больше теряет свою форму. Участок фронта против Коростеня по-прежнему требует значительных сил...{2}. В боях под Коростенем, которые привели к потере формы вражеских армий Юг, не последняя роль принадлежала 200-й дивизии.

К концу лета обстановка на Юго-Западном фронте резко ухудшилась. Нашу дивизию перебросили в новую полосу обороны. После боев на реке Десна мы сражались на полях Черниговщины.

В те дни я получил ранение и на полтора месяца выбыл из строя.

Ранение головы без повреждения черепа и перелом малой берцовой кости правой ноги - с таким диагнозом отправили меня из медсанбата в тыловой госпиталь. Адреса этого госпиталя никто не знал, и шофер медсанбата завернул по дороге в село, где находился штаб 5-й армии.

- Подайтесь в Пирятин, - посоветовал начальник медслужбы армии. - Дорогу немцы хотя и обстреливают из минометов, но проскочить можно.

Мы проскочили. А из Пирятина меня повезли в штаб фронта, в село Верхояровка.

Беззащитность - самое тягостное состояние. Дивизия, которой я командовал, два с половиной месяца дралась с врагом. Я знал, кто впереди, кто на флангах, и мог действовать и маневрировать сообразно обстановке. Теперь я - командир без войска, даже стрелять из пистолета могу только лежа. Меня окружают встревоженные и озабоченные люди. Им не до раненого.

На мое счастье, увидел на улице Верхояровки генерала Тупикова. Начальник штаба фронта Василий Иванович Тупиков позаботился, чтобы на медпункте мне тут же оказали необходимую помощь. А когда мы остались вдвоем, он подтвердил данные об окружении войск Юго-Западного фронта.

- А в общем... не горюй, - сказал Тупиков, - что-нибудь придумаем.

Вечером меня навестили командующий фронтом Кирпонос и член Военного совета фронта секретарь ЦК КП(б) Украины М. А. Бурмистенко. Я доложил им состояние дивизии на тот час, когда вынужден был оставить ее, а потом отважился спросить о положении дел.

Переглянувшись с Бурмистенко, Кирпонос сказал:

- Маршал Тимошенко готовит свои войска для удара из района Ахтырки. Ему навстречу ударим и мы. Кольцо окружения прорвем!

Но даже от этих горячих заверений моя тревога не улеглась.

Кирпонос распорядился, чтобы меня вывезли из окружения на самолете По-2...

Когда гитлеровцы захватили Полтаву, в путь на восток тронулся и харьковский госпиталь, где я лежал. Рана на ноге быстро заживала, я уже мог двигаться, опираясь на костыль, и на станции в Казани убедил врачей, что меня пора исключить из списка ран. больных санитарного поезда и не возить в Сибирь.

Долечивался в казанском военном госпитале.

* * *

Ноябрь сорок первого года. Где бы ни сражались в те дни советские воины, их мысли и думы были неразрывно связаны с Москвой. Судьба нашей столицы, на подступах к которой развернулось ожесточенное сражение, волновала каждого. И не будет преувеличением, если скажу, что в те дни и стойкость защитников осажденного Ленинграда, сковывавших внушительные силы врага, и героизм защитников Севастополя, и неудержимый наступательный порыв наших войск, освободивших Ростов, оказали немалое влияние на исход грандиозной битвы под Москвой...

16-я отдельная стрелковая бригада, формировавшаяся из курсантов, сосредоточилась на станции Ольгинская. Боевой дух курсантов и командиров был необычайно высок. К такому духу - да еще бы танков, которых нам только пообещали, средств связи, транспорта...

В штабе 56-й армии генерал-лейтенанта Ф. Н. Ремезова мне сказали:

- Воевать будете тем, что у вас есть. Армия дать вам ничего не может.

Исходное положение для атаки бригада заняла на южном берегу Дона, против станицы Аксайская. Задача: переправиться по льду через Дон, наступать на предместье Ростова - поселок Фрунзе, а затем выйти на западную окраину города.

Должен признаться, что, тщательно готовясь к выполнению задачи, я нарушил один параграф решения командарма{3} и

вопреки предписанию расположил свой командный пункт непосредственно в боевых порядках бригады. Только таким образом мог я поддерживать зрительную связь с наступавшими подразделениями, а это было крайне важно - ни телефонной, ни радиосвязи с подразделениями мы не имели. Поэтому в приказе по бригаде пункт, касавшийся управления, гласил: Связь - конными и пешими, посыльными. Иного решения в тот момент, мне кажется, и не могло быть.

Бригада атаковала стремительно, овладела Аксай-ской и повела наступление на Ростов. 27 ноября к исходу дня мы уже были в предместье города. Наш 1-й батальон выдержал бой с большой группой фашистских автоматчиков, которые контратаковали на ста мотоциклах. Это была своеобразная психическая атака врага, а закончилась она тем, что курсанты отбили у немцев почти все мотоциклы. В ту пору не часто удавалось захватить подобные трофеи!

Генерал-лейтенант Ремезов прибыл на командный пункт бригады. И хотя я полагал, что у него нет оснований быть недовольным нашими действиями, вопрос, заданный мне командармом, прозвучал как выговор:

- Почему сменили командный пункт, который был вам указан?

Я и не пытался оправдываться:

- У меня не было другого выхода. На указанном вами командном пункте я потерял бы связь с частями. А ими надо управлять... Что касается задачи первого дня наступления, то она решена успешно.

На другой день мы с комиссаром бригады Козловым пробирались на газике к новому командному пункту. За обочиной дороги заметили красный провод. Остановившись, обнаружили немецкий кабель и первые три километра провода для связи с подразделениями. Не скрою, этот вроде бы незначительный факт обрадовал нас тогда не меньше, чем сотня захваченных у врага мотоциклов...

Под ударами советских войск поспешно отходила, теряя технику и вооружение, изрядно потрепанная танковая группа фон Клейста.

Наша бригада продвинулась с боями более чем на сто километров. На пятый день наступления мы оказались у реки Самбек, северо-восточнее Таганрога. Однако преодолеть миусские позиции, хорошо подготовленные противником, нам не удалось.

В конце января 1942 года бригада провела успешную ночную разведку боем в селе Вареневка, а затем рота, составленная из курсантов, ушла в тыл врага разведать объекты в районе

таганрогского морского порта. Курсантам предстояло пройти по льду шестнадцать километров, и местные рыбаки снабдили их бузулуками{4}. Разведчики скрытно просочились через боевые порядки гитлеровцев, оборонявших побережье, проникли на территорию порта и выполнили боевое задание. Но обстоятельства сложились так, что отходить они начали с опозданием и в густом утреннем тумане сбились с пути.

Когда туман рассеялся, старший лейтенант Алексеев, командовавший разведчиками, обнаружил, что ведет своих людей вдоль побережья, на виду у немцев. Надо иметь исключительное самообладание, чтобы не растеряться в такой ситуации. Алексеев не растерялся. Он мгновенно сообразил, что его разведчиков гитлеровцы принимают за своих: ведь оружие и форма не видны под маскхалатами.

- Подтянись! Выше голову! Тверже шаг! - вполголоса скомандовал старший лейтенант и, круто свернув, повел роту в сторону от переднего края...

Многие курсанты 16-й отдельной стрелковой бригады были удостоены за свои боевые дела высоких наград. Позднее командирам соединений предоставили право награждать отличившихся. Но под Таганрогом и Ростовом я мог лишь приказом по бригаде отметить достойных солдат и командиров. Старшего лейтенанта Алексеева за дерзкий рейд в тыл врага мы представили к ордену боевого Красного Знамени.

Сто тридцать восьмая Краснознаменная

28 мая в здании Краснодарского краевого исполнительного комитета вручали награды отличившимся в боях за Ростов.

Обстановка, которая к тому времени сложилась на южных фронтах, не располагала к особой торжественности. Врученный мне орден Красного Знамени я воспринял как знак доверия народа: самые трудные испытания были впереди.

В тот же день командующий войсками Северо-Кавказского фронта Маршал Советского Союза С. М. Буденный приказал мне принять командование 138-й стрелковой дивизией. Около тысячи бойцов дивизии, эвакуированные из Крыма, находились в станице Выселки, куда мне предстояло выехать.

Вышел на дорогу, проголосовал. Первая грузовая машина оказалась попутной.

Десять месяцев командовал я 138-й дивизией, из них сто дней и ночей - в Сталинграде. С этой дивизией связаны дорогие для меня воспоминаний о минувшей войне.

Боевой путь 138-й (после Сталинградской битвы её преобразовали в 70-ю гвардейскую) начался на Карельском перешейке. Там дивизии вручили первый орден, там же свыше

тысячи бойцов и командиров были награждены орденами и медалями, а сержанту Демуре и комбату Петраковскому присвоили высокое звание Героя Советского Союза. День Победы дивизия праздновала в Праге.

Газета Красная звезда в передовой статье, озаглавленной Отбить наступление немцев на Сталинград, в сентябре 1942 года писала:

Там, где создана несокрушимая оборона, где защитники боевого рубежа полны решимости умереть, но не пропустить врага, - никакое преимущество в танках, никакое воздействие с воздуха не помогает немцам. В боях за Сталинград многие части Красной Армии проявляют выдающийся героизм и стойкость. Примером могут служить гвардейская дивизия, которой командует генерал-майор Глазков, и стрелковая дивизия под командованием полковника Людникова. Упорно защищая подступы к Сталинграду, мужественные воины этих дивизий беспощадно уничтожают немцев и уничтожают их технику.

Эти строки были опубликованы 4 сентября 1942 года, после пятидесятидневных боев дивизии между Доном и Волгой.

От Дона до Волги... На карте нетрудно восстановить каждый рубеж, но только человеческая память способна сохранить подвиги воинов, сражавшихся на этих рубежах. До сих пор охватывает волнение, когда вспоминаю бой под Воропаново, почти у самых стен Сталинграда.

День клонился к закату, но грохот от разрывов бомб и снарядов не умолкал. Гитлеровцы долго обрабатывали нашу оборону, прежде чем бросить в атаку танки и пехоту. Прорваться им удалось только на стыках нашей дивизии с соседями. Бой длился четырнадцать часов, и 138-я удержала свои позиции.

Комбат 1-го батальона 344-го полка старший политрук Николай Щербак (солдаты по-прежнему называли его товарищ комиссар, хотя Щербак уже больше месяца исполнял обязанности командира) был накрыт в своей щели вражеским танком. Помянули мы добрым словом Николая Щербака, храбреца и весельчака, а он, будто чудом воскресший, объявился на новом наблюдательном пункте, откуда сообщил, что продолжает руководить боем. Выскочив из щели, Щербак полоснул из автомата по офицеру-танкисту, высунувшему голову из люка машины, и уже через минуту был среди своих солдат.

Враг бросал в бой свежие силы. Из 768-го полка пришло известие, что в первой траншее погиб почти весь взвод младшего лейтенанта Калинина, но немцев через эту траншею не пропустили и сейчас там ведет рукопашную схватку другой взвод. Потом оборвалась связь с 344-м полком. Когда ее восстановили, я

узнал о подвиге младшего сержанта Беляева. Раненный в спину, он продолжал ползти вперед, истекая кровью. И все же нашел обрыв провода, устранил повреждение.

А на рассвете с наблюдательного пункта дивизии мы увидели, что творится на огневых позициях пушечной батареи, где старшим был лейтенант Кушнирь. Батарея располагалась южнее высоты 143, 5 и подверглась жестокой бомбардировке. Немецкие танки были в двухстах метрах от нашего переднего края, когда внезапно для врага ожила и заговорила батарея. Один за другим запылали три танка, но появилось еще восемь машин. Стреляя на ходу, они устремились вперед. По тому, как вздрагивают стволы наших пушек, мы догадывались, в каком темпе ведут огонь артиллеристы.

Было подбито и сожжено еще пять танков, но и у наших стреляла только одна пушка. В ее расчете уцелел заряжающий, и к нему подбежал лейтенант Кушнирь. Вдвоем они сожгли еще один танк. Осколком снаряда насмерть сразило заряжающего. У пушки, один против двух танков, остался лейтенант. Пока он, повернув орудие, успел почти в упор выстрелить в одну машину, другая вырвалась на огневую позицию. Волоча раненую ногу, лейтенант Кушнирь пошел навстречу с автоматом наперевес. Танк остановился, попятился, а потом застрочил пулемет...

Враг потерял большое количество людей и техники, так и не добившись своей цели. Но и наша дивизия лишилась таких офицеров, как Кушнирь и Калинин, и таких солдат, как Беляев.

Пройдя путь от Дона до Волги, 138-я закалилась в тяжелых боях и стала грозной силой для врага. Чтобы подтвердить это, вернусь к дням формирования дивизии, к ее первым боям в излучине Дона.

На собственном опыте я убедился, как важно иметь в дивизии безупречного начальника штаба. Уезжая в Выселки, я просил отдел кадров фронта назначить на эту должность подполковника В. И. Шубу, которого довольно хорошо знал. Просьбу удовлетворили.

Вместе с Шубой в Выселки приехали подполковники Тычинский и Алесенков, встреча с которыми очень обрадовала меня. С Сергеем Яковлевичем Тычинским, назначенным к нам начальником артиллерии, я расстался во Владикавказе шестнадцать лет назад. Ветеран 200-й дивизии Леонид Алесенков, прибывший на должность командира полка, был ранен, когда его полк вырвался из окружения. Второй раз, и притом тяжело, Алесенкова ранило на Дону.

Вскоре мне представились майоры Ф. И. Печенюк и Г. М. Гуняга. Теперь трем командирам стрелковых полков не хватало

самой малости - солдат. Вскоре, правда, они дождались пополнения, однако десятитысячный состав дивизии никак нельзя было назвать войском. Мы располагали тремя сотнями винтовок и тридцатью автоматами. Эшелон с оружием, предназначенным для нашей дивизии, попал под бомбежку на перегоне между Ремонтной и Сальском. Узнав об этом, кто-то невесело пошутил: Фашистов пилотками закидаем. Обстановка же отнюдь не располагала к шуткам. По всем приметам было ясно: скоро опять воевать, а времени на то, что называется сколачиванием подразделений, в обрез. Генерал-майор Н. И. Труфанов, командовавший 51-й армией, куда входила наша дивизия, уже приказал нам сосредоточиться в районе, где мы провели рекогносцировку.

Говорят, нет худа без добра. Худую весть принес мне старший лейтенант Владимир Коноваленко, помощник начальника оперативного отдела штаба дивизии. Вечером он уехал проверить, как окапываются подразделения, и заодно разведать берег Дона, но вдруг прискакал обратно на взмыленной лошади. С непонятным восторгом Коноваленко стал докладывать, что через Дон переправляются разрозненные группы и подразделения отступающих частей. Я с удивлением глядел на Коноваленко: толковый командир, чему же он, дурень, радуется?

- Так ведь они с оружием, товарищ полковник! Кроме винтовок есть пулеметы, четыре пушки с боеприпасами, а на подходе - гаубичная батарея.

Решение было принято тут же. За несколько дней мы частично вооружили дивизию винтовками и карабинами, ручными и станковыми пулеметами, противотанковыми ружьями, пушками, гаубицами, минометами. Оружия было явно недостаточно, но жаждущий, как известно, рад и глотку воды. Мы воспрянули духом: есть чем встретить врага.

А теперь, дорогой читатель, представь себе отведенную дивизии полосу обороны. Она тянулась от станицы Верхне-Курмоярская до хутора Красный Яр на левом берегу Дона, что южнее Цимлянской (в этом месте на нынешних картах лежит Цимлянское море). Чтобы побывать в полках, вытянутых в одну линию на семьдесят пять километров, приходилось пользоваться самолетом По-2. Расположив командный пункт дивизии на центральной ферме дубовского животноводческого совхоза, я никак не предполагал, что придется заняться и совсем несвойственным армии делом - эвакуировать в тыл десять тысяч голов крупного рогатого скота. Забот хватало...

В высших штабах, видимо, уже знали направление главного удара немецких армий Вейхса. Нас снабдили оружием, а

неплотные боевые порядки дивизии усилили четырьмя отдельными полками - кавалерийским, артиллерийским, противотанковым и гвардейским минометным (М-13).

18 июля 1942 года, овладев Цимлянской, гитлеровцы захватили плацдарм на левом берегу Дона. В тот же день 138-я приняла бой с авангардными частями 4-й танковой армии противника. Три наших полка не дрогнули под массированными ударами трех вражеских дивизий и до конца июля прочно удерживали свои рубежи.

Трудно воевать на широких донских просторах, когда танков у тебя нет, а противник маневрирует ими на ровной открытой местности, когда его самолеты безнаказанно летают через линию фронта, проникая в наши глубокие тылы, а над передним краем назойливо кружит фашистский воздушный разведчик. Все на виду у этой проклятой рамы! Только ночь лишает врага преимуществ. Ночью можно драться на равных. А потому удары по основной переправе гитлеровцев мы наносим ночью.

Полки дивизии ходили в ночные контратаки не только на Дону, но и на Аксае. Если днем противнику удавалось потеснить наш полк, ночной контратакой мы возвращали утерянные позиции. Были созданы специальные батальоны для ночных действий. Бойцов обучили атаковать внезапно, стремительно, без звуковых и световых сигналов, прокладывать дорогу автоматами и гранатами.

Расскажу о бое в ночь на 11 августа. Накануне я получил распоряжение отойти на новый оборонительный рубеж (внешний сталинградский). Но приказа на ночную атаку не отменил. Она началась в тот час, когда вражеские солдаты ужинали в своих окопах. Без единого выстрела, без сигнальных ракет ринулись наши бойцы вперед, одним броском достигли траншей неприятеля. В полночь овладев населенными пунктами Генераловский, Кондауров и Сазонов, мы истребили свыше четырехсот гитлеровских солдат и офицеров. В свое расположение вернулись с двадцатью пятью пленными и с большими трофеями.

В ту же ночь дивизия бесшумно снялась, оставив на старом рубеже разведывательный и учебный батальоны и артиллерийскую батарею. Еще не забрезжил рассвет, а те, кого мы оставили для прикрытия, развили такую активность, что дезориентированный противник ждал новой атаки. Внезапно для гитлеровцев оба батальона и батарея через сутки отошли. Так дивизии удалось совершить марш на новый рубеж, не имея за спиной наседающего неприятеля.

Пятьдесят дней боев между Доном и Волгой вообще богаты

примерами гибкой тактики, продиктованной специфическими условиями военного театра и непрерывно менявшейся обстановкой. Не могу при этом умолчать о трудностях, которые возникли в результате недопустимого разрыва между дивизией и армией. В первых числах августа мы дрались на Дону, а штаб 51-й армии отходил на Элисту. Последний приказ, полученный от генерал-майора Т. К. Коломийца, заменившего командарма Н. И. Труфанова, гласил: Действовать самостоятельно в зависимости от обстановки. Такой самостоятельности не возрадуешься. Боеприпасы и продовольствие истощаются, до армейских складов не добраться, а кто и как будет нас снабжать - неизвестно. Потом связь с 51-й армией прекратилась вовсе. 138-я дивизия, продолжая вести бой, оказалась в районе действий нашей 64-й армии.

3 августа при выходе дивизии на рубеж Верхне-Курмоярская, Котельниково меня вызвал заместитель командующего 64-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков. Он определил новую задачу дивизии, и с этого момента жаловаться на отсутствие оперативного руководства не приходилось. Чуйков нередко бывал в дивизии, когда она оборонялась на ближних подступах к Сталинграду. А с 15 октября того же года мы уже сражались в составе 62-й армии под его командованием в Сталинграде.

23 августа вражеская авиация совершила массированный налет на Сталинград. Мы долго видели над собой зарево огромного пожарища. Тогда мы еще не знали, что придется сражаться в городе, именем которого будет названа величайшая в истории всех войн битва.

Почти непрерывные стычки с врагом, когда на его атаки мы отвечали контратаками, а полки, то чередуясь, то действуя совместно, сражались не только днем, но и ночью, привели к заметному разжижению боевых порядков дивизии. В самом многочисленном 344-м полку насчитывалось всего четыреста четыре активных штыка, и я сообщил об этом командованию армии. Передав участок обороны 66-й бригаде морской пехоты и 157-й стрелковой дивизии, мы ушли в резерв. Но уже через три дня дивизию опять бросили в бой; противник начал наступление вдоль железной дороги - из Котельниково на Сталинград.

138-й удалось контратаками остановить немцев в районе совхоза имени Юркина, но при этом понес значительные потери полк Ф. И. Печенюка. Мы еще раз убедились, что частая смена боевых порядков ведет при маневренной обороне к большим потерям, вредно влияет на управление частями. Место для моего наблюдательного пункта было выбрано перед самой контратакой полка Печенюка. Выбрали удачно, но оборудовать НП не успели.

Пришлось забираться в обычную яму, прикрытую тонкими досками и слегка замаскированную землей. Артиллерия врага неистовствовала, и провода связи часто обрывались. Удивительно ли, что я здорово поволновался, когда на этот наблюдательный пункт прибыл В. И. Чуйков!

Тяжелый бой завязался у железнодорожного разъезда 74-й километр. Немного людей было в 3-м батальоне из полка Печенюка, но каждый из них заслужил, чтобы на братской могиле у того рубежа, где погиб батальон, был воздвигнут памятник. Шесть часов удерживали солдаты свой рубеж, хотя знали, что уже сражены комбат Бобыкин, военком Федоров и другие командиры. Немецкий полк, поддержанный большим количеством танков, прорвался через этот рубеж лишь тогда, когда пал последний солдат 3-го батальона.

Майор Печенюк находился на своем наблюдательном пункте, когда его штаб окружили гитлеровцы. Два наших офицера, начальник штаба полка старший лейтенант Лапшин и находившийся в это время в полку инструктор политотдела дивизии старший политрук Макаров, располагая только комендантским и саперным взводами, весь день отражали атаки врага. Ночью после яростной контратаки они пробились к своим и вынесли всех раненых.

Шестнадцать часов длился бой у маленького железнодорожного разъезда 74-й километр. Мы истребили девять немецких танков. Пять танков сожгли, забросав бутылками с горючей жидкостью. За этот бой личный состав 138-й дивизии получил благодарность Военного совета 64-й армии.

29 августа дивизия оказалась полуокруженной в районе разъезда. Были разбиты все автомашины, пали все верховые лошади, связь с армейским штабом оборвалась. Поэтому мы долго не знали о приказе на отход и продолжали яростно отбивать атаки врага. Лишь к вечеру удалось принять радиограмму, в которой командарм М. С. Шумилов приказал занять новый рубеж обороны на участке Варваровка, Гавриловка.

Там наши артиллеристы прямой наводкой громили вражескую колонну танков, находившуюся на подходе к переднему краю. После трех атак противник потерял двадцать пять танков из ста, и немецкая пехота тут же стала окапываться вдалеке от наших войск.

Находясь в резерве в районе северо-западнее Бекетовки, дивизия получила небольшое пополнение. С ним прибыл и полковник Д. А. Реутский.

Негоже судить о человеке по анкетным данным, но учитывать их, чтобы для дела был прок, следует. Реутский оказался на год

старше меня, воевал еще в гражданскую, был ранен на Восточном фронте. В мирные годы закончил военную академию и преподавал тактику на высших офицерских курсах Выстрел. Обычная биография командира, связавшего свою судьбу с армией. Необычным было только одно: назначение Реутского на должность командира 344-го стрелкового полка. Полками у нас командовали майоры. В дивизии кроме меня полковником был лишь мой заместитель по строевой части И. И. Куров.

Дмитрий Александрович недолго находился в нашей дивизии. Тяжелейшее ранение вывело его из строя. Рассказ о Реутском еще впереди, а сейчас - о нашем разговоре при первом знакомстве.

Явился полковник, как и положено командиру, безупречно подтянутый, бодрый. Высокий, стройный, он выглядел моложе своих лет. Гладко зачесанные черные волосы чуть серебрились лишь у висков. Слушал меня внимательно и не смутился, когда я прямо спросил:

- Что побудило вас принять должность командира полка? Изъявили желание или подчинились приказу?

Мой вопрос был продиктован вовсе не праздным любопытством. Доверяя подчиненному полк (а 344-й пользовался славой лучшего в дивизии), я хотел знать о его командире больше, чем мог почерпнуть из анкеты.

- Были у меня три желания и все исполнились, - ответил Реутский. Настойчиво просил начальника курсов Выстрел отправить меня на фронт, и как ни упорствовало начальство, своего добился. В резерве Сталинградского фронта читал в газете и слышал рассказы о вашей дивизии. Очень просил направить меня к вам. Как видите, вняли моей просьбе. Затем... - полковник чуть помедлил, понимая, что меня интересует несоответствие его военного образования и звания последнему назначению, - затем я просил дать мне полк. Не выше! Для практического опыта бывшему преподавателю тактики именно это и надо. Если на первых порах даст о себе знать отсутствие опыта...

- ... Это не будет служить для вас оправданием, - сказал я.

И не пожалел, что сказал: принял командование - неси полную ответственность за бой, который может грянуть в любой момент. Ссылки командира на недоработки своего предшественника на войне не прощаются.

Реутский согласился со мной и в свою очередь спросил, будем ли мы воевать в самом Сталинграде.

Я не мог точно ответить своему подчиненному, хотя уже знал, что командование 62-й армией принял В. И. Чуйков, и в глубине души надеялся, что он вспомнит о нашей дивизии.

138-ю переправили на другой берег, и с острова Сарпинский я вернулся в штаб 64-й армии. Генерал М. С. Шумилов, члены Военного совета К. К. Абрамов и З. Т. Сердюк выразили благодарность дивизии за ратные дела в составе 64-й армии и сообщили, что 138-я уходит в резерв фронта.

Это было 5 октября. Позднее я узнал, что именно в тот день из Ставки Верховного Главнокомандования на имя командующего Сталинградским фронтом пришла телеграмма следующего содержания:

... требую, чтобы вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику, а та часть Сталинграда, которая занята противником, должна быть освобождена.

Есть на Волге утес...

Наш фронт - Баррикады

Время начисто стирает и те следы войны, которые надо бы сохранить для будущего. Ветры да дожди изменили контуры обрывистого берега Волги у завода Баррикады, и блиндаж-штольню засыпало землей, а земля поросла травой. Теперь уже не найти тот блиндаж...

Строили его для дирекции завода в самые грозные дни лета сорок второго. Отсюда, как с командного пункта, шли приказы по цехам - кому оставаться у станков, кому уходить на фронт. А фронт был рядом. Связные мчались в штольню-блиндаж со сводками о количестве оружия, изготовленного в цехах, и с боевыми донесениями отряда истребителей фашистских танков.

Завод эвакуировался, блиндаж-штольню занял штаб 62-й армии, а потом - штаб стрелковой дивизии Л. Н. Гуртьева. Сменяя дивизию, мы не предполагали, что в считанных метрах от блиндажа-штольни разгорятся ожесточенные схватки с гитлеровцами.

Пядь приволжской земли, где сражались рабочие Баррикад и воины, обозначена ныне памятниками. Солдатское спасибо за это от тех, кто воевал на рубежах Баррикад. И все-таки жаль, что исчез блиндаж-штольня...

Начиная рассказ о боях в Сталинграде, я зримо представляю этот блиндаж, в котором бывал командующий фронтом и куда прибегал солдат с переправы, чтобы согреть окоченевшие руки. Тогда, в сорок втором, я шел к этому блиндажу, обходя разбитые вагоны, свалки станков - их так и не успели вывезти на другой берег. Огромная воронка от бомбы зияла перед входом в блиндаж, а напротив, уткнувшись носом в илистый грунт, догорала над водой баржа.

Старший лейтенант В. О. Коноваленко, сопровождавший

меня, остановился перед одной из комнат блиндажа.

- Здесь, - шепотом сказал он.

Я переступил порог и увидел склонившихся над картой командующего фронтом генерал-полковника А. И. Еременко, его заместителя генерал-лейтенанта М. М. Попова, генералов В. И. Чуйкова, Н. И. Крылова и дивизионного комиссара К. А. Гурова - из 62-й армии. Видимо, я помешал, и все ждали, когда представлюсь командующему. Еременко сказал, что задачу дивизии определит командарм Чуйков, но тут же предупредил:

- Враг рвется вперед. Отступать нам некуда. Отступать нельзя. Это вам ясно?

- Ясно.

Генерал-майор Крылов увел меня, чтобы познакомить с обстановкой. По дороге сообщил:

- Мы переберемся южнее завода Красный Октябрь, а вам располагаться тут. Лучшего места для штаба дивизии не сыскать.

В книге Поход на Сталинград немецкий генерал Дёрр пишет:

Путь к этой полосе (прибрежная полоса р. Волги. - И. Л.) лежал через районы города, промышленные предприятия и железнодорожные сооружения, которыми необходимо было овладеть; их сопротивляемость благодаря характеру местности, оборудованию позиций, боевым качествам личного состава и вооружению обороняющихся войск была настолько сильной, что сил 6-й армии никогда не хватало для того, чтобы одновременно атаковать эти два объекта.

Эти тяжелые условия тогда не сразу были учтены, они полностью выявились лишь в ходе боев.

14 октября началась самая большая в то время операция: наступление нескольких дивизий (в том числе 14-й танковой, 305-й и 389-й пехотных) на тракторный завод... Со всех концов фронта, даже с флангов войск, расположенных на Дону и в Калмыцких степях, стягивались подкрепления, инженерные и противотанковые части и подразделения, которые были так необходимы там, где их брали. Пять саперных батальонов по воздуху были переброшены в район боев из Германии. Наступление поддерживал в полном составе 8-й авиакорпус.

Наступавшие войска продвинулись на 2 км, однако не смогли полностью преодолеть сопротивление трех русских дивизий, оборонявших завод, и овладеть отвесным берегом Волги. Если нашим войскам удавалось днем на некоторых участках фронта выйти к берегу, ночью они вынуждены были снова отходить, так как. засевшие в оврагах русские отрезали их от тыла{5}.

14 октября, в день, о котором пишет Дёрр, мы еще находились в резерве фронта по ту сторону Волги.

С утра поехал на совещание комбатов в 344-й полк. Знал, что их интересует, и, не мудрствуя, сказал:

- Мы воевали на просторах между Волгой и Доном. Там левофланговый солдат видел своего однополчанина на правом фланге. В уличных боях солдату придется действовать самостоятельно. Готовьтесь к этому...

До пылающего Сталинграда всего десять километров. В дивизию прибыло пополнение, и ветераны радушно встретили новичков. В ту же ночь солдаты получили оружие.

Поступил приказ командующего фронтом о готовности к переправе. Следующий приказ был от командарма Чуйкова: Командиру 138 сд немедленно и по тревоге поднять один полк в полном составе и не позднее 5. 00 16. 10. 42 г. переправить его на западный берег р. Волга.

С полком майора Печенюка к Волге ушли мой заместитель полковник Куров и старший лейтенант Коноваленко. Через сутки с переправы 62-й армии, где нас ждали бронекатера и два моторных парома 44-й бригады Волжской флотилии, начали переправу полки Гуняги и Реутского.

Над Волгой в темени ночи кружат фокке-вульфы, сбрасывая на парашютиках фонари. Вспыхивают ракеты, освещая зеркальную гладь реки. Мы на виду у противника. Он бьет по переправе. Всем не терпится скорее добраться до берега. На земле пехотинец твердо стоит на ногах. Там он может перебегать, маскироваться, окапываться. Другое дело - на воде и под огнем. Муторно становится на душе, когда по тебе бьют, а ты сидишь в трюме баржи, сжав винтовку.

Некоторые новички нервничают. Сужу об этом по обрывкам разговоров:

- Почему так медленно?

- Будто на месте стоим...

- Этак им недолго пристреляться... И ни за понюх табаку...

- Не хнычь! На то Волга, чтоб плыть по ней долго. Солдаты тягостно молчат. И вдруг на самой высокой ноте взлетает песня:

Есть на Волге утес...

И не сразу и не дружно, но песню подхватили. В тот же миг показалось, что веселее затарахтел катер, буксирующий баржу к другому берегу.

Первый приказ Военного совета 62-й армии гласил:

16 октября 42 года. 23. 50. Штарм 62.

1. Противник занял Сталинградский тракторный завод, развивает удар от СТЗ к югу вдоль железной дороги и стремится захватить завод Баррикады.

2. 62-я армия продолжает удерживать занимаемый рубеж,

отбивая яростные атаки противника.

3. 138-й Краснознаменной сд к 4. 00 17. 10. 42 г. занять и прочно оборонять рубеж южная окраина Деревенек, Скульптурный. Не допустить выхода противника в район проспекта Ленина и завода Баррикады.

650 сп Печенюка занять территорию завода Баррикады, создать в нем сеть огневых пунктов и не допустить проникновения противника на завод.

Генерал-лейтенант В. Чуйков

Генерал-майор Крылов

Див. комиссар К. Гуров

Полк Печенюка уже в бою, но обстановка вынудила его сражаться не там, где это определялось приказом. Такое бывает нередко, когда смена частей происходит под воздействием атакующего противника.

Спешу к полковнику Гуртьеву на командный пункт 308-й дивизии. Шестнадцать лет мы не виделись, а теперь, в бою, один должен сменить другого. Обнялись, расцеловались. Прошу связистов Гуртьева соединить меня с Печенюком,

- Жарко тут, - слышу голос Печенюка. - Деремся, как на семьдесят четвертом километре.

Это приятно слышать. У железнодорожного разъезда 74-й километр, между Котельниково и Сталинградом, 650-й полк показал образец стойкости.

Дивизия еще втягивалась в бой, а гитлеровцы уже прорвались к некоторым цехам Баррикад. С Верхнего поселка они просматривают территорию завода вплоть до набережной, простреливают нашу оборону на всю глубину. Немецкие танки атакуют фланги дивизии и рвутся к Волге, чтобы потом зажать нас в клещи. Поэтому мы обязаны не только удержать рубежи, занятые полками Печенюка и Гуняги. Надо еще ударить по фашистам, не дать сомкнуться клещам. На этот удар мы нацелили 344-й полк, который недавно принял Реутский.

Атаку 344-го полка должен был начать лучший его батальон - батальон капитана Немкова. Противник, вероятно, догадался о нашем намерении и перед самой атакой совершил артналет. Связь с батальоном Немкова оборвалась. Немцы пристрелялись и по наблюдательному пункту Реутского. Это случилось за две-три минуты до того, как был отдан приказ на атаку.

Полковник Реутский взял в руки автомат.

- Идем к Немкову! - приказал он адъютанту.

Снаряд угодил в наблюдательный пункт, когда полковник уже собирался покинуть его. Только необычайная сила Реутского позволила ему, раненному и контуженному, подняться на ноги.

Он ничего не видел. В ушах стоял пронзительный звон. Адъютант вложил в руку командира полка телефонную трубку, и тот понял, что связь с батальоном Немкова восстановлена.

- Слушай меня, Немков, и не перебивай, - сказал Реутский. - Передаю приказ Первого. Это и мой приказ: поднимай батальон в атаку, наступай на Баррикады... Вперед, Немков!.. - Трубка выпала из рук Реутского, и сам он повалился на землю.

Перевязочный пункт полка находился у берега Волги. Врач сказал мне, что положение раненого тяжелое, что ему грозит полная слепота. Мы зашли в палатку, где лежал Дмитрий Александрович. Он узнал меня по голосу.

- Где полк? Выполнил полк задачу?

Я принес хорошие вести. 344-й полк атаковал успешно, помог Печенюку и теперь закрепляется на новом рубеже. В штабе армии уже знают об этом. Немков и Реутский представлены к правительственным наградам, И еще пожелал . полковнику вернуться в стррй, в нашу дивизию...

Двадцать лет спустя я прочел в Литературной газете очерк о человеке, который остался в строю наперекор тяжкому недугу. Газета рассказывала о подвиге героя Сталинградской битвы, который стал одним из лучших партийных пропагандистов Киева - о слепом полковнике в отставке Дмитрии Александровиче Реутском. Потом было опубликовано письмо мариупольского рабочего Леонида Зайцева: Если только он, Реутский, согласен, то я ему, патриоту нашей любимой многонациональной Родины, готов отдать один свой глаз...

Проводив Реутского на переправу, я вернулся в блиндаж-штольню. Новые хозяева уже навели там порядок. Саперы отрыли ходы сообщения к реке, связисты дали нитки во все-подразделения, развернулся медпункт, работал хозвзвод.

В полночь бой утих. Можно было и отдохнуть час-другой. Я прилег, думая о Реутском и о том, кем его заменить.

Дивизия воюет своими полками, и ее успех во многом зависит от личных качеств командиров полков. Майор Печенюк из 650-го выделяется храбростью, обладает бесценной на войне интуицией, которая помогает принимать смелые решения и осуществлять их. Майор Гуняга из 768-го в отличие от Печенюка чрезмерно осторожен, однако его трезвая расчетливость в обороне положительно сказалась на действиях полка. Дивизии предстоят тяжелые бои. Здесь, на Баррикадах, от нас потребуется железная стойкость при защите рубежей, дерзость в контратаках, умение приспосабливаться к новым, необычным условиям. Есть у меня на примете командир, который в храбрости не уступит Печенюку, в расчетливости - Гуняге. Он, правда, еще очень молод,

и воинское звание у него небольшое. Интересно, что завтра скажут мои товарищи, когда предложу этого офицера на должность командира 344-го полка?..

На Баррикадах мы дрались сто дней и ночей, а с 11 ноября и почти до конца года были отрезаны от своих частей. Впереди и на флангах до берегов Волги враг. Позади - река. Переправиться к нашей дивизии может лишь тот, кто отважится плыть под перекрестным огнем немецких пулеметов и автоматов. В те дни (это отмечает в своих мемуарах В. И. Чуйков) о защитниках Баррикад в газетах не писали - ни один корреспондент не мог пробраться к ним.

В архиве Министерства обороны СССР 138-я дивизия за тот период представлена самой тощей папкой. Мы испытывали нужду не только в боеприпасах и продуктах. Бумаги не было тоже, да и, признаться, некогда было писать.

Надеюсь, читатель простит мне отсутствие последовательной хроники боевых действий на Баррикадах. Ее нет в архиве, но она незабываема, ибо в каждом факте, в каждом эпизоде, сохраненном памятью, проявлялся характер воина, сражавшегося на земле Сталинграда.

- Ну, старшой, куда пойдем?

- Если не возражаете, товарищ полковник, в батальоны Щербака и Беребешкина.

Я так и знал: старший лейтенант Владимир Коноваленко предложит начать осмотр переднего края с 344-го полка. Ранение полковника Реутского взволновало Коноваленко. Я слышал, как старший лейтенант доказывал своему начальнику, майору Рутковскому, что беда миновала бы Реутского, будь он, Коноваленко, в 344-м полку.

- Скажи какой ангел-хранитель! - усомнился начальник оперативного отделения.

- Не в том дело! - горячился обычно спокойный Коноваленко. - Я раньше других переправился на этот берег и знал, какая тут обстановка, где можно оборудовать наблюдательный пункт командира полка.

- Какая же тут обстановка? - допытывался Рутковский.

- А такая, товарищ майор, что надо сближаться с противником до расстояния броска гранаты. Тогда его авиации и артиллерии заказано бить по переднему краю. Своих поразят.

Помощники Рутковского - капитан Гулько и старший лейтенант Коноваленко уже облазили передний край каждого полка. Коноваленко правильно оценивает обстановку и характер предстоящих боев. Вот он и сопровождает меня в полки, чтобы я убедился, как оборудованы наблюдательные и опорные пункты,

узлы сопротивления, как действует связь между ними.

Фронт дивизии изогнулся, рассекая цеха завода и улицы Нижнего поселка. Против нас действует 305-я пехотная дивизия немцев, ее поддерживает танковая бригада. Изрядно потрепанная в боях с 308-й дивизией, которую мы сменили, танковая бригада гитлеровцев еще располагает сорока машинами, а у нас - ни одной. Вся надежда на артиллерию, которой управляет храбрец и умница подполковник Тычинский{6}. Его артиллеристы сыграли не последнюю роль в боях за Баррикады.

Прошла неделя после переправы, и, хотя враг топчется на месте, бой с каждым днем принимает все более ожесточенный характер. Вот что записано в моем дневнике за 25 октября:

С шести утра самолеты Ю-87 бомбили боевые порядки дивизии. Противник атакует танками. В образовавшиеся разрывы между полками пришлось ввести резервы, чтобы восстановить положение.

В 13.00 отбита сильная атака на полк Гуняги. Через два часа - повторная атака танками и пехотой. Гитлеровцам удалось овладеть Красным домом. Гарнизон этого дома погиб.

Вечером и в полночь противник продолжает атаки. 1-й батальон 344-го полка выдержал двухчасовой бой. Командарм Чуйков сказал мне по телефону: Знаю, что вам туго, но именно сейчас во что бы то ни стало надо удержать рубежи.

Рубежи надо удержать! На Баррикадах нет такого наблюдательного пункта, откуда можно обозреть эти рубежи. Коноваленко знает их на память и показывает мне опорные пункты и узлы сопротивления, рассчитанные на круговую оборону.

С опорного пункта батальона Щербака видны узлы сопротивления. Четырехэтажное здание на соседней улице - это уже опорный пункт батальона Немкова. Есть ротные опорные пункты. Одноэтажные дома обороняют гарнизоны из трех-четырех солдат. У них ручной пулемет и винтовки, автоматы, гранаты. Они бьют по дальним целям и готовы к рукопашным схваткам. Только разрушив дом, противник может достигнуть рубежа, на котором стоит этот дом.

Немцы уже испытали стойкость нашей обороны. Батальонный комиссар Фомин из 344-го полка показал мне письмо убитого гитлеровского офицера, принесенное нашими разведчиками:

Нам надо дойти до Волги. Мы ее видим - до нее меньше километра. Нас постоянно поддерживает авиация и артиллерия. Мы сражаемся как, одержимые, а к реке пробиться не можем. Вся война за Францию продолжалась меньше, чем за один приволжский завод. Мы брали крупные города и теряли при этом

меньше людей, чем на этом богом проклятом клочке земли. Против нас, вероятно, сражаются смертники. Они не получают подкреплений, так как мы контролируем переправу. Они просто решили сражаться до последнего солдата. А сколько их там осталось последних? И когда этому аду наступит конец?..

Возвращаясь в штаб, собираю малый военный совет - комиссара дивизии Николая Ивановича Титова, Ивана Ивановича Курова и Василия Ивановича Шубу. Нам надо посоветоваться.

- 344-му полку требуется командир. Взять его придется из вашего штаба, Василий Иванович, - обращаюсь к подполковнику Шубе.

- Кого имеете в виду? - настороженно спрашивает он.

- Коноваленко.

Все молчат. Мой заместитель по строевой части Иван Иванович Куров старший среди нас по возрасту. Жду, что он скажет.

- Коноваленко - командир толковый, но... - Куров разводит руками, - как быть с субординацией? В полку есть капитаны, майоры, а командовать будет старший лейтенант.

По выражению лица комиссара догадываюсь, что такое возражение можно отклонить. Вызываем Коноваленко. Он явился в походной форме, полагая, очевидно, что опять предстоит идти в полк с каким-нибудь заданием. Оказанным ему доверием смущен, смотрит на меня, чуть приоткрыв полные губы, тихо говорит:

- Вы уверены, что справлюсь?

- И думать не смей, что не справишься! - перебивает комиссар. - Мы за тебя головой отвечаем.

- Подполковник Шуба, пишите приказ, - обращаюсь к начальнику штаба. Допустить к исполнению должности командира 344-го стрелкового полка 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии капитана Коноваленко Владимира...

- Я пока не капитан, - робко замечает Коноваленко.

- В полк пойдешь капитаном! Две шпалы на гимнастерку даст комиссар, две шпалы на шинель - я. Ступай, капитан, а мы тут подготовим представление к новому званию, оформим приказ.

... Семь месяцев спустя в боях на Курской дуге (138-я дивизия именовалась тогда 70-й гвардейской, 344-й полк - 203-м гвардейским полком в составе 17-го гвардейского корпуса, а я командовал 15-м стрелковым корпусом в 13-й армии) мне удалось связаться по телефону с полковником Шубой.

- Здравствуйте, Василий Иванович! Узнал, где вы находитесь и как здорово, по-гвардейски, воюете. Спасибо вам!

- Рад слышать ваш голос, товарищ гвардии генерал-майор. Деремся, как на Баррикадах.

- А как показал себя в бою Коноваленко?

- Не хватает слов, чтобы достойно оценить этого офицера. О Коноваленко, о делах его полка скоро узнаете.

Полковник Шуба имел в виду подвиг, о котором в Истории Великой Отечественной войны Советского Союза в главе, повествующей о Курской битве, сказано, что почти все солдаты и офицеры 203-го гвардейского стрелкового полка были представлены к правительственным наградам. В ту пору немногие удостаивались такой чести.

Забегая вперед, хочу сказать, что и на Днепре, потом на Правобережье Украины гремела слава командира 203-го гвардейского полка Героя Советского Союза гвардии майора Владимира Коноваленко.

На исходе октябрь. Противник наращивает атаки на рубежи нашей дивизии, обороняющей завод Баррикады. Бомбами, снарядами и минами он крушит здания цехов, жилые кварталы. Когда дома превращаются в груды щебня, их гарнизоны перебираются в подвалы. Наш солдат, пока жив, не оставляет своего рубежа.

В те напряженные дни пришла весть, которая взволновала и опечалила меня. Полковник Шуба сообщил о телеграмме, полученной от генерала Крылова. Она касалась сына Долорес Ибаррури - Рубена, пропавшего без вести в боях под Сталинградом. Крылов спрашивал, не располагаем ли мы какими-либо сведениями. Мы, к сожалению, ничего не знали.

Этот юноша был очень близок и дорог мне. Мы познакомились за два года до начала войны, когда заместитель начальника Генерального штаба комдив И. В. Смородинов приказал мне, офицеру этого штаба, явиться к секретарю Исполкома Коминтерна Дмитрию Захаровичу Мануильскому:

- Поможете ему решить один вопрос, а какой - Мануильский вам объяснит.

С таким напутствием приехал я к Мануильскому, а от него узнал о заветном желании единственного сына Долорес Ибаррури поступить в военное училище. Юноша закончил среднюю школу, хорошо говорил по-русски. Мать одобряла решение сына. Но какое училище для него выбрать? И как это оформить? Я понял, чего от меня ждут, и в общих чертах обрисовал будущее молодого человека, окончившего военное училище.

Мануильский и я пошли к Долорес Ибаррури. В ее кабинете (жили тогда Ибаррури на улице Горького) застали Хосе Диаса - секретаря ЦК Испанской коммунистической партии. Он тоже принял участие в беседе. А началась она необычно.

- Товарищ полковник, как вы стали военным? - спросила

Долорес Ибаррури. С чего вы начали?

- Начал с ездового на пулеметной тачанке.

Пришлось рассказать, что такое тачанка. Узнав, что у меня два сына, Долорес Ибаррури спросила, кем бы я хотел видеть своих мальчиков в будущем. А им еще предстояло расти и расти. Старший, Толька, учился в четвертом классе, но уже твердил, что станет Чкаловым. Валька, дошкольник, расстилал на полу мой полушубок, завертывался в него и кричал: Я - Папанин!

Мы от души посмеялись и перешли к серьезному разговору.

Несколько раз обсуждали на семейном совете, в какое училище поступить Рубену. Я горячо рекомендовал подать документы в училище имени Верховного Совета РСФСР - знаменитую школу кремлевских курсантов, как ее называют в народе.

Через несколько дней документы были оформлены. Навестив Ибаррури, я застал мать и сына в заботах. Кто-то в училище сказал, что надо взять из дому личные вещи, и Рубен усердно набивал большой чемодан. Мы тут же вместе разобрали его, а когда закончили повторную укладку, на дне чемодана остались мыльница и зубной порошок со щеткой...

Все это я вспомнил в самую тяжелую пору Сталинградской битвы - в темную октябрьскую ночь над волжским обрывом.

Все эти годы храню как реликвию копию письма Д. З. Мануильского к Долорес Ибаррури:

19 октября 1942 г.

Дорогой друг и боевой товарищ!

По заданию Главного политического Управления Красной Армии я был на Сталинградском фронте и имел возможность лично выяснить обстоятельства, при которых погиб Рубен. Был на том месте у хутора Власовка, где он пал смертью храбрых.

Посылаю тебе, дорогой товарищ Долорес, заключение, подписанное членом Военного совета Сталинградского фронта тов. Хрущевым, об отваге твоего сына и его героической смерти.

За несколько дней до гибели Рубена к разъезду 564, ведущему к станции Котлубань, прорвались неприятельские танки. Захват противником станции Котлубань грозил прервать сообщение со Сталинградом. Военная обстановка сложилась таким образом, что главная тяжесть удара танков и мотопехоты противника упала на плечи пулеметной роты, которой командовал орденоносец гвардии старший лейтенант тов. Рубен Ибаррури.

Отважными действиями курсантов учебного батальона и в особенности мощным огнем пулеметной роты, организованным Ибаррури, путь противнику был прегражден, и немецко-

фашистские части не были допущены к станции Котлубань. Действуя в дальнейшем в направлении хутора Власовка, пулеметная рота учебного батальона, увлекаемая примером тов. Ибаррури, проявила исключительный героизм в деле истребления живой силы и техники врага. Пулеметная рота тов. Рубена Ибаррури своим губительным огнем уничтожила передовые части противника, который в панике отступил, бросил пушки, минометы, пулеметы, автоматы, винтовки и оставил на поле боя свыше 100 солдат и офицеров только убитыми.

В этом бою гвардии старший лейтенант тов. Рубен Ибаррури был смертельно ранен, вынесен бойцами с поля боя и направлен в госпиталь. Хутор Власовка был занят нашими частями, причем захвачено было у противника большое количество трофеев, в том числе: 12 минометов, 16 станковых пулеметов, 27 противотанковых ружей, автомашины, винтовки, большое количество снарядов и патронов.

У могилы своего славного командира бойцы, которыми командовал гвардии старший лейтенант тов. Рубен Ибаррури, поклялись отомстить за смерть своего боевого товарища...

... Пусть эта оценка послужит тебе, дорогой друг и товарищ, моральной поддержкой в постигшей тебя тяжелой утрате.

Ни Испания, ни наша страна не забудут имени твоего славного сына. Честь и слава твоему достойному сыну и его достойной матери, взрастившей и воспитавшей его!

Сердечно обнимаю тебя.

Д. Мануильский

Незрима эстафета подвигов во имя Родины, совершенных в разные времена. Но она существует, я верю в это.

Украинский хлопец из светловской Гренады, полюбившийся миллионам людей, так и не побывав в далекой Испании, погиб, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать. Много лет спустя наши соотечественники, реальные герои, проливали свою кровь в боях с фашизмом за свободу Испании. А в 1942 году, преграждая путь фашистским танкам к Волге, упал, сраженный, на русскую землю отважный испанский юноша Рубен Ибаррури.

Три сержанта

Из показаний пленных мы узнали, что 578-й полк 305-й немецкой пехотной дивизии получил недавно пополнение из Данцига. Прибыло четыреста солдат, осталось сорок. Несмотря на такие потери, враг рвется к Волге.

29 октября дивизия отбила четырнадцать атак. В последнюю атаку - это было на участке полка Печенюка - гитлеровцы гнали впереди себя детей и женщин. Мы повидали на войне немало чудовищных злодеяний фашистов, но с подобным столкнулись

впервые.

Я вынужден снова обратиться к книге Дёрра Поход на Сталинград. Он не был там, где сражалась 6-я немецкая армия, и опирается лишь на свидетельства очевидцев и документы. Рассуждая о минувшей войне с позиций генерала побежденной армии, автор рассчитывает, видимо, создать у читателя иллюзию объективности. Именно в таком духе пытается он толковать о высоких этических традициях немецкой армии, сражавшейся под Сталинградом и в Сталинграде. Напрасно. Весь мир давно знает о неслыханных насилиях над мирным населением и военнопленными, совершенных немецко-фашистской армией в годы второй мировой войны. Как участник Сталинградской битвы, я могу только еще раз подтвердить это.

Подлость гитлеровцев, искавших защиту не за броней танков, а за спинами русских детей и женщин, лишь ожесточила защитников Баррикад. Они поклялись яростно отстаивать каждую пядь родной земли.

Бывший командующий 6-й немецкой армией фельдмаршал Паулюс в своих воспоминаниях{7} писал, что во второй половине ноября трижды обращался в вышестоящие инстанции с предложением отвести войска 6-й армии на Дон и Чир. Об этом, видимо, не знал командир 305-й немецкой пехотной дивизии, которая непрерывно атаковала Баррикады. А мы имели приказ нашего командарма: Дивизий Людникова, усиленной 118-м полком, удерживать занимаемую полосу обороны, не допуская противника в район улиц Таймырская, Арбатовская (Приказ No 232, 3). Этот приказ мы и выполняли.

Опыт боев на Баррикадах может явиться темой для отдельной книги. Если я напишу ее, то на картах, схемах и пояснениях к ним покажу, в чем заключалась живучесть нашей обороны, как действовали отдельные части, их подразделения, небольшие резервные группы. Мы воевали на земле - за каждую улицу и дом, за каждый холмик и овраг, за каждый метр полотна железной дороги, за каждую путевую будку. Мы дрались под землей - в лабиринтах подземных ходов большого заводского хозяйства. На Баррикадах лицом к лицу сходились солдаты противоборствующих армий, и в таких схватках победа была на стороне тех, кто самоотверженно и храбро сражался за правое дело.

Перед моим мысленным взором проходят события первых дней боев на Баррикадах. Каждое событие - подвиг, совершенный нашим воином. И прежде всего память воскрешает имена трех сержантов из разных полков - Ивана Свидрова, Ивана Злыднева и Александра Пономарева.

На опорные пункты в полку Печенюка можно проникнуть только в полночь, в час затишья.

Обходя их, я заглянул в одноэтажный каменный дом, гарнизон которого состоял из пяти защитников. Старшим по годам и званию был казах Юсупов, но командовал здесь самый юный - худенький черноволосый сержант. Он бойко доложил, как его гарнизон несет боевую службу и сколько фашистов истребил за последние три дня. А Юсупов расстелил на полу полотенце и снял с буржуйки котелок, в котором варился солдатский плов - крошево из сухарей, перемешанных с консервами.

- Ваня, - обратился он к сержанту, - угостим полковника?

Сержант смутился, а Юсупов обратился ко мне:

- Разобьем Гитлера - приезжайте в наш колхоз. Такой будет бараний плов, такой...

У него не хватило слов, чтобы описать, каким пловом угостит меня после победы. Я поблагодарил солдат и пожелал им успехов.

Через несколько дней мне позвонил Печенюк. Сообщив о тяжелой обстановке на его участке, майор, между прочим, сказал:

- Тот каменный домик, где вы были, сейчас в тылу у немцев. Мы слышим, как отстреливается его гарнизон. Знаю этих парней - живыми не сдадутся.

Потом мне сказали, что гарнизон погиб.

Много лет спустя в Волгограде, в дни празднования двадцатой годовщины победы на Волге, мне передали в президиум торжественного собрания письмо:

Товарищ генерал-полковник, докладывает бывший сержант 650-го стрелкового полка 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии Иван Ильич Свидров.

24 октября 1942 года мне было приказано с группой из четырех солдат защищать один из домов Нижнего поселка завода Баррикады. Тот дом имел важное значение в обороне, и нас предупредили, что удержать его надо любой ценой.

Каждый день мы отбивали по нескольку яростных атак фашистов. Но к вечеру 27 октября у гарнизона иссякли патроны, гранат было мало, а мы уже отрезаны от своих. Трое пали смертью храбрых. Я и старшина-казах ранены. Но бой продолжаем. Мы засели в подвале дома. Хоть под землей, а рубеж наш. И удержали его, пока наши контратакой не отбросили фашистов. Много врагов полегло около дома и в доме, который мы защищали.

А доложить командованию, что гарнизон выполнил задачу, я уже не смог. Потому делаю это сейчас.

Тяжелораненого, контуженного, переправили меня на другой

берег Волги и эвакуировали в тыл. После выздоровления вернулся в строй и сражался на других фронтах. В госпитале узнал, что наш гарнизон считали целиком погибшим, а родным послали похоронную. Сейчас живу и работаю в Волгограде. Приглашаю вас к себе в гости.

Бывший сержант 138 ксд Свидров.

Я оглядел зал и поднял конверт как знак ожидаемой встречи.

Да, это был тот самый Ваня, начальник маленького гарнизона на Баррикадах. Он, оказывается, дрался и на Ленинградском фронте, был второй раз тяжело ранен под Тарту и уже после войны инвалидом приехал в Сталинград. Работал, учился, стал инструктором промышленно-транспортного отдела Центрального райкома КПСС Волгограда. В городском музее обороны Свидров увидел пробитый осколком гранаты партийный билет своего бывшего командира дивизии. Там же в музее Свидрову сказали, что генерал-полковник Людников жив и приедет на празднование двадцатой годовщины разгрома фашистов на Волге.

Так и встретились мы с тезкой.

Письмо солдата, его последнее боевое донесение я отправил в дивизию, где мы вместе сражались. Есть там комната боевой славы. В ней нашлось место письму фронтовика. Пусть читают молодые солдаты этот замечательный документ.

Сержанта Ивана Злыднева из 344-го полка я запомнил не только потому, что у него необычная фамилия. При первой встрече, не смущаясь присутствием командира полка капитана Коноваленко, который меня сопровождал, Злыднев стал жаловаться:

- Скучно тут одному. Пока светло, бегаю по коридору от амбразуры к амбразуре. Поглядываю, постреливаю. То из винтовки, то из пулемета. А ночью маюсь в одиночестве. Дайте напарника.

Он показал нам свое хозяйство, рассказал, где обнаружил какие цели, и опять стал жаловаться:

- Назначили меня комендантом второго этажа, а над кем я комендант? Патронов, опять же, нехватка...

Патронов у каждой амбразуры было достаточно, Коноваленко даже пристыдил Злыднева, но тот не унимался:

- А мне мало. Расход большой.

Я заметил, что патронов на фашистов жалеть не следует, но тратить их надо с толком - доставлять боеприпасы на Баррикады нелегко.

- Для нас ничего не жалко, - возразил Злыднев. - Мы у всей России на виду. - И вдруг вытащил из нагрудного кармана гимнастерки немецкую листовку, чем окончательно смутил

капитана Коноваленко. Развернув ее, сержант показал аляповатый рисунок и прочел подпись под ним: До Сталинграда с бомбежкой, до Саратова с гармошкой.

- Зачем эту гадость у себя хранишь? - вспылил Коноваленко.

- Саратовский я, - сказал Злыднев, обращаясь только ко мне. - Еще под Воропаново эти пакостные листовки подбирал и отдавал политруку. А одну берегу. Можете, конечно, наказать, только очень хочется донести ее до Берлина. - Глаза его сузились, и немецкая листовка затрепетала в кулаке. - Допрет немец до Саратова - его, значит, взяла... А уж я приду в Берлин - найду кому и на каком месте эту бумаженцию прилепить!

Через несколько дней в политдонесении 344-го полка фамилия Злыднева была названа в описании боя за дом, где он был комендантом второго этажа. Немецкие саперы сделали подкоп к этому дому, в подвал проникли автоматчики. Бой шел на лестничной клетке и на верхнем этаже. Пятнадцать гитлеровцев истребил сержант Иван Злыднев. Последний бой он вел на крыше, куда забрался с ручным пулеметом. Еще семь гитлеровцев, перебегавших улицу, были скошены очередями из пулемета. Кончились патроны, и Злыднев, прикрываясь дымоходной трубой, отбивался гранатами. Сержанта ранило, но все же он пробился к гарнизону соседнего дома, перевязал рану и продолжал бой.

И наконец, о третьем сержанте - из 768-го полка майора Гуняги.

Александр Пономарев прибыл на Баррикады с пополнением, в той группе, о которой нас предупредили: Состоит из лиц, досрочно освобожденных из мест заключения. Служил в армии, имел звание сержанта. Когда пополнение распределяли по ротам, Пономарев просил, чтобы его назначили в разведку. Ему отказали и отправили в 3-ю роту, где было мало людей. На вторую или третью ночь Пономарева уже посылали в боевое охранение. Никому и в голову не пришло, что из боевого охранения, да еще в осеннюю ночь, Пономарев при желании может переметнуться к гитлеровцам. Если солдат на переднем крае, как же ему не доверять?

Посетил как-то 3-ю роту начальник штаба полка Георгий Демков и познакомился с Пономаревым. А надо сказать, что Демков, толковый грамотный офицер, поспорил с начальником разведки дивизии майором Батулиным. Демков утверждал, что карта Батулина не соответствует истинному положению на переднем крае противника и в его ближних тылах. Если добавить к этому, что немцы проявляли заметную активность, то станет ясным, как важно было нам захватить языка. Поиски полковых

разведчиков не увенчались успехом, а штаб дивизии настоятельно требовал языка.

Однажды на рассвете я заглянул в комнату, где работал подполковник Шуба, но не обнаружил его на месте. На столе зазуммерил телефон. Взяв трубку, я услышал голос Демкова:

- Товарищ Первый, нахожусь в блиндаже третьей роты. Только что сюда приволокли языка. Разрешите доставить его к вам?

- Немедленно! И приведи тех, кто взял языка.

Пока майор Батулин допрашивал верзилу-сапера из Магдебургского инженерного батальона, недавно переброшенного в район Сталинграда, я, поблагодарив Демкова, спросил, кто отличился при поимке языка.

Демков озабоченно вздохнул:

- Благодарность от вас уже получил, теперь можно и наказание понести. Я нарушил приказ командира полка майора Гуняги.

И рассказал мне Демков, как познакомился с Пономаревым, а тот, зная о неудачах полковых разведчиков, вызвался раздобыть языка. Замысел Пономарева понравился Демкову, но майор Гуняга сначала категорически запретил посылать в разведку ненадежного Пономарева, а потом, когда Демков заверил, что с Пономаревым пойдут двое надежных и проверенных, согласился. Однако строго предупредил:

- Под твою личную ответственность! Демков вернулся в роту, но там дело приняло неожиданный оборот.

- С полковыми разведчиками не пойду, - заявил Пономарев. - Я. их не знаю, они - меня... Возьму двух из нашей подмоченной группы. - И сумрачно добавил: Раз доверяете мне, то до конца.

Демков разрешил разведку.

Пономарев ушел едва стемнело, а вернулся с языком к рассвету. Можно представить себе, что пережил Демков во время бессонной ночи в блиндаже командира 3-й роты.

... Открыв дверь, Демков кликнул разведчика, и я увидел высокого статного сержанта. Александр Пономарев скупо рассказал, как обследовал объект, как бесшумно снял часового, заменив его своими хлопцами, А те, - сказал он, костьми лягут, но никого к немецкому блиндажу не подпустят. Пономарев спустился в блиндаж и длинной очередью из автомата отправил спящее отделение саперов из сна временного в сон вечный. Одного только сберег Пономарев. Об этом одном и спросил:

- Каков язычок, товарищ полковник? Стоило ради него так рисковать?

Я тут же объявил Пономареву, что с него будет снята

судимость, что здесь, на Баррикадах, он получит первую боевую награду.

- Надеюсь, не последнюю. Родина умеет ценить подвиги тех, кто ей честно служит. Это касается и двух твоих товарищей, - добавил я, - ступай скажи им об этом.

Пономарев лихо козырнул и удалился.

Александр Пономарев, кавалер многих орденов и медалей, погиб смертью храбрых два года спустя, уже на польской земле.

Я рассказал лишь о трех сержантах, но все защитники Баррикад, за весьма редким исключением, достойны самой высокой похвалы. На том клочке земли, который мы не отдали врагу, коллектив завода Баррикады поставил памятник. На мемориальной доске начертано:

В ноябре - декабре 1942 года здесь проходил передний край обороны Краснознаменной 138 стрелковой дивизии,

Дивизия под командованием полковника Людникова, будучи полуокруженной, героически защищала эту территорию, названную остров Людникова, отбила все атаки противника и участвовала в разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом.

Дивизия, отстоявшая этот остров, имела к концу войны длинное название. На ее гвардейском Знамени - шесть боевых орденов. Кровью солдат и офицеров завоевана эта слава.

Начиная рассказ о событиях ноября - декабря 1942 года, мне хочется назвать как можно больше имен воинов бывшей 138-й. Но всех, к сожалению, не перечислить.

В канун событий, о которых идет речь, в штаб дивизии принесли текст песни, сочиненной безыменным автором-солдатом. Пели ее на мотив Трех танкистов. Эта песня звучала и на больших опорных пунктах и в подвалах самых маленьких гарнизонов. Я запомнил два последних куплета:

От разрывов улицы дрожали,
Но не дрогнул фронт наших полков.
Мы стеной гранитной дружно встали
На защиту волжских берегов.
Мы сражаемся на Баррикадах,
Не страшит нас самый ярый бой.
Грянем, братцы, песню о солдатах,
О героях сто тридцать восьмой!
Кто - кого?

Для ясности обратимся к схеме Бой за завод Баррикады. На ней хорошо видно положение на 11 октября 1942 года. В то время мы еще были на левом берегу Волги и только готовились к переправе. Неделю спустя линия фронта сузилась, однако

измерялась пока километрами (положение к исходу 18 октября). Маленькая дуга, или подкова, концы которой упираются в Волгу, изображает остров, который образовался к исходу дня 11 ноября. На этом клочке земли (речь идет уже о метрах) сорок дней и ночей сражалась 138-я Краснознаменная, пока не соединилась с соседом и не перешла затем в наступление.

Почему образовался остров? Как это случилось?

Гитлер приказал командующему 6-й немецкой армией Паулюсу любой ценой достигнуть берега Волги на всем протяжении Сталинграда. Паулюс собрал все, что мог, нацелив главный удар на заводы Баррикады и Красный Октябрь. Этот удар готовился скрытно, но 10 ноября вечером противник провел массированную бомбежку позиций советских артиллеристов на левом берегу. Отдельные немецкие самолеты, сменяя друг друга, кружили над передним краем. Из наших полков сообщали: противник уплотняет боевые порядки.

Верные своей тактике, гитлеровцы сосредоточили большие силы на узком участке против правого фланга 138-й дивизии, обороняемом 118-м гвардейским стрелковым полком{8}. Пять часов удерживали гвардейцы рубеж, но немцы бросили в атаку два свежих саперных батальона и, смяв остатки 1-го батальона 118-го полка, прорвались к Волге. Гвардейцы оказались в окружении, но врагу не сдавались. Ночью к нам пробрались семеро раненых из этого полка. Они вынесли с поля боя тяжелораненого командира 118-го гвардейского полка подполковника Колобовникова.

В центре дивизии отбивал яростные атаки врага полк Коноваленко. Его маленькие гарнизоны, оказавшись в тылу наступавших фашистов, сражались в подвалах разрушенных домов. А на левом фланге дивизии, чтобы пробить брешь между полком Печенюка и 241-м полком из соседней 95-й дивизии (ею командовал В. А. Гориш-ный), немцы бросили в бой все машины своей танковой бригады. Не считаясь с потерями, враг рвался вперед. К полудню, когда погиб почти весь личный состав 241-го полка, немцы и здесь вышли к Волге.

В полночь я вызвал на Малый военный совет начальника артиллерии Тычинского. Нелегко мне было в присутствии ближайших помощников и соратников обратиться к одному из них, старому другу и однополчанину, с приказом, который отдают в самом крайнем случае. Но окружавшие меня офицеры ясно представляли себе ситуацию: час назад вместе с бойцами из роты охраны они уничтожали вражеских автоматчиков, угрожавших штабу дивизии.

- Сергей Яковлевич, - обратился я к Тычинскому, - установите

четкие сигналы для своих артиллеристов. Если противник выйдет на командный пункт дивизии - цель должна быть накрыта. В этом случае приказываю обрушить на командный пункт огонь всей нашей артиллерии.

Офицеры штаба осмотрели оружие, запаслись гранатами и ушли проверять посты и дозоры вдоль берега Волги.

С рассветом бой разгорелся снова, но у противника уже не было прежних сил: за ночь мы уничтожили свыше тысячи вражеских солдат и офицеров. А 138-я Краснознаменная продолжала драться с великой стойкостью. Когда из штаба 62-й армии позвонил генерал Н. И. Крылов, я, доложив обстановку, с чистой совестью сказал:

- Враг нас отрезал, разъединил с вами. Но мы на Баррикадах. А с баррикад не уходят.

Из сорока дней боев в этом своеобразном полуокружении самой трудной была первая неделя. И хотя вслед за нею начались неимоверно тяжелые для нас испытания, радость защитников Баррикад, узнавших о большом наступлении советских войск к Волге, не поддавалась описанию.

19 ноября из разговора с генералом Н. И. Крыловым по радио я понял смысл и значение его слов: Уже началось! Глядите в оба, чтобы противник от вас не ушел.

А немцы продолжали упорные атаки, будто знали, что запасы боеприпасов и продуктов у нас на исходе. Сказать об этом Крылову я не успел. Штабная радиостанция замолчала - кончилось питание.

В ту пору зарубежные газеты немало писали о битве на Волге. Приведу лишь две выдержки из разных газет, чтобы сопоставить их описание с истинной обстановкой на Баррикадах.

Американская газета Нью-Йорк геральд трибюн писала:

Такие бои не поддаются стратегическому расчету. Они ведутся со жгучей ненавистью, со страстью, которой не знал Лондон даже в самые тяжелые дни германских налетов.

При всем уважении к стойкости лондонцев, испытания, которым они подверглись, не выдерживают сравнения с тем, что выпало на долю жителей и защитников города на Волге. Ничто не угрожало зенитчикам Лондона, кроме прямого попадания бомбы на их батарею. Мы сражались с фашистами лицом к лицу. Но разница не только в этом!

16 ноября 1942 года я отдал приказ, устанавливавший каждому, от комдива до солдата, урезанную норму суточного рациона продовольствия.

В ночь на 16 ноября старший политрук Михаил Зуев, заместитель редактора дивизионной газеты, вызвался добраться

вплавь до острова Зайцевский, чтобы оттуда сообщить Военному совету армии о наших нуждах. По Денежной Воложке{9} шла шуга. Пока Зуев плыл в ледяной воде, наша артиллерия и минометы вели огонь по огневым точкам противника, мешая им поразить смельчака. Зуев пошел на риск, понимая, что иной связи с Военным советом у нас не может быть.

В ту пору официоз фашистской партии Германии - газета Берлинер Берзенцейтунг писала:

Впервые в истории современный город удерживается войсками вплоть до разрушения последней стены. Брюссель и Париж капитулировали. Даже Варшава согласилась на капитуляцию. Но этот противник не жалеет собственный город. Наше наступление, несмотря на численное превосходство, не ведет к успеху. Противник не жалеет собственный город...

Приведу лишь один эпизод нашей безжалостности, которой фашистский официоз пытался объяснить неудачи своих войск. Чтобы открыть пехоте дорогу к Волге, десять немецких танков обрушили свой огонь на один четырехэтажный П-образный жилой дом в Нижнем поселке Баррикад. Дом обороняли бойцы минометного взвода из полка Печенюка. Все они были ранены, но продолжали сражаться и в развалинах дома. Когда гитлеровцы ворвались в подвал этого дома, минометчики вызвали огонь нашей артиллерии на себя.

Если иметь в виду положение нашей дивизии после 12 ноября, то оно хотя и скупо, зато точно обрисовано в воспоминаниях командарма 62 В. И. Чуйкова:

Теперь перед нами встала задача оказать помощь дивизии Людникова, оторванной от главных сил армии. Ее положение стало очень тяжелым: она была зажата противником с севера, с запада и с юга, а с востока отрезана Волгой, по которой шел сплошной лед.

Подвоз боеприпасов, продовольствия, вывоз раненых производились с перебоями, с промежутками в двое-трое суток{10}.

В. И. Чуйков пишет затем о поведении командования 138-й дивизии и отдает дань его выдержке, спокойствию, уверенности.

Со своей стороны считаю долгом подробнее рассказать о тех, кто сражался на Баррикадах. И. в первую очередь - о наших солдатах и сержантах.

Есть слово, которое о многом напоминает ветеранам 138-й дивизии, короткое и звучное слово - Ролик.

Представьте себе глубокий овраг, раструбом выходящий к Волге. Его суглинистые стены круты. По самому верху оврага - огневые точки, блиндаж, позади - глубокая траншея, ведущая в глубь немецкой обороны. Гитлеровцы наверху, а под ними, в нишах двух отвесных стен оврага, засели четыре наших бойца - по два в каждой нише. Это связисты промежуточной телефонной станции. Их позывной - Ролик. Приказа на отход Ролик не получил и действовал, поддерживая одностороннюю связь. Провод, соединявший нас с дивизией Горишного, немцы порвали.

Старшему на Ролике, младшему сержанту Кузьминскому, подчинялись три бойца - Ветошкин, Харазия и Колосовский.

Фамилии четырех связистов начертаны на обелиске Ролик, который установлен на земле завода Баррикады, у самого обрыва правого берега Волги.

За что четырем солдатам оказана такая честь?

Когда на левом фланге дивизии противник вышел к Волге, Кузьминский связался с нами по телефону и сообщил, что видит фашистов, стреляет по ним и к берегу не подпускает. А немцы были не в силах выкурить Ролик из ниш. Попробовали даже опустить на наших связистов взрывчатку, но Кузьминский и его бойцы срезали веревку огнем автоматов, и взрывчатка, пролетев мимо, никому не причинила вреда.

Кузьминский бодро докладывал:

- Нам нужны патроны да харчи. Ролик будет вертеться!

Один из связистов пробивался ночью в штаб дивизии, получал необходимые запасы и возвращался к себе. Для Ролика мы не жалели патронов и продуктов. У Ролика нас разъединили с соседней дивизией, и Ролик соединил нас с нею.

Сорок дней и ночей выдерживали четыре связиста необычную осаду, и их пример воодушевлял всех бойцов дивизии. Когда Ролик замолкал, на душе становилось тревожно, но опять слышалась стрельба из расщелины оврага, и наши солдаты радовались:

- Ролик не сдался! Ролик вертится! Ролик стреляет!..

Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому темная вода,
Ни приметы, ни следа.

Картину, подобную той, что нарисована в поэме А. Твардовского Василий Теркин, мы наблюдали не раз. И сейчас, четверть века спустя, ветераны 138-й дивизии склоняют

поседевшие головы перед светлой памятью погибших солдат понтонеров и моряков Волжской флотилии. Переправляя нам грузы на рыбацких лодках, а затем на катерах, они знали, на что идут.

Ночью на острове Зайцевский была построена рота понтонеров, и ее командир, капитан Кориков, вызвал добровольцев-гребцов на двадцать пять рыбацких лодок, до предела нагруженных боеприпасами и продовольствием для защитников Баррикад. Добровольцев оказалось больше, чем требовалось.

Понтонеры знали наши сигналы. По команде подполковника Тычинского заговорила артиллерия. С высокого правого берега мы увидели, как сквозь шугу, взрываемую снарядами противника, лодки пробиваются к чистой воде. А через несколько минут с великой болью провожали взглядом эти лодки, плывшие от нас по течению вниз, к Бекетовке. Там их перехватили понтонеры соседней армии генерала М. С. Шумилова. Там и похоронили мертвых гребцов.

Только шесть лодок из двадцати пяти прорвались к полосе реки, не простреливаемой пулеметами врага, и причалили к нашему берегу.

Личный состав штаба дивизии участвует в разгрузке этих лодок. Наш берег подвергается сильному обстрелу вражеских минометов. Надо спасать то, что еще можно спасти, и люди бросаются в самую гущу разрывов.

Переправа, переправа! Берег левый, берег правый...

Много после той ночи было переправ: на лодках, потом на катерах, и ни одна из них не обошлась без жертв. Были убиты руководившие разгрузкой бронекатеров майор К. Рутковский, капитан П. Гулько и ординарец подполковника Шубы рядовой Кочерга. Они погибли ради того, чтобы продолжал сражаться истерзанный, искромсанный снарядами и бомбами огненный островок на Баррикадах.

Летчики, мастера ночных рейсов на тихоходных По-2, тоже пытались помочь защитникам Баррикад. Они сбрасывали над островом мешки с патронами, сухарями. Но уж до того была мала наша земля, что мешки падали за линией фронта в расположение неприятеля или в Волгу. А из тех мешков, что достались нам, мы извлекли патроны с изъянами: они деформировались при ударе о землю.

Атаки противника не прекращались, каждый день дивизия теряла бойцов, а пополнение не прибывало.

Больше всего тревожило нас состояние раненых. Их было около четырехсот (почти столько, сколько имелось активных

штыков на переднем крае), а помочь мы ничем пока не могли.

Однажды постучала ко мне медсестра штаба дивизии Серафима Озерова, жена командира роты связи. Один глаз у Озеровой был закрыт повязкой (ранило на переправе осколком мины), а в другом стояли слезы. Ну, думаю, опять станет умолять, чтобы не отправлял ее в тыл, не разлучал с дивизией, с мужем. Но медсестра заговорила о другом: настойчиво упрашивала меня пойти в землянку к раненым, пока те не разбежались.

- Куда они могут разбежаться? - удивился я.

- Не знаю... Только меня слушать не хотят, к себе не подпускают и требуют: приведи комдива!

Озерова привела меня в огромную землянку. Легкораненые ухаживают за теми, кто недвижно лежит на соломе, прикрытые шинелями. Даже при тусклом свете самодельной лампы заметна грязь на бинтах. У нас нет перевязочного материала, нет медикаментов, не хватает продуктов. Раненые получают ту же урезанную норму, что и здоровые. Тягостное зрелище... Но жалости здесь не место. Поздоровавшись, я спросил:

- Как дела, что интересует вас, товарищи солдаты? Раздались голоса:

- Хотим знать обстановку!

- Расскажите, как на переднем крае? Что нас ждет?

Легче рассказать раненым, как воюют их товарищи и что дала нам первая переправа. Труднее ответить на вопрос: что нас ждет? Последние рубежи на Волге врагу не отдадим. Когда река покроется льдом, всем станет легче, но пока и раненым надо потерпеть. Их эвакуацию на лодках я запретил. Не для того солдат дрался на Баррикадах, чтобы раненым утонуть в Волге под огнем неприятеля.

- Обстановка ясна...

С земли поднялся немолодой солдат. Одна рука на перевязи, другой поправил пилотку и заявил, что ему поручили выступить от имени раненых.

- До того нам, товарищ полковник, ясна обстановка, что пожелали с вами видеться. Разрешите легкораненым вернуться в строй. Поглядите, к примеру, на меня. Стрелять несподручно, так я на переправе у берега поработаю. И так каждый, чем только может... Уважьте нашу просьбу!

Я обещал уважить. И тогда он от имени раненых обратился ко мне еще с одной просьбой, но сначала пожаловался на полевую почту.

- Толкуют тут про военную тайну! - сердито сказал он. - И некоторые письма у нас не берут. Нельзя, говорят, указывать город, где мы сражаемся. А почему? Мы здесь кровь пролили,

здесь готовы биться до победы или смертного часа. На этот город сейчас весь мир смотрит. Так чего нам таиться?

Вероятно, я превысил свои полномочия, но разрешил солдатам указывать в письмах город, на который весь мир смотрит.

Равняясь на коммунистов, вступают в партию отличившиеся в боях, но авангард, как известно, несет самые большие потери. За первые недели боев на Баррикадах в полку Коноваленко убиты начальник штаба, его помощник, три командира рот, пять командиров взводов, врач. В малочисленных подразделениях насчитывается по одному-два коммуниста, по два-три комсомольца. Каждый из них не только стрелок, связист или сапер. Мы называем их политбойцами. Это полпреды партии на переднем крае.

Командиры полков предупреждены: в ближайшие дни пополнения не будет. Воевать надо не числом, а умением.

Посетив командный пункт капитана Коноваленко, я увидел там необычную карту. Ее подарил Коноваленко инженер завода Баррикады Тяличев. На карте обозначены колодцы, трубы и тоннели большого подземного хозяйства завода. По трубам и тоннелям можно пробраться в цеха, занятые врагом. Разведчики и саперы уже начали подземную войну. Они проникают в тыл врага, внезапно нападают и скрываются. Каждая такая вылазка сопряжена с риском, и совершают ее добровольцы. Коноваленко лично проверяет их подготовку, дает напутствие, провожает на задание.

У Коноваленко новый ординарец. Как только рана на ноге Ивана Злыднева начала заживать, он покинул землянку медпункта и прибрел в штаб родного полка. Строптивого, зато очень храброго саратовца Коноваленко временно оставил при себе.

- Пока окрепнешь, а там опять назначу тебя комендантом гарнизона, пообещал Коноваленко.

Иван Злыднев не чаял души в своем командире полка. Почти дословно запомнил я разговор Злыднева с новичками - первым небольшим пополнением для 344-го полка. Новичков доставили к нам ночью на бронекатере, с берега по траншее Злыднев привел их в блиндаж. Я и комиссар полка Фомин находились в блиндаже, но в темноте бойцы нас не заметили (мы были в таком же обмундировании). Так невольно и стали свидетелями политбеседы Злыднева с новичками.

- Как вы тут воюете? - спросил Злыднева один новичок. - Неужто по-над берегом передний край?

- Враки! - отвечал Злыднев. - Отсюда до немца метров двести

будет.

- Всего-то? - раздались встревоженные голоса.

- Не робей, братцы! На Баррикадах метр особый.

- А правда, что нас пошлют в знаменитый полк Коноваленко? - допытывался уже другой новичок. - На там берегу нам говорили: геройский командир!

- Что они на том берегу знают?!

Словоохотливый Злыднев стал рассказывать, как одним из первых ступил на правый берег Волги, как воевал в должности коменданта гарнизона, а теперь, по случаю ранения, числится ординарцем у самого капитана Коноваленко. А такого командира, как капитан Коноваленко, по всему фронту не сыскать,

- Воюем мы здесь очень просто, - просвещал Злыднев новичков. - Вдоль нашего переднего края железная дорога проходит. В ту железку мы зубами вцепились - не оторвешь. А у кого зубы слабые, тех в полк Коноваленко не берут.

- Скажешь! - усомнились слушатели.

- Повоюешь с мое - и не то еще скажешь!

Солдат гордится своей ротой, своим батальоном, полком. Солдат любит своего командира, безгранично верит ему и всегда готов выполнить любой его приказ. Нет ничего дороже такого солдата, но обретает его лишь тот командир, который это заслужил.

На Баррикадах солдат знал, что его командиру негде маневрировать. Нет у него пространства для отхода. Только в неизбежных ожесточенных схватках решается спор: кто - кого? И сама боевая обстановка сплачивает и закаляет воинское братство между командиром и солдатом, между начальником и его подчиненным.

Прежде чем отправить группу разведчиков и саперов-подрывников в тыл врага, Коноваленко дал людям пять минут на размышление. Командир ясно представлял себе трудный маршрут этой группы и характер задания. По трубам, по узким тоннелям двигаться можно только в одиночку, цепочкой. Воздух там спертый. Внезапная встреча с противником потребует от каждого разведчика и сапера разумных и самостоятельных действий. Любому из этой группы разрешено отказаться от вылазки, если он плохо себя чувствует. Нет ли простуженных, кашляющих? - допытывался Коноваленко. Больных не нашлось, и командир полка проводил группу к колодцу, со дна которого начинался лабиринт подземного хода в неприятельский тыл.

У этого же колодца он встречал на рассвете вернувшихся. Старший группы доложил капитану:

- Задание выполнено. В подвале инструментального цеха

взорваны ящики с боеприпасами. Истреблено не менее тридцати вражеских солдат. Отходить пришлось с боями, прикрывая друг друга. Из группы в десять человек пятеро не вернулись.

Задание выполнено. Иной командир ограничился бы похвалой и обещанием наград. Коноваленко поступил иначе. Вытащив блокнотик, он прежде всего записал фамилии тех, кто не вернулся, и тут же прямо и честно высказал то, что в эту минуту больше всего его волновало:

- Если на Баррикадах мы будем терять по пять наших лучших разведчиков и саперов за тридцать поганых гитлеровцев, придется отказаться от таких вылазок.

Молча слушали солдаты своего командира. Умом и сердцем поняли, как переживает капитан Коноваленко гибель лучших бойцов.

Суровость во благо, а доброта во зло - на войне и это бывает. Только не сразу за внешней суровостью различишь истинную доброту, да и доброта доброте рознь. В этой связи вспоминается разговор с пулеметчиком Белобородько, первым орденоносцем дивизии за бой под Цимлянской. Белобородько погиб на Баррикадах, а случай, о котором я хочу рассказать, произошел в одной из станиц на Аксае.

Две роты 1-го батальона 344-го стрелкового полка (им тогда еще командовал Алесенков) разминулись на подходе к станице. Командир первой роты привел своих бойцов на окраину станицы, и те, изнуренные жарой, повалились на землю. На станицу налетели юнкерсы. Рота стала их легкой добычей.

Когда я приехал в это село после бомбежки, убитых уже похоронили. Вместе с солдатами в братской могиле лежал недавно принявший роту молодой лейтенант. У могилы я и увидел пулеметчика Белобородько. Был он мрачен и, разговорившись со мной, стал винить себя, точно сам накликал беду на товарищей.

- Кабы я, дурень, не слышал того спору! - казнил себя Белобородько. - Наш лейтенант каже другому ротному: Звернем до хат, притомились солдатики, нехай отдохнут. А тот - никак: Неможно, каже, до ночи потерпим. И повел своих хлопцев лощиной в камыши. А наш добренький лейтенант... Не хватило у мене духу сказать ему: Да не жалей ты нас! Вот она жалость его как обернулась...

Ночью морозит. С берега реки доносится шум - идет густая шуга, предвещающая скорый ледостав. Это пугает гитлеровцев, и они напрягают последние силы, чтобы сбросить нас в Волгу и высвободить войска, которые до зарезу нужны Паулюсу на других участках фронта. В последней надежде разделаться с нами немцы

сосредоточили на Баррикадах свежую дивизию. Допросив пленных, майор Т. М. Батулин, начальник отделения разведки, с тревогой сообщил, что против нас действует уже не 305-я, а 389-я немецкая пехотная дивизия.

Комиссар дивизии Н. И. Титов успокаивает Батулина. Пусть тревожится враг, а нам - только радоваться: прежнюю 305-ю пехотную вместе с приданной ей танковой бригадой не корова языком слизала. Новой дивизии тоже не дадим уйти.

Но пока нам очень тяжело - отбиваем атаки 389-й немецкой пехотной дивизии. Сломить оборону 344-го полка противник не смог и на исходе третьей недели ноября навалился на полк Печенюка, потеснив его настолько, что штаб дивизии вынужден был занять оборону. Гитлеровцев, приблизившихся к нашему блиндажу-штольне, вместе с бойцами охраны контратаковали и истребители.

Майор Гуняга настойчиво просит разрешить ему сменить командный пункт полка. У него тоже офицеры штаба дерутся бок о бок с рядовыми в считанных метрах от командного пункта. Когда я ночью шел к Гуняге, немецкая граната угодила в траншею. Осколки изодрали мне шинель. Майор видел, как я извлек из кармана гимнастерки порванный осколком партийный билет.

- Нужна нормальная обстановка для работы, а ее нет, - жаловался Гуняга. Теперь вы сами убедились.

В этом майор прав. Но он недооценивает другое, главное. Мы тоже создали для противника ненормальную обстановку, лишили его выгодных условий ведения войны. Мы вынудили фашистов воевать так, как это нужно нам. И хотя тяжко майору Гуняге, зато и немцам на его участке не легче. Кризис решающих боев на Баррикадах близок. И есть все основания рассчитывать, что перелом произойдет в нашу пользу.

Трудно сейчас майору Гуняге. Это верно. Но стоит его солдатам оглянуться они видят поблизости командный пункт командира полка. И солдаты это ценят.

В те дни, как никогда, мы были сильны на Баррикадах своими несменяемыми командными пунктами.

Капитана Коноваленко в этом убеждать не надо - он учитывает психологию солдата. А майор Гуняга, наверное, не раз подумал тогда о полковнике Людникове: Жестокий у нас комдив. И все же я не разрешил ему сменить командный пункт полка.

В последних числах ноября катера Волжской флотилии, кромсая тонкий лед, совершили несколько рейсов. Мы получили небольшое пополнение и немного продуктов. А в ночь на 4 декабря Денежная Воложка от нашего берега до острова

Зайцевский покрылась сплошным крепким льдом.

Командующий 62-й армией В. И. Чуйков приказал 400-му пулеметно-артиллерийскому батальону занять оборону на острове Зайцевский, чтобы не дать противнику полностью окружить 138-ю дивизию. Но гитлеровцы и не пытались сделать это. Над всеми их дивизиями в районе Сталинграда нависла угроза полного разгрома, врагу стало не до жиру.

Волгу сковало льдом, и связь с тылом налаживалась. Мороз крепчал, а наша дивизия, подобно дереву в весеннюю пору, начала наливаться соками. Мы даже смогли предоставить солдатам возможность попариться в бане, которая круглосуточно действовала на острове Зайцевский.

14 декабря к исходу дня был получен следующий приказ командарма:

138-й Краснознаменной сд левофланговым полком наступать в юго-западном направлении и с выходом на улицу Таймырская соединиться с правофланговой частью полковника Горишного, восстановив сплошной фронт.

Предстояли нелегкие бои, но самые тяжкие для дивизии испытания остались позади.

138-я Краснознаменная выстояла на Баррикадах и теперь сама переходила в наступление, чтобы вместе с другими дивизиями окончательно разгромить врага.

Час возмездия настал.

Возмездие

За день до наступления близ улицы Таймырская, о которой говорится в приказе командарма, был тяжело ранен Коля Петухов, самый опытный в дивизии разведчик.

Сержант Петухов и его напарник Григорьев ушли ночью в засаду, выследили и взяли языка и поволокли его к нашей траншее. В это время ракета осветила местность, и разрывная пуля немецкого снайпера поразила Петухова.

Сдав языка пехотинцам, Григорьев с оказавшимся поблизости бойцом положили сержанта на плащ-палатку и понесли на медпункт дивизии. До рассвета раненого еще можно было по замерзшей Волге эвакуировать в тыл, но разведчик чувствовал, что часы его сочтены.

- Мне тот берег уже не нужен, - сказал Петухов медсестре Серафиме Озеровой. - Пусть похоронят на Баррикадах. А пока дышу - надо повидать комдива. Есть к нему личная просьба.

Озерова позвонила в штаб, и я пошел к умирающему. Он не нуждался в утешениях, а только хотел высказать заботу о том, по ком сильно горевал в свой предсмертный час.

- Я сам детдомовский. И мальчонка - круглый сирота. Так уж

вы, товарищ полковник, не оставляйте его без присмотра...

С такой просьбой обратился ко мне разведчик Петухов, и я должен рассказать о его найденыше - Николке и о том, как в дни войны хранят солдаты в своих сердцах нерастраченную любовь и нежность ко всему, что дорого каждому настоящему человеку.

Петухов привел к нам Николку месяц назад, в самый разгар боев. Медсестра Озерова ахнула, увидев маленького оборванного заморыша.

- Коля, где ты его откопал?

- Живых не откапывают, - обиженно сказал Петухов. - Мальчонка накормлен, а ты его приведи в порядок, чтобы комдиву представить.

Пока Озерова возилась с ребенком, Петухов рассказал мне и подполковнику Шубе, как, возвращаясь из разведки, наткнулся на малыша в подвале дома в Нижнем поселке. До войны мальчик жил с родителями в Верхнем поселке. А когда с фронта пришла похоронная на отца и немцы приблизились к Сталинграду, вдова с ребенком перебрались в Нижний поселок. Вскоре началась эвакуация гражданского населения. Оставив сынишку дома, мать потащила к переправе тюк вещей и не вернулась. Пришли гитлеровцы, погнали женщин и детей в свой тыл. Николка сбежал от конвоиров и спрятался в подвале дома, где раньше жил. Так и сидел в подвале, ждал маму. Он и сейчас верит, что мама придет.

- Совсем дитя отощало, - закончил Петухов свой рассказ. - Рядом бой, и не мог я его там оставить. На уговоры не поддается, еле унес на руках.

Озерова привела Николку. Было ему на вид лет шесть-семь. От еды и тепла мальчика разморило. Я уложил его на свою койку.

- За этот поиск получишь медаль, - сказал я сержанту, - Не стыдись рассказывать людям, за что тебя на Баррикадах медалью наградили. Хоть ты и молод, Петухов, но стал уже вроде крестного отца.

Все ушли, а я долго смотрел на спящего ребенка, на его стоптанные сандалетки. Лютует зима, а мальчонка в коротких штанишках. Острые локотки выпирают из рваных рукавов свитера. Давно не стриженные русые волосы, отмытые и расчесанные медсестрой, разметались по тонкой шее с синими прожилками. Глаза закрыты, а ресницы пугливо вздрагивают и во сне. Дитя войны, сирота... Мы и его муки учтем в час возмездия!

О найденыше узнала вся дивизия. Тщетно пытались мы напасть на след матери Николки. По всей вероятности, она погибла у переправы во время бомбежки. Николка быстро свыкся с новой обстановкой и не хныкал, хотя валенки были ему непомерно велики, а меховая шапка болталась на голове. Зато

карманы его стеганки, доходившей до щиколоток, всегда топорщились от солдатских подарков. Разведчики подарили ему перламутровый свисток с длинной цепочкой, губную гармошку, никелированную зажигалку и даже наручный компас. Заглянет, бывало, в наш блиндаж солдат и сунет Николке маленький кусочек сахару. Пил солдат кипяток вприглядку, чтобы сберечь сахар для ребенка. Но не было для Николки никого дороже крестного отца - разведчика Петухова. Тот, бывало, говорил своему тезке:

- Скоро на Баррикадах побьем фашистов, полковник даст нам машину, и поедем мы с тобой по окрестным деревням маму искать. Найдем! А после войны заберу я тебя в Москву. Мне и тебе учиться надо. Я в институт пойду, ты - в школу. Не пропадем!

Не сбылась мечта сержанта Николая Петухова...

Как только Волгу сковало льдом, мы отправили Николку на левый берег. Трогательным было расставание с мальчиком, которого полюбила и усыновила дивизия. Мы готовились к наступлению, и, как ни просил Николка, оставить его при штабе я не мог. Из тылов дивизии нам сообщили, что портной и сапожник одели и обули мальчика как подобает юному гвардейцу с Баррикад, и начальник медслужбы увез Николку в Саратов, чтобы определить в детский дом.

Фамилию мальчика я запамятовал. В шутку мы величали его Николаем Николаевичем.

Сейчас Николаю Николаевичу за тридцать; возможно, он отзовется, прочитав эту книгу.

Гитлеровцы оборонялись с отчаянной решимостью. И дело здесь было не только в свойственной немецкому солдату приверженности к неукоснительному выполнению приказов командира.

Гитлеровские пропагандисты не жалели трудов, чтобы посеять в душах солдат 6-й немецкой армии, уже знавших об окружении, страх и надежду. Страх перед русским пленом и надежду на вызволение из сталинградского котла, обещанное самим фюрером. Вот почему только к исходу января сорок третьего года, когда фашистские солдаты своими глазами увидели агонию армии Паулюса, они повалили в плен и на нашем участке. А до этого мы полтора месяца вели тяжелые наступательные бои.

Наступление начал полк Печенюка и продвинулся всего на тридцать пятьдесят метров. Для нас тогда имели значение и эти отвоеванные метры. Однако достались они слишком дорогою ценой. Я приказал атаку прекратить.

Мы решили изменить тактику наступления и создали в каждой роте штурмовые группы, численность которых определял командир в зависимости от объекта атаки.

В каждом полку воссоздали на ящиках с песком копии местности и будущего объекта для штурма. Ничего особенного в этом не было. И все же нам удалось создать благоприятные условия для действий штурмовых групп, усыпив бдительность противника.

А добились этого, выработав у гитлеровцев условный рефлекс на определенный сигнал. Для этого послали на остров Зайцевский, где находились позиции наших артиллеристов и минометчиков, двух офицеров - артиллериста и связиста. Как только с командного пункта дивизии карманным фонарем подавали невидимый врагу сигнал, над островом взвивались три красные ракеты. Тотчас следовал десятиминутный огневой налет на правый берег.

Сначала противник огрызался огнем минометов. Но постепенно привык, что красные ракеты не предвещают атаки и служат только сигналом для артиллеристов. Чтобы избежать потерь, немецкие солдаты уходили во время огневого налета в укрытия. Показания очередного пленного подтвердили то, на что мы рассчитывали. Когда взлетают ваши ракеты, - заявил он, - мы уже знаем, что русские откроют огонь на десять минут. Артналет прекращается - и мы успеваем занять свои позиции.

Условный рефлекс действовал безотказно. Осталось только использовать его.

К рассвету 21 декабря наши полки были готовы к атаке. Над островом Зайцевский взвились три красные ракеты - сигнал для наступления. Под грохот артиллерийских батарей штурмовые группы пехотинцев внезапно ринулись вперед, захватили первые вражеские траншеи и, наращивая темп наступления, атаковали опорные пункты. Точный огонь наших артиллеристов вынудил гитлеровцев задержаться в укрытиях, и штурмовые группы приблизились к подвалам домов на Прибалтийской, Таймырской и других улицах. Немцы попытались контратаками восстановить положение, но было уже поздно.

Смело и искусно действовали штурмовые группы из батальона старшего лейтенанта А. А. Беребешкина. Им и предстояло захватить дом No 41 на Прибалтийской улице (на наших картах дома имели свою нумерацию) - самый крупный опорный пункт противника. Раньше в этом доме находился командный пункт 344-го полка, и Конозаленко знал, что с этого пункта оборона противника просматривается и простреливается до центральных ворот завода Баррикады. Вот почему так важно

было овладеть домом No 41. Бойцам из батальона Беребешкина это удалось. Гитлеровцы бросили против батальона значительные силы, окружили дом, но Коноваленко повел в бой свой резерв, выручил окруженный батальон Беребешкина и продолжал наступление.

На главном направлении действовал полк майора Печешока. По условному сигналу навстречу штурмовым группам его полка наступали подразделения полка дивизии Горишного. Если бы этим полкам удалось срезать немецкий клин у основания, сплошной фронт между двумя дивизиями был бы восстановлен.

Под острием немецкого клина, в нишах крутого прибрежного оврага, находились четыре связиста Ролика. Связисты слышали приближавшуюся стрельбу и приготовились к бою. Но драться не пришлось. К Ролику почти одновременно прорвались автоматчики из дивизии Горишного и штурмовая группа лейтенанта Чулкова из полка Печенюка.

На фронте шириной пятьсот метров наши полки за день упорных боев продвинулись в глубину на двести метров. Совсем немного для обычного театра военных действий, но на Баррикадах эти штурмом отвоеванные метры были особенно дороги. Мы не только лишили противника возможности держать под пулеметным огнем правый берег Волги и получили относительно безопасную коммуникацию с тылами дивизии, но и установили наконец локтевую связь с соседней дивизией, выполнив приказ командарма.

Нетрудно представить нашу радость, когда в трубке полевого телефона прозвучал голос сержанта Кузьминского:

- Говорит Ролик, говорит Ролик. Товарищ Первый, даю связь с соседом. Даю связь! Как меня слышите?

По армейскому проводу в дивизию Горишного, а оттуда через Ролик в наш штаб передали приказ: комдиву 138-й явиться на командный пункт штаба армии.

Пошел берегом Волги. По пути заглянул к связистам Ролика. Выдержав длительную осаду, они чувствуют себя бодро, знают, что наградами их не обойдут, и просят только разрешить смениться на несколько часов, чтобы сбегать на остров Зайцевский и попариться в бане. Я, конечно, разрешил и невольно подумал, что сам бы тоже не отказался от такого удовольствия. Но и комдиву без разрешения начальства нельзя покидать Баррикады. У связистов дождался Титова с Тычинским, и вместе тронулись в путь.

Штаб армии располагался в блиндаже у самой Волги.

Семьдесят дней мы не видели командарма, его помощников, командиров других дивизий, хотя воевали рядом. Такое на войне

случается редко. Тем и памятна для нас трогательная встреча после долгой разлуки, что в блиндаже командарма увидели мы дорогих соратников, чьи боевые дела уже заслужили добрую славу в армии и народе. Кроме Чуйкова, Крылова, Гурова и начальника политотдела армии Васильева в блиндаже были все командиры дивизий 62-й армии - Горишный, Соколов, Батюк, Гурьев, Родимцев. Василий Иванович Чуйков пригласил нас к столу, и первую чарку мы выпили за доблестных воинов 138-й дивизии.

- Теперь рассказывай, как жил-воевал, - обратился ко мне Чуйков.

Меня окружали видавшие виды командиры. Их ничем не удивить. Я только сказал, что 138-я била врага без передышки, а потому мы и не заметили, как в разлуке прошла осень и настала зима. Рассказа не получилось.

- Как это у них там все просто! - Василий Иванович с укоризной посмотрел на меня, но тут же его взгляд из-под густых бровей потеплел: - А чего тебе сейчас надобно, полковник? Есть у тебя к нам личная просьба?

- Есть! - поторопился я с ответом, вспомнив беседу с бойцами Ролика. Давно не был в тылах дивизии, надо проверить свое хозяйство, а заодно наведаться в баню. Имею я право хоть раз за три месяца попариться в бане? Чтобы с веником, с жаром...

Николай Иванович Крылов поддержал мою просьбу, заверив Чуйкова, что подполковник Шуба заменит меня до вечера следующего дня.

Из штаба армии я направился на левый берег Волги. Отменно попарившись, крепко проспал всю ночь. Даже боль в желудке, донимавшая меня на Баррикадах, на сей раз не давала о себе знать. Хорошо отдохнув, утром направился к артиллеристам.

Пехотинцы на переднем крае не раз поминали добрым словом пушкарей и минометчиков. Теперь была возможность лично поблагодарить мастеров меткого огня. От батареи к батарее сопровождал меня командир артиллерийского полка майор Соколов. Перед выстроившимся расчетом одного из орудий он остановился, скомандовал:

- Федоровы, ко мне!

Не торопясь, но широким шагом к нам подошли два рослых артиллериста молодой и уже в летах.

- Командир орудия сержант Федоров Петр явился по вашему приказанию! доложил младший.

- Заряжающий - ефрейтор Федоров Василий! - представился старший.

Майор Соколов не без гордости пояснил:

- Отец и сын. Сын командует, отец подчиняется.

И тут, к досаде майора, получился конфуз. Старший Федоров обратился ко мне с просьбой перевести его в другой расчет. Косясь на сына, стал жаловаться:

- Служба службой, но уж больно суров сержант. Со всех один спрос, а с меня - вдвойне. Кому и втерпеж, а мне - никак.

Хотя я и сказал старому солдату, что с таким вопросом он должен обратиться к командиру огневого взвода, однако, оставшись наедине с майором, посоветовал пойти навстречу заряжающему. Неудобно, видно, отцу подчиняться сыну...

Я снова встретился с артиллеристами Федоровыми, вручая им награды после боев в Сталинграде. Представляя награжденных, майор Соколов опять с гордостью докладывал:

- Отец и сын. Сын командует, отец подчиняется.

Старший Федоров виновато улыбнулся. Его, оказывается, перевели в другой расчет, но там, по разумению бывалого солдата, и порядок оказался не тот, и сноровка в стрельбе иная, непривычная. Помаялся Василий Федоров, покаялся перед командиром взвода и снова попросился в расчет к сыну.

- А кто командовал в бою, за который награду получаете? - спросил я заряжающего.

- Сын командовал, сержант Федоров Петр.

- Значит, служить вам в одном расчете до самой победы. Тогда уж распрощаетесь с пушкой и вернетесь домой...

- Вот-вот! Дома я ему субординацию покажу! - пригрозил Федоров-старший.

От артиллеристов я поехал в подразделения тыла и, когда стемнело, по льду Денежной Воложки вернулся в штаб дивизии.

Голод царит в стане врага.

Кольцо окружения неумолимо сжимается. Послушный фюреру, Паулюс не принял условий капитуляции, предложенных советским командованием. За это расплачиваются теперь его солдаты. 6-я армия окружена. Вашей вины, солдаты, в этом нет. Начав так приказ войскам, Паулюс не назвал истинных виновников катастрофы, на которую обречена его армия да и он сам. Заканчивался приказ воззванием: Держитесь! Фюрер выручит вас!

Об этом приказе мы узнали позже. Авантюра Гитлера и его генералов с деблокированием, 6-й немецкой армии, их тщетные усилия снабжать окруженных боеприпасами и продовольствием по воздуху - все это тоже стало известно гораздо позже. Но под Калачом, где сомкнулось кольцо окружения, аукнулось, а над Волгой, на Баррикадах и на других участках нашей армии, откликнулось.

Плененный разведчиком Николаем Петуховым немецкий солдат Гесс из пулеметной роты сообщил, что их командир капитан Ньютман отдал приказ без команды не стрелять и резко сократил норму патронов на каждый пулемет. Поступали к нам и другие сведения, наглядно показывавшие, какое влияние на противника, оборонявшего Баррикады, оказывают сокрушительные удары советских армий по сталинградскому котлу.

Разведчик Александр Пономарев доставил в штаб дивизии пленного, весь вид которого мог служить убедительной иллюстрацией к тезису Гитлер капут. На ногах у гитлеровца - что-то напоминающее огромные валенки на деревянных подошвах. Из-за голенищ вылезают пучки соломы. На голове поверх грязного ситцевого платка - дырявый шерстяной подшлемник. Поверх мундира - женская кацавейка, а из-под нее торчит лошадиное копыто. Придерживая левой рукой драгоценную ношу, пленный козырял каждому советскому солдату и звучно выкрикивал: Гитлер капут!

Сдавая языка, майору Батулину, разведчик Пономарев смущенно пояснял:

- Не глядите, что такого дохлого приволок... Он фельдфебельское звание имеет. У них сам фюрер в фельдфебелях ходил, а у этого еще и фамилия особая Оберкот.

Оберкот охотно поведал то, что нам давно уже было известно. Никакой ценности его показания не представляли, и запомнился этот фельдфебель лишь потому, что был взят в плен при весьма любопытных обстоятельствах.

За передним краем на ничейной полосе долго лежал лошадиный труп, служивший пристрелочным ориентиром для наших снайперов и пулеметчиков. Однажды ночью при свете неожиданно пущенной кем-то ракеты наши бойцы увидели двух немецких солдат, которые бежали от мертвой лошади к своим траншеям. Гитлеровцы что-то волокли за собой. А утром стало ясно, чем занимались ночные охотники: они вырезали огромный кусок конины.

Разведчик Пономарев взял этот случай на заметку и устроил засаду у замерзшей конской туши. Пономарев рассудил правильно. На следующую ночь он подкараулил двух гитлеровцев. Одного пришлось застрелить в стычке, а другого это и был фельдфебель Оберкот - удалось захватить.

По телефону нам сообщили, что Пономарев повел фельдфебеля в штаб дивизии; однако миновал час, другой, а разведчик с языком все не появлялся. В тот раз Пономарев допустил самоуправство, в котором сам признался. Он не без

основания полагал, что его поймут и простят.

Сопровождая пленного, Пономарев встретил знакомого бойца, знавшего немецкий. Разведчику очень хотелось определить, какую фигуру он захватил, и, главное, выяснить, как может нормальный человек жрать дохлятину. Фельдфебель рассказал о себе и своих голодающих товарищах, которых он уже потчевал падалью. Заметив, что наш разведчик брезгливо поморщился, немец попросил переводчика слово в слово записать такие слова: Кто, попавши в котел, свою лошадь не жрал, тот солдатского горя не знал. Но эти слова вызвали у Пономарева не сочувствие к фельдфебелю, а злость.

- Я ему сейчас покажу настоящее горе людское. Ком, ком! - поманил он за собой пленного.

И повел наш разведчик фельдфебеля Оберкота не в штаб, а к разрушенным домам Нижнего поселка. Сначала показал ему подвал развороченного бомбой детского сада, где на полу валялись игрушки, потом подвал разрушенного школьного здания, затем свалку искореженных станков. Гитлеровец растерянно смотрел на советского солдата, не понимая, чего от него хотят. Это еще больше разозлило Пономарева. Он знал только две немецкие команды: Хальт!, Хенде хох! и одно слово - ком. А переводчика нет. И не объяснишь фельдфебелю, что матерей, которые приносили младенцев в тот детский сад, и ребятишек, что ходили в ту школу, немцы гнали впереди себя на минные поля, когда месяц назад шли в атаку на полк майора Гуняги. Не расскажешь фельдфебелю, как дорого человеку все то, что разрушил, осквернил враг. И все же Пономарев страстно желал доказать Оберкоту его вину. Уже на пути в штаб разведчик круто свернул к берегу, ступил на лед и подошел к проруби.

- Ком, ком! - опять поманил он пленного и, когда тот с опаской приблизился, объявил: - Вот она, Волга!

Глянул фельдфебель на черный круг проруби и задрожал:

- Соображать начинаешь? - обрадовался Пономарев. - В этой воде ты хотел меня утопить, Буль-буль, Иван! Так тебе приказывал Гитлер?

- Гитлер капут! - истошно закричал фельдфебель.

Только теперь понял пленный, какая связь существует между развалинами, что показывал ему русский солдат, и прорубью, на краю которой они стояли. Страшась наказания, Оберкот рухнул на колени, возвел руки к небу (обрубок лошадиной ноги, с которой он не расставался, глухо стукнул об лед). И тут фельдфебель заметил, что в глазах конвоира нет ненависти, одно презрение.

- Зачем ты мне долдонишь Гитлер капут? - спрашивал

Пономарев, забыв, что пленный его не понимает. - Нашел чем оправдаться! Разве можно, дурья твоя голова, одним Гитлером рассчитаться за все горе людское?! Встань!..

Я спросил Пономарева, зачем понадобилась ему эта затея.

- Мне, товарищ полковник, еще воевать. Всякое может случиться... А этот Оберкот отвоевался. Из плена вернется домой...

- Нашли кому завидовать!

- Да разве в том дело! - с досадой возразил разведчик. - Вот он, гитлеровец, до Волги дошел. Тут мы ему хвост прищемили. А послушать его, так самое большое лихо испытал тот, кому падаль пришлось жрать. Не согласен я с этим! Хочу, чтобы такой Оберкот на всю жизнь запомнил, что такое война. Чтобы детям и внукам своим внушил это!

Наши штурмовые группы продолжают наступление, и каждый дом Нижнего поселка, точнее, каждый его подвал берут с боем.

В подвалах последних зданий гитлеровцы сопротивляются особенно яростно. Дальше отступать им некуда: дальше плен или смерть в заснеженном поле. И все же сдавались немногие, а среди них были такие, для которых даже битва на Волге не послужила уроком. Выбравшись из подвалов, эти маньяки поднимали только одну руку, чтобы изречь Хайль Гитлер.

В ночь на десятое января 1943 года мы передали свой участок пулеметно-артиллерийской бригаде и получили приказ сосредоточиться в районе завода Красный Октябрь.

После одиннадцати недель непрерывных боев расстаемся с Баррикадами, где каждая пядь земли полита кровью наших бойцов и командиров. Отстояв Баррикады, мы готовимся к решительному удару по врагу.

Третья по счету немецкая дивизия, с которой мы ведем бой в Сталинграде, 71-я пехотная, входит в состав 11-го армейского корпуса 6-й армии Паулюса. Корпусом командует генерал-полковник Штрекер.

Мы наступаем с западной окраины завода Красный Октябрь в направлении улиц Центральная и Зарайская. За день продвинулись всего на сто пятьдесят метров. Но на этих метрах - минная полоса, прикрываемая огнем врага, большие здания. Гитлеровцы, засевшие в домах, не сдаются, и истреблять их приходится в ожесточенных кровопролитных схватках. На этих метрах мы потеряли ординарца Коноваленко, Ивана Злыднева., двух связистов из знаменитого Ролика, отважных командиров штурмовых групп лейтенантов Чулкова и Колосова...

Но во имя чего гибли немецкие солдаты?

После двух недель упорных боев, продвинувшись уже на

полтора километра, мы вышли на рубеж Жмеринской и Угольной улиц. За это время противник потерял только на нашем участке около трех тысяч солдат и офицеров. Потерял потому, что верноподданный фюрера командир 11-го армейского корпуса Штрекер категорически приказал уже обреченным на плен солдатам сражаться до последнего патрона. В заключительной главе книги Поход на Сталинград Дёрр пишет:

История до сих пор не предоставляла права ни одному полководцу жертвовать жизнью своих солдат, когда они уже не могут продолжать борьбу{11}.

Но куда точнее высказался на сей счет Иоахим Видер, офицер-разведчик из 6-й армии Паулюса. В отличие от генерала Дёрра Видер пережил трагедию разгрома армии Паулюса и с последней группой офицеров сдался в плен на участке, обороняемом частями из корпуса Штрекера. Признание Видера представляет несомненный интерес:

На заключительном этапе сражения от нас требовали уже не осознанного выполнения долга, а слепого повиновения бессмысленным приказам. Мы были лишь винтиками в бездушной человеческой машине милитаризма, извратившего и выхолостившего само понятие чести{12}.

Прочитав подобное, диву даешься, как могут некоторые немецкие авторы (не говоря уж о Манштейне) сваливать всю вину за катастрофу, постигшую фашистскую армию на Волге, только на Гитлера и его ближайшее окружение. Разве один Гитлер безумствовал в ставке, требуя, чтобы обреченная армия Паулюса сражалась до последнего патрона, до последнего вздоха? И разве фельдмаршал Манштейн, которому подчинялся Паулюс, не поставил перед командующим 6-й армией совершенно определенную цель?

Ваша задача состоит в том, чтобы всемерно содействовать выполнению полученных вами приказов. За то, к чему это приведет, вы не несете никакой ответственности{13}.

Никакой ответственности перед своей совестью! Никакой ответственности перед немецким народом за десятки тысяч зря погубленных солдат! Это ли не одно из чудовищных преступлений фашистской военной верхушки, командовавшей окруженными на Волге немецкими войсками!

... Советский разведчик Александр Пономарев, о котором я рассказал выше, сражался во имя торжества жизни. Он не случайно пытался растолковать пленному фельдфебелю Оберкоту, в чем состоит вина каждого немецкого солдата, вторгшегося на советскую землю.

Надо полагать, этот фельдфебель извлек из сталинградской

катастрофы куда более полезный урок, чем битый фельдмаршал Манштейн или погубивший свой корпус генерал-полковник Штрекер.

Возмездие свершилось.

В просторной землянке штаба 62-й армии на широкой деревянной скамье сидят сдавшиеся в плен немецкие генералы - командир 4-го армейского корпуса генерал артиллерии Пфефер, командир 51-го армейского корпуса генерал артиллерии фон Зейдлитц-Курцбах, командир 275-й пехотной дивизии генерал-майор Карфес, начальник штаба этой дивизии, старшие офицеры...

Гляжу на них, будто сошедших со знакомой картины. Уж очень напоминают они тех французов, что плелись из Москвы по Старой Смоленской дороге. Только на одном - добротный полушубок и валенки. Остальные очень смахивают на пономаревского языка - фельдфебеля Оберкота.

- Что нас ждет? - спросил один из немецких генералов, заглядывая в глаза Василию Ивановичу Чуйкову.

Наш командарм объяснил, что пленных генералов отправят в тыл страны. Сказал, что они имеют право носить знаки различия и награды, а личное оружие обязаны сдать.

- Оружие у нас отняли. Разве только вот это?.. - говорит тот же пленный, вынимая из кармана перочинный ножик и протягивая его Чуйкову.

- Оставьте его при себе, хотя бы... для нужд гигиены. Мы не боялись вас, когда вы наступали с другим оружием. А уж это...

Пленных генералов уводят.

Генерал-полковника Штрекера среди них нет. Его части еще продолжают сопротивляться, и я спешу на свой командный пункт, в развалины заводского клуба.

Подполковник Шуба докладывает:

- Немцы на нашем участке сдаются в плен мелкими группами. Основной очаг сопротивления переместился к Верхнему поселку Баррикад. С Верхнего поселка началось осеннее наступление противника на нашу дивизию. Неужели мы его окончательно доколотим здесь же, на Баррикадах?

Это предположение сбылось. 2 февраля в двенадцать часов, взаимодействуя с дивизиями В. А. Горишного и В. П. Соколова, мы нанесли последний удар по северной группировке гитлеровцев, сконцентрированной в Верхнем поселке Баррикад.

Утром 2 февраля на командный пункт дивизии прибыли В. И. Чуйков, К. А. Гуров и начальник бронетанковых войск армии подполковник М. Г. Вайнруб. По всем признакам чувствовалось - день сегодня особый.

Увидев командарма, я пожалел, что не надел новую форму (неделю назад получил звание генерал-майора}. И хотя на мне была стеганка без погон и шапка-ушанка, я не услышал замечания за нарушение формы одежды.

А стрелки часов между тем приближались к цифре 12. Расчеты орудий выкатили пушки для стрельбы прямой наводкой по Верхнему поселку Баррикад.

На этот раз солдата-наводчика заменил сам командарм. Проверив показания приборов, он скомандовал По супостату - огонь! и произвел первый выстрел.

Дружно ударили все пушки и минометы. Но пехоте подниматься в атаку не пришлось. В разных местах Верхнего поселка замелькали белые флаги. Прикрепив их к штыкам и стволам автоматов, гитлеровцы валом повалили в плен.

- Отбой, товарищ генерал! - обратился ко мне Чуйков. - И соседям передайте: всем отбой!

Командарм поздравил нас с победой.

Пушки смолкли, взметнулись разноцветные ракеты, заглушая салюты автоматов и винтовок, загремело наше русское ура.

Сливаясь в одну огромную колонну, понуро брели мимо нас сдавшиеся в плен гитлеровцы.

Свершилось!

138-я Краснознаменная получила приказ перейти Волгу и расположиться в районе Верхней Ахтубы. Она заслужила отдых.

Вечером 7 февраля по радио был объявлен приказ No 56 Народного комиссара обороны о преобразовании 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии в 70-ю гвардейскую Краснознаменную стрелковую дивизию. За три дня до этого на площади Павших борцов в Сталинграде мы присутствовали на митинге победителей. Об этом митинге знают все. А я расскажу о солдатских митингах в полках нашей дивизии и о том, как приняли солдаты весть о присвоении им почетного звания гвардейцев.

В полку Печенюка служил рядовым казах Курбанов. В районе Бекетовки Курбанова ранило, и, пока он лечился в госпитале 64-й армии, нас передали 62-й армии. После выздоровления Курбанова, как и заведено, должны были направить в запасной полк 64-й армии.

- Хочу в родной полк, - заявил он. - Где мои боевые товарищи - там и я.

Объясняют Курбанову, что до прежнего полка ему не добраться.

- Доберусь! - говорит. - А пошлете в другую часть - убегу...

Настоял на своем Курбанов. Добрался до Красной Слободы,

где находились тылы 62-й армии. Там его одели по-зимнему. Узнали, между прочим, что по специальности он повар, да еще мастер кулинарии, и предложили служить в столовой. А Курбанов уже разведал, что его полк дерется на Баррикадах, и собрался на переправу. По дороге к Волге его легко ранило осколком мины. Сделали солдату в медсанбате перевязку, опять посоветовали вернуться в тыл. Он отказался.

Я был в полку Печенюка, когда туда с забинтованным лицом явился Курбанов.

- Дошел! - ликовал солдат. - Теперь я дома!

В третий раз (и, к счастью, опять легко) Курбанов был ранен за день до окончания боев в Сталинграде. Он остался в строю и, выступая на митинге полка, так закончил свою речь:

- Сейчас Курбанов может идти в медсанбат. Гвардейцем ухожу! Гвардейцем вернусь в свой полк!

История возвращения Курбанова в родной полк подсказала нам решение, которое тут же осуществили. Мы позаботились, чтобы раненые из нашей дивизии узнали новый адрес своего полка, его новое гвардейское наименование. Позаботились и о том, чтобы все раненые, находившиеся в армейском и фронтовом госпиталях, получили гвардейские значки за бой на Баррикадах.

Кстати - о значках. И в связи с этим еще об одной затее небезызвестного разведчика Александра Пономарева.

Направляясь однажды ночью в штаб майора Гуняги и освещая дорогу карманным фонариком, я заметил в нише траншеи мешочек. Ощупал его, раскрыл и, к своему удивлению, увидел гвардейские значки. Оказалось, мешочек принадлежит Пономареву. Уходя в разведку, он передал его на хранение своему другу, солдату Щеглову. Этот Щеглов и рассказал, как Пономарев нашел мешочек со значками в одном из разрушенных блиндажей и с тех пор бережет их пуще глаза. Кроме Щеглова, никто не знал о его тайне.

- Попадет мне теперь, - сокрушался Щеглов. - Пономарев, он мужик сердитый...

- А зачем ему значки? - спросил я Щеглова.

- Скоро, говорит, гвардейцами будем. Тогда пригодятся. А уж наш Пономарев знает, что к чему. Он и в штабе дивизии бывает.

Я пообещал Щеглову сохранить солдатскую тайну и вскоре, признаться, забыл об этом случае.

А тут... Я уже собрался на митинг в полк Гуняги, когда адъютант доложил, что из этого полка явилась делегация в составе старшины и рядового. Просят принять. В тот день я впервые надел генеральскую форму и был готов к приему самой почтенной делегации.

В комнату, чеканя шаг, вошли Пономарев и Щеглов.

- Товарищ гвардии генерал, - докладывает Пономарев. - От имени личного состава полка поздравляем вас с гвардейским званием и желаем доброго здоровья. Разрешите вручить... - И протягивает солдатскую каску с гвардейскими значками.

Я был взволнован до глубины души. Визитеры, смущенные моим видом, робко переглянулись. Пономарев виновато опустил голову:

- Есть и тут, конечно, самоуправство... - Он смело посмотрел на меня. - Но ведь вы знали, товарищ генерал. Вот и сбылось, что загадано!

Я сердечно поблагодарил солдат. Первый гвардейский значок прикрепил к гимнастерке старшины Пономарева, второй вручил рядовому Щеглову, а третий взял себе.

- Адъютант, чарки на стол!

Мы чокнулись, выпили и крепко поцеловались. ... На митинге в полку Гуняги сержант Поляков читает стихотворение Героям Сталинграда:

Здесь мы в бою видали смерть не раз.
На волжском рубеже ломала сила силу.
И поседели многие из нас,
А многие здесь голову сложили.
Война не кончилась. Нас ждут еще бои,
Походы дальние, потери и награды.
Запомни, гвардия: Отчизну мы спасли
Вот здесь, на черных глыбах Сталинграда!

Не историк, а воин-поэт, защитник Сталинграда, предвосхитил то, что потом было подтверждено авторитетнейшими исследователями.

Волжский рубеж у Сталинграда, куда дошли немецко-фашистские войска и откуда им уже не суждено было вернуться, был самым удаленным от Германии участком русской земли...

В адрес дивизии непрерывно поступают поздравления. Новых гвардейцев приветствуют Военные советы двух армий, в состав которых мы входили: 64-й и 62-й. Радуются нашим успехам командиры и бойцы дивизий С. С. Гурьева, В. А. Горишного, Н. Ф. Батюка, А. И. Родимцева и В. П. Соколова. С другого участка фронта прислал телеграмму мой друг и боевой соратник, чью дивизию мы сменили на Баррикадах - Леонтий Николаевич Гуртьев.

Дивизия готовится к парадному построению.

Бойцы отдохнули, всем выдано теплое обмундирование, новое оружие. Высокую честь стоять на правом фланге дивизии заслужил 344-й стрелковый полк - Указом Президиума

Верховного Совета СССР он награжден орденом Красного Знамени. Вспоминаем первый бой этого полка на Баррикадах и ослепшего в том бою полковника Реутского. Многих ветеранов уже нет среди нас, да и весь полк сведен в два малочисленных батальона во главе с замечательными командирами капитанами Беребешкиным и Немковым.

- Смирно, равнение на середину! Я иду навстречу Чуйкову, Гурову, Крылову, Докладываю:

- Семидесятая гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия для встречи Военного совета Шестьдесят второй армии построена.

Гвардейцы дружно отвечают на приветствие командарма. Он оглядывает строй и тихо говорит:

- Иван Ильич, ты все части построил?

- Все.

- Маловато людей...

- Зато гвардейцы!

Праздник в тот день длился долго, и никто не слышал сигнала ко сну.

Около полуночи возвращался я в штаб по широкой улице Верхней Ахтубы. В окнах горел свет. Не сразу улеглось радостное волнение солдат - кто беседовал, кто писал письма родным. У здания штаба замер часовой, прислушиваясь к песне, доносившейся с окраины поселка. Я остановился рядом.

Вероятно, мы оба вспомнили, как темной осенней ночью плыла по Волге баржа, буксируемая катером. Впереди лежал город, содрогавшийся от взрывов. В реке отражались огни пожаров на высоком берегу Баррикад. А в трюме баржи, по которой из гаубиц и минометов били фашисты, наши бойцы затянули ту же песню, что звучала сейчас над Верхней Ахтубой:

Есть на Волге утес...

15 октября 1942 года, переправившись через Волгу, мы вели первый бой на Баррикадах за пядь родной земли, названную потом остров Людникова. А через двадцать пять лет, 15 октября 1967 года, на открытии памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев в своей речи сказал:

Мы говорим Дом Павлова - и перед нашим мысленным взором возникают сотни домов, ставших настоящими крепостями, неприступными для фашистов.

Мы говорим остров Людникова - и вспоминаем десятки других островков сталинградской земли, в самые критические дни удержанные мужеством наших солдат и офицеров.

Мужество и героизм советских воинов, сражавшихся на Волге,

принесли нашей стране победу, восхитившую мир.

Но до окончательного разгрома фашизма было еще далеко. Предстояли жестокие бои.

Идем на запад

Крах цитадели

Во второй половине февраля 1943 года 70-я гвардейская стрелковая дивизия выгрузилась из вагонов в районе станции Сухиничи. Я поехал представиться командующему 16-й армией Западного фронта генерал-лейтенанту И. Х. Баграмяну{14}.

Иван Христофорович Баграмян принял меня очень тепло, долго расспрашивал о битве на Волге. Порадовавшись боевым успехам нашей дивизии, он очень огорчился, узнав, что в его распоряжение мы прибыли в весьма малочисленном составе, да еще со скудным вооружением. Командующего армией нетрудно было понять: ему требовалась полноценная воинская часть, а не флажок на карте.

Но недолго находились мы в составе 16-й армии. Не прошло и двух месяцев, как 70-ю гвардейскую передали Центральному фронту, которым тогда командовал генерал армии К. К. Рокоссовский{15}.

Мы снова погрузились в вагоны, доехали до Курска, а оттуда походным маршем двинулись в район сосредоточения.

Май подходил к концу. Советские разведывательные органы уже располагали сведениями о намерении Гитлера начать под Курском большое наступление. По всем данным, летняя кампания обещала быть жаркой. Меня срочно вызвали к командующему фронтом, и я ошибся, полагая, что вызов касался всех командиров дивизии.

После того как генерал армии внимательно выслушал мой доклад о боевой подготовке дивизии, начался непринужденный разговор. Мы вспомнили первые тяжкие дни войны и нашу встречу на реке Случь, где у переправы сошлись мехкорпус К. К. Рокоссовского и два стрелковых корпуса - наш 31-й и 15-й И. И. Федюнинского.

- Значит, не забыли пятнадцатый корпус? - спросил Рокоссовский. - Тем лучше. Военный совет фронта считает, что вы, Иван Ильич, справитесь с обязанностями командира этого корпуса. Он будет действовать теперь на нашем фронте в составе Тринадцатой армии генерал-лейтенанта Пухова.

Человек я не суеверный. Цифра 13 меня не смутила. Поблагодарив Константина Константиновича за доверие, искренне признался, что нелегко мне будет расстаться с дорогой сердцу дивизией.

Через несколько дней представление фронта было

утверждено Наркоматом обороны. Мне приказали выехать в Москву, чтобы принять управление корпусом.

Вот и настал час прощания с гвардейцами. Тогда я еще не знал, что 70-я гвардейская Краснознаменная окажется в соседнем гвардейском корпусе той же 13-й армии. Нас ждали одна великая битва под Курском и одна дорога наступления - через три реки на запад. Слава первых героев Днепра тоже пришла одновременно.

- Граждане, воздушная тревога! Граждане, воздушная тревога!

Голос диктора разбудил меня в номере московской гостиницы ЦДКА.

- Гражданин, спускайтесь в бомбоубежище! - настоятельно требует стоящая за дверью дежурная по этажу.

Подхожу к окну. На площади Коммуны маячат силуэты зенитных орудий. Зенитчики столицы на посту. А я так устал за день! Эх, будь что будет, никуда не пойду. Только задремал - по радио объявили отбой воздушной тревоги. Теперь можно заснуть с чистой совестью. Не тут-то было! В дверь стучат опять. На этот раз, правда, робко, деликатно.

- Кто там?

- Товарищ генерал, извините... Вас беспокоит майор Покровский.

Что за наваждение? Голос знакомый, но почему - майор? Неужели Жора Покровский, мой бывший адъютант, с которым я на речке Стырь встречал у костра рассвет первого дня войны? С лейтенантом Покровским я расстался на аэродроме, когда меня, раненного, увезли в тыл.

Зажигаю свет, одеваюсь, открываю дверь.

- Жора! Ты?

До чего быстро мужают люди на войне! Мог ли я думать, что встречу бывшего адъютанта в роли командира партизанской бригады?! В Москву Покровского вызвали на совещание руководителей крупных партизанских отрядов и соединений. Он заседал в Государственном Комитете Обороны вместе с Ковпаком, Сабуровым, Бегмой... Завтра самолет доставит его на партизанский аэродром, замаскированный в Брянских лесах. Есть чему удивиться!

- Читал о вашей дивизии в газете. Здорово! - не скрывая радости, говорит Жора. - Час назад мне сказали: твой бывший комдив в Москве. Мог я улететь, не повидав вас? Когда и где еще встретимся?..

Встретились мы ровно три месяца спустя. Когда 8-я стрелковая дивизия нашего корпуса форсировала Припять, неоценимую помощь оказали ей партизаны бригады Покровского. Партизанский комбриг связался тогда со мной по телефону и,

между прочим, сообщил;

- Браунинг действует безотказно.

В гостинице ЦДКА в Москве, прощаясь с Покровским, я подарил ему трофейный четырнадцатизарядный браунинг, добытый нашими разведчиками на Баррикадах.

15 апреля 1943 года Гитлер подписал оперативный приказ, в котором было сказано:

Я решил, как только позволят условия погоды, осуществить первое в этом году наступление Цитадель.

Это наступление имеет решающее значение. Оно должно дать нам инициативу на весну и лето.

Поэтому все приготовления должны быть осуществлены с большой осторожностью и большой энергией. На направлениях главного удара должны использоваться лучшие соединения, лучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир,

каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления.

Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира.

Факелом для всего мира... Давно ли утих заупокойный звон по лучшей немецкой армий, разгромленной и плененной на Волге! А главарь фашистского рейха уже намеревался зажечь новый факел - под Курском!..

Мы не заблуждались относительно намерений неприятеля, когда командарм Николай Павлович Пухов обсуждал со мной варианты возможного наступления фашистов на участке, обороняемом 15-м корпусом. Враг мог ударить в стык двух наших армий - 48-й и 13-й, имея в виду главное направление на Ливны. Не исключалось также, что он нанесет удар вдоль железной дороги Орел - Курск. За два года мы достаточно изучили противника. Я считал, что он выберет для наступления первый вариант - удар по стыку двух армий. К этому же склонялся и командарм, однако он предупреждал, что надо готовиться к активной обороне по двум вариантам.

Основная задача корпуса: не дать гитлеровцам прорваться через первую полосу обороны. Зона сплошного огня на глубину до четырехсот метров в сочетании с различными инженерными заграждениями - первое препятствие, которое остановит их и уж, во всяком случае, замедлит темп их наступления. Надо предусмотреть любой, в том числе и самый неблагоприятный, ход боевых действий, когда противнику превосходящими силами удастся вклиниться в нашу оборону. В этом случае последует армейский контрудар в полосе корпуса и корпусные контратаки вторыми эшелонами.

Из трех дивизий корпуса (8, 74 и 148-я) одну мы вывели с одобрения командарма во второй эшелон. Это была 74-я дивизия генерал-майора Андроника Абрамовиче Казаряна. 8-я дивизия обороняла передний край двумя полками. 229-й стрелковый полк полковника Данилы Кузьмича Шишкова я приказал тоже держать во втором эшелоне. Принимая такое решение, учитывал не только умение Казаряна и Шишкова быстро разобраться в сложной обстановке боя, но и их храбрость, решительность, необходимые для сокрушительных контратак.

Полоса обороны корпуса составляла тринадцать километров. На каждый километр фронта мы имели в среднем пятьдесят три орудия. Если искусно маневрировать их огнем в ходе боя, то на отдельных, наиболее опасных, участках можно значительно увеличить плотность артиллерийского огня. Мы заранее позаботились, чтобы лучшие расчеты орудий заняли позиции там, где противник сможет применить танки. Если добавить, что мы могли также надеяться на артиллерию армейского резерва и на крепкую поддержку авиации, то станет ясно: были приняты все меры, дабы враг не застал нас врасплох.

И все же напряжение, вызванное ожиданием скорого боя, не спадало. Из штаба армии регулярно поступала информация о противнике. С 2 по 4 июля мы получили два предупреждения о сроках начала вражеского наступления. На всех наблюдательных пунктах круглосуточно дежурили офицеры штаба корпуса. Начальник штаба полковник Г. Г. Андреюк четко и без суеты организовал работу всех служб корпуса, обратив особое внимание на средства связи.

Задолго до рассвета командарм Пухов сообщил, что, по данным разведки, гитлеровцы с утра перейдут в наступление. Командующий фронтом Рокоссовский принял решение провести контрподготовку в полосе нашей армии. В два часа двадцать минут ночи прозвучит команда Буря, артиллерия корпуса откроет огонь и израсходует в течение тридцати минут половину боекомплекта.

Я взглянул на часы. Было два часа ночи.

- Все по местам!

Передав приказ командирам дивизий, мы стали ждать сигнала, и он поступил.

Из частей и соединений докладывают, что артиллеристы потрудились на славу. В ближайших тылах врага видны пожары и слышны взрывы. А он безмолвствует, ни разу не огрызнулся огнем пушек или танков.

Что это значит? Чем объяснить пассивность противника? Звоню командарму. Николай Павлович сразу снимает трубку.

Голос спокойный, уверенный:

- Понимаю вас, Иван Ильич. Думать надо и за противника. Однако не сомневайтесь - он будет наступать. Будет! Готовьтесь его встретить.

Мысленно представляю обстановку в стане врага. Нет, я не тешу себя надеждой, что сейчас там царят смятение и паника. Достаточно и того, что внезапность, которой немцы так любят ошеломлять других, обернулась против них. Весь механизм наступления гитлеровцев, несомненно, уже готов к запуску. Мы упредили врага. И все же невозможно предугадать, как сработает этот тщательно отлаженный механизм.

В пять часов тридцать минут 5 июля две пехотные дивизии немцев, прикрываясь огнем и броней ста пятидесяти танков и самоходных орудий, перешли в атаку на передний край обороны 15-го корпуса.

Позади нашего переднего края - деревни Бузулук, Семеновка, поселок Согласный, дорога к местечку Троено. К ним и устремились тигры и фердинанды. За танками двинулась пехота.

Грянул бой.

То, чего дорогой ценой добился противник в первой половине дня 5 июля, не назовешь клином, вбитым в нашу оборону, хотя высота с отметкой 226. 4 на участке 8-й дивизии и поселок Согласный на левом фланге 148-й дивизии оказались в руках врага. Эту вмятину нам удалось быстро ликвидировать. Полк Шишкова решительной контратакой вернул высоту 226. 4. Для 74-й дивизии генерала Казаряна час контратаки настал, когда уже смеркалось и бой затихал. После артиллерийской и авиационной подготовки части Казаряна ударили по гитлеровцам и отбросили их за рубеж Бузулук, Согласный.

Теперь можно было подвести итоги первого дня. Приняв на себя удар противника, левый фланг нашего корпуса сыграл роль наковальни, сломавшей острие танкового клина немцев. Сорок три танка, и среди них немалое число тигров, были истреблены за один день в полосе корпуса.

Во время контратаки бойцы 229-го стрелкового полка взяли в плен командира роты штурмовой фашистской дивизии.

Когда вы ночью открыли мощный артиллерийский огонь, - показал пленный, командир батальона сказал мне по телефону: Русские, видимо, начинают наступать. Ваш огонь причинил нам большие потери, но, оправившись и частично перегруппировавшись, мы начали артиллерийскую подготовку. Перед сигналом атаки командир батальона приказал мне поднимать роту в атаку и сообщил, что русские разбежались. Я выполнил приказ. Мы немного продвинулись в сторону ваших

окопов, и тут на нас обрушился мощный шквал огня. Рота залегла. Невдалеке разорвался снаряд. Я потерял сознание. Когда пришел в себя, ваши солдаты поливали меня водой.

На войне я с 1939 года. Прошел всю Европу. Воевал во Франции. То, что я пережил сегодня, кажется мне страшным сном.

Мы не сомневались, что на другой день противник возобновит атаки. Но это не тревожило. Мы располагали необходимыми средствами обороны и убедились в боеспособности частей корпуса. Советские солдаты стойко выдержали первый натиск врага. Во время контратак они не только успешно отсекали от танков гитлеровскую пехоту, но и обращали ее в бегство.

В полночь разведчики донесли, что против левого фланга нашего корпуса противник сосредоточивает свежие силы, что в его ближайших тылах идет какая-то перегруппировка. Обстановка требовала высокой бдительности. С утра все прояснилось. Налет бомбардировщиков Ю-87 на участок, обороняемый дивизией Казаряна, сразу определил направление атаки, которую предприняла 78-я штурмовая дивизия немцев. Наступление поддерживали танки, пытавшиеся проложить дорогу своей пехоте через Семеновку на Троено.

Командный пункт генерала Казаряна находился на высоте 243. 9, близ Семеновки. Оттуда он докладывал мне по телефону обстановку. Докладывал не просто четко и обстоятельно. Генералу Казаряну было присуще подлинное упоение боем.

- Товарищ генерал, хорошо вижу все. Наша артиллерия накрыла танки! На правом фланге дивизии горят пять танков, на левом - четыре. Впереди две машины подорвались на минах... Товарищ Первый, загорелись еще два тигра. Честное слово, пылают как факелы!

- Пехота? Как немецкая пехота? - спрашиваю Казаряна.

- Залегла. Мы ее пулеметным огнем прижали к земле. Главное - положить немца, а уж подняться мы ему не дадим...

Весело воюет генерал Казарян.

Подавить сопротивление нашей 74-й дивизии гитлеровцам не удалось. Вызвав новые танки, на ходу меняя направление атаки, они попытались обойти деревню Бузулук. На этот маневр врага мы ответили своим маневром: вражеские танки были встречены огнем двух артиллерийских противотанковых полков из. резерва корпуса. Три часа длился ожесточенный бой, в котором противник потерял тридцать пять танков и много живой силы. Было еще далеко до сумерек, но атака гитлеровцев уже захлебнулась, а потом и вовсе прекратилась.

Таким образом, второй день наступления не принес немцам успеха.

Первая половина дня 7 июля прошла для нас относительно спокойно, и кое-кто, выдавая желаемое за действительное, стал уже поговаривать: немцы выдохлись.

Побывав в дивизиях генералов Мищенко и Казаряна, я доложил обстановку командарму. Николай Павлович Пухов в свою очередь проинформировал меня о положении на других участках армии и фронта. С южного фаса Курской дуги противник наносил мощные удары в направлении Белгород, Обоянь, но и там положение наших войск было прочным, устойчивым.

- Что побывали в частях - хорошо, - говорит командарм. - Но я не очень уверен в командире той дивизии, где вы еще не были. Учтите это и имейте в виду: немцы будут и впредь вас прощупывать, искать слабое место в боевых порядках корпуса.

Это было сказано спокойным, заботливым тоном. А выдержка и деликатность были органично присущи нашему командарму. Мы очень ценили его умение внимательно выслушивать подчиненных. Указания, если в них была нужда, он давал ясные, четкие. Таким же стилем работы отличались и ближайшие помощники Н. П. Пухова.

Не могу в связи с этим не вспомнить приезд в корпус заместителя командарма генерал-лейтенанта М. И. Глухова. Курская битва только разгоралась, дел неотложных было много, и я, честно говоря, немного опасался, что присутствие Глухова в штабе корпуса будет сковывать подчиненных. Доложив генералу Глухову обстановку, я снова принялся руководить боем. Через сорок - пятьдесят минут Глухов, связавшись по телефону с командующим армией, попросил разрешения выехать в соседний корпус.

- Пятнадцатый воюет активно. Командование действует спокойно и уверенно, с полным пониманием задачи. Мне здесь делать нечего.

Я понял: слова генерал-лейтенанта Глухова были адресованы не только командарму. Глухов явно давал нам понять, что корпус не нуждается в особой опеке и ничто не должно ограничивать наши самостоятельные решения. И это было весьма важно в тот момент: нас не только проверяли, нам и доверяли. А ведь корпус впервые вел бой в составе 13-й армии.

Корпус получил небольшую передышку, и мы провели необходимую перегруппировку войск.

11 июля противник возобновил наступление, нацелив главный удар на 148-ю дивизию генерала Мищенко. На этот раз немцы решили прорваться в район Малоархангельска. Их 78-я

штурмовая дивизия, поддержанная пятнадцатью танками, овладела селом Протасове, но была настолько обескровлена, что дальше наступать не могла. Два наших полка - стрелковый и танковый - вынудили противника оставить Протасове и вернуться на исходные позиции.

Здесь, под Протасове, наши танкисты впервые опробовали американские танки шерман, или, как их официально именовали, БМ-6. Неофициально же об этих машинах наши танкисты говорили: Братская могила на шесть человек. Шерманы полностью оправдывали этот нелестный отзыв. Они были очень уязвимы и легко воспламенялись.

Миновала первая неделя Курской битвы. Итоги этой недели подвел командующий фронтом генерал армии К К. Рокоссовский на совещании в штабе 13-й армии. Северная группировка противника, не добившись заметных успехов, понесла значительные потери в живой силе и технике. Эта группировка не имела в тот момент резервов для нового наступления, а рассчитывать на пополнение за счет войск с других участков фронта не могла, так как наш Брянский фронт успешно начал наступательную операцию. Таким образом, складывались благоприятные обстоятельства для решительного наступления наших войск.

Цитадель Гитлера рушилась, но ставка фюрера не предполагала, что крах операции Цитадель станет одновременно и началом широкого, мощного контрнаступления советских войск.

15-й корпус пополнился еще одной дивизией - 132-й и получил новую задачу: ударом в направлении села Кривые Верхи овладеть рядом высот, выйти затем на западный берег реки Неручь и полностью восстановить положение, которое занимал до 5 июля.

Время для проверки готовности всех частей к наступлению у нас было, и мы его хорошо использовали. Офицеры штаба безвылазно находились в полках и батальонах первого эшелона, оказывая действенную помощь командирам частей и подразделений.

К исходу 14 июля я доложил командарму, что корпус готов начать наступление.

Вот когда пришлось мне вспомнить поговорку Лиха беда - начало! Как только заговорила наша артиллерия, гитлеровцы вызвали авиацию. Семьсот юнкерсов обрушили свой бомбовый груз на передний край и ближние тылы наших дивизий. От снарядов и бомб над полем боя повисла завеса из пыли и дыма. Завеса долго не исчезала, и наши артиллерийские наблюдатели

не видели целей, по которым бьют орудия. Только неудержимый наступательный порыв пехотинцев позволил трем дивизиям корпуса прорвать первую полосу вражеской обороны.

Противник бешено сопротивлялся, и темп наступления не удовлетворял нас. Нет ничего тягостнее боя, когда теснишь врага от рубежа к рубежу ценой чувствительных потерь.

И все же мы смогли навязать гитлеровцам ночной бой. Смогли благодаря похвальной инициативе командиров полков подполковников П. И. Жданова и Д. К. Шишкова из 8-й дивизии и майоров Н. И. Сташека и Д. П. Сухарникова из 74-й. Противник, отступая, не успевал закрепляться на следующем оборонительном рубеже, хотя по-прежнему дрался ожесточенно.

3 августа корпус вышел на подступы к Кромам.

Оборонительный рубеж на высоком западном берегу реки Крома занимала 6-я пехотная дивизия немцев. Нам предстояло наступать по низменной равнине. К счастью, в это время в полосу нашего корпуса с Брянского фронта вошла 3-я танковая армия, которой командовал генерал-лейтенант П. С. Рыбалко. Действуя в составе Брянского фронта, танкисты Рыбалко оказались перед Кромами на правом фланге 13-й армии. Н. П. Пухов предложил мне связаться с генералом Рыбалко для совместных действий.

На командном пункте Рыбалко я застал и командующего артиллерией 3-й танковой армии. Вместе с ним и Рыбалко мы наблюдали за стрельбой наших самоходных орудий с закрытых позиций. Результаты оказались отличные, и Рыбалко тут же дал указание командующему артиллерией продолжать пристрелку.

- Днем пристреляются самоходки, - обращается ко мне Рыбалко, - а ночью ударом наших танкистов и ваших пехотинцев расколем этот орешек. Не возражаете?

Кромы - крепкий орешек. Это правофланговый опорный пункт немцев, оборонявших Орел. Противник, несомненно, понимал значение Кром и принял необходимые меры, но в успехе нашего наступления я не сомневался.

В боях за Кромы снова отличился полк П. И. Жданова. 3-й батальон этого полка, увлекаемый примером своего командира капитана Сахно, первым переправился на рассвете через реку Крома. Удача сопутствовала и 78-му полку из дивизии Казаряна. Командир этого полка подполковник К. П. Левашов начал переправу ночью и, обходя город с запада, отрезал гитлеровцам пути отхода.

Взятием Кром завершились нелегкие бои между реками Неручь и Крома.

Овладев Кромами, мы преследовали противника до самой Десны.

Три реки преграждали дорогу на запад - Десна, Днепр, Припять.

Воины нашего корпуса заслуженно гордятся тем, что были первыми на Днепре. Но слава не пришла бы к ним без смелых и инициативных действий на переправах через Десну. О них и пойдет речь.

Переправы, переправы...

Корпус прикрывает правый фланг армии, совершающей марш на юго-запад. Обновляем карты, и я читаю на них названия городов и сел, где два года назад, истекая кровью, дралась 200-я дивизия. Очень хочется, чтобы дорога нашего наступления пролегла по этим местам. Насколько мне известно, форсирование Десны не входит пока в задачу 13-й армии. Но разве не бывает на войне, что ход боевых действий заставляет резко менять заранее намеченные планы! Так случилось и на этот раз.

Старожилы Коропа, два заядлых рыбака, показали нам наиболее удобные для переправы через Десну участки. На всякий случай мы нанесли их на свои карты. Оказалось, что как раз к этим участкам близ устья Сейма выходят сейчас дивизии генерала А. А, Казаряна и полковника П. М. Гудзя.

Это было вечером 8 сентября.

Генерал Казарян сообщил по телефону, что его хозяйство контролирует восточный берег реки на протяжении пятидесяти километров и, по всем данным, наш выход к Десне застал противника врасплох. Эх, было бы на чем переправляться! - сокрушается Казарян. Не прошло и пяти минут после этого разговора, корпус получил приказ: двумя дивизиями форсировать Десну, захватить плацдарм на западном берегу и передать его затем подходящим к Десне войскам 61-й армии генерал-лейтенанта П. А. Белова.

Приказ короткий и точный. Неясно только одно - на чем переправляться? Спрашиваю об этом командующего армией. В его ответе не нахожу ничего утешительного:

- Не могу, Иван Ильич, дать то, чего у меня нет. А переправляться надо. И немедля.

Командный пункт 74-й дивизии находится на восточной окраине прибрежного села Луклов. Вместе с командующим артиллерией полковником Оганесяном и начальником оперативного отдела полковником Живодеровым еду к Казаряну.

Комдив уже успел хорошо разведать берег и взять на учет все подручные средства переправы. Рыбацких лодок мало. Солдаты сколачивают плоты и плотики. Набивают сеном походные палатки. В ход идут пустые бочки, ворота и заборы. Все, что может держаться на воде, подтягивается к берегу. В течение двух

ночей - 10 и 11 сентября - дивизия генерала Казаряна переправилась через Десну. Захваченный ею плацдарм позволил на третью ночь ввести в бой 8-ю стрелковую дивизию.

На фронте шириной двадцать два километра мы продвинулись на двенадцать километров в глубину. В боях за расширение плацдарма были разгромлены пять гитлеровских полков. Мы сожгли восемнадцать танков, пленили четыреста тридцать вражеских солдат и офицеров, захватили богатые трофеи. Но и сами понесли чувствительные потери.

Гитлеровцы понимали, что с нашим прорывом через Десну начинается битва за Днепр. Ожесточенными контратаками они пытались ликвидировать наш плацдарм. Геройски дрались части дивизии Казаряна. Имея ограниченный запас снарядов и патронов, они удержали свои позиции до подхода свежих сил. Я находился с оперативной группой на переправе, когда ожесточенной бомбардировке подвергся город Короп, где располагался штаб корпуса. Мы потеряли многих офицеров, в том числе и командующего артиллерией 13-й армии генерал-майора А. Н. Панкова.

Плацдарм за Десной наш корпус передал войскам 61-й армии, но уже через пять дней мы снова вышли к Десне на участке Яновка, Ладвинка юго-западнее Чернигова. Я упросил командарма, чтобы хоть одна дивизия нашего корпуса участвовала в освобождении Чернигова. Два года назад 15-й стрелковый оборонял город. Хотя состав бойцов и командиров полностью обновился, номер корпуса остался прежним, сохранилось его Знамя, и оно должно развеваться в освобожденном Чернигове.

Многое вспомнил я, попав осенью 1943 года на берег Десны. Да и как было не вспомнить!

Два года назад отступавшая с боями 200-я дивизия, которой я командовал, переходила по понтонному мосту, что был у села Слабино, на левый берег Десны...

Эти края мне знакомы. Трудно сыскать лучший участок для форсирования, чем берег возле Слабино. Я и приказал инженерным частям корпуса приступить к постройке моста на том же месте, возле Слабино. На другой стороне Десны хорошо известные мне села Куйбышев, Андреевна, Пакуль. В Андреевке в сорок первом году 200-я стрелковая вела ожесточенные бои...

Противник обнаружил выход войск нашего корпуса на фланг его черниговской группировки, бомбит районы возможных переправ. Наша союзница - темная осенняя ночь, а ценный опыт переправы через Десну мы уже имеем. Всего два часа понадобились передовым частям из дивизии Казаряна, чтобы

оказаться на западном берегу. За ними форсировали реку остальные. Когда утром 22 сентября над Десной появились юнкерсы, переправа пустовала.

Передовые части 8-й дивизии полковника Гудзя овладели селом Пакуль. Узнав об этом, мы перевели штаб корпуса в Андреевку.

С волнением вошел я в это село и направился к зданию школы. Фашисты не успели разрушить ее. Собрались жители. Они не забыли тяжелый бой, который вела здесь два года назад 200-я дивизия. Показывают мне могилу, в которой похоронили старшего лейтенанта Панкова и его отважных разведчиков. Стихийно возникает митинг. Старый учитель, обращаясь к односельчанам, воскликнул:

- Два года фашисты трубили, что русская армия разбита. Пытались поколебать нашу веру. Глядите, люди, какими сильными вернулись наши сыны на родную землю! - Старик внезапно повернулся ко мне. - Почему собрались здесь только старики, женщины и дети? А потому, что наши мужчины ушли в леса. Вы еще встретите на своем пути партизан из Андреевки... Гоните захватчиков! Скорее очищайте священную русскую землю от фашистской погани!

Начальник политотдела корпуса полковник Анатолий Капитонович Иванников рассказал о победах Советской Армии. Потом попросили и меня сказать несколько слов. Я поблагодарил андреевцев, сохранивших солдатские могилы, и тут же напомнил, что для солдата нет ничего священнее воинской клятвы.

- Не вам ли мы клялись осенью сорок первого, что вернемся на родную землю? Вот и сбылось! Отсюда рукой подать до Днепра. Нас ждут в городах и селах Белоруссии и Украины. А чтобы быстрее двигаться, надо строить дороги, мосты, переправы. Помогите войскам!

- Поможем! - раздалось в ответ.

... От Казаряна и Гудзя поступают короткие и уверенные донесения. Войска корпуса овладели на правом берегу Днепра селами Березки и Лукоеды, окружен , и уничтожен вражеский гарнизон в Комарине. Южнее нас форсировал Днепр и успешно наступает 17-й гвардейский корпус нашей 13-й армии.

Прошли сутки, а на оперативных картах появились стрелы, нацеленные на реку Припять.

Никакими уставами и наставлениями не предусмотрено было то, что совершили войска 13-й армии на Днепре. Большой понтонный мост невозможно было, перебросить с Десны к Днепру. А мы, как и раньше, не располагали табельными переправочными средствами, если не считать незначительного количества надувных лодок А-3. Снова пошли в ход самодельные плоты и плотики, доски и бревна. А те, кто умели плавать, привязывали к голове автоматы и бесстрашно бросались в

ледяную воду. На вопрос командарма: Как форсируете Днепр? - я имел все основания ответить: Форсируем храбростью солдат и офицеров.

А в тылу наших войск еще кипел бой за освобождение . Чернигова.

Действия противника явно противоречили здравому смыслу. Угрожая штабу корпуса и его коммуникациям, гитлеровцы предпринимали контратаки на Видельцы, на левом берегу Днепра.

А между тем у них уже не было сил, чтобы задержать наше стремительное наступление на правом берегу, и мы успешно продвигались к Припяти.

Что замышляет противник? Этот вопрос, видимо, тревожил командование армии. Ко мне на командный пункт приехал член Военного совета армии генерал-майор М. А. Козлов.

- Учитываете обстановку? - спросил он меня. - Николай Павлович ждет вашего решения.

Под Курском командарм Пухов, предвосхищая намерения противника, вовремя предупреждал нас: Немцы будут наступать. Все мы многому научились у командарма. И теперь, на Днепре, проанализировав еще раз обстановку и данные разведки, я пришел к выводу, что атаки противника на Видельцы носят демонстративный характер. Если командарм вернет нам 148-ю дивизию генерала Мищенко, чтобы прикрыть правый фланг корпуса, наступление на Припять можно продолжать. Таково было мое решение.

Связавшись с Пуховым по телефону, я доложил выводы по обстановке. Из них следовало, что гитлеровцы скоро начнут отступать, что ничего другого им не остается.

Разговор с командармом происходил на исходе дня. С наступлением темноты нам стало известно, что из района Видельцы немцы отходят и переправляются через Днепр севернее железнодорожного моста у Губичей.

Мы овладели треугольником междуречья. Но, только форсировав Припять и захватив плацдарм на ее западном берегу, корпус мог считать свою задачу выполненной. Чтобы проверить готовность войск к новому наступлению, поехал в район междуречья. К переднему краю подтягивались обозы, машины. Дымили походные кухни. Разбил свои палатки медсанбат. Шла перегруппировка частей и подразделений. Недалеко от пехотинцев - огневые позиции артиллеристов. Уже оборудованы были ровики. Пушкари отдыхали, пели песню о Днепре: когда пехотинец видит, как надежно подпирают его ближние тылы, он чувствует себя спокойно, воюет уверенно.

В ночь на 27 сентября два полка 8-й стрелковой дивизии первыми форсировали Припять и на рассвете стремительной атакой овладели селами Копачи и Карпиловка. Следующей ночью Припять форсировала 148-я дивизия. После этого почти две недели части корпуса вели тяжелые бои с контратакующим противником. В этих боях мы понесли немало потерь, даже заметно сузили свой плацдарм, но удержали его и вынудили врага перейти к обороне.

Я далек от намерения касаться больших и сложных вопросов военной стратегии. Но любой офицер знает непреложное на войне правило: развивай успех там, где он обозначился и где сулит хорошие перспективы. Эту аксиому я вынужден вспомнить в связи с событиями на Днепре.

Успех в тот период явно обозначился на участках 13, 60 и 38-й армий, находившихся севернее Киева. И если бы мы тогда располагали теми значительными силами, которые, как известно, застряли южнее Киева, между высотками букринского плацдарма, то, мне кажется, нам удалось бы раньше добиться более ощутимых результатов.

Но и теми силами, что находились в нашем распоряжении, было сделано все возможное. Родина высоко и достойно оценила подвиг первых героев Днепра. Достаточно сказать, что только в нашем корпусе девяносто четыре воина были удостоены звания Героя Советского Союза. Их имена были названы в первом Указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении солдат и офицеров, отличившихся при форсировании Днепра севернее Киева.

Газета Правда в те дни писала:

Гитлеровские разбойники не понимали, что для всего советского народа Днепр - не просто широкая и глубокая река, а река - святыня, река - колыбель нашей культуры, река - носитель народных былин и дум...

Дорого расплатились немцы за попытку овладеть берегом Волги. Не забудет гитлеровская Германия сталинградского возмездия. Началась и расплата немцев за попытку использовать Днепр для своей защиты.

От Волги к Днепру - таков бесславный путь гитлеровцев в 1943 году.

От Волги к Днепру...

Читая Указ о присвоении звания Героя Советского Союза тем, кто отличился на Днепре, я радовался не только за офицеров и генералов нашего корпуса. Выше уже говорилось, что в составе 13-й армии сражалась и бывшая 138-я дивизия, ставшая на Волге 70-й гвардейской. В Указе были названы фамилии моих дорогих

соратников по Баррикадам - Беребешкина, Коноваленко, Печенюка. А рядом с ними я прочитал фамилии командиров из нашего корпуса - генерала Казаряна, полковника Гудзя, подполковников Жданова, Сташека, Шишкова, майора Сухарникова...

Но больше всего порадовало меня то, что в Указе было названо много фамилий солдат и сержантов. И, завершая рассказ о боях 15-го корпуса на трех переправах, я должен рассказать о них. О живых и мертвых. Я согласен с поэтом, который писал: Кто погиб за Днепр, будет жить в веках, коль сражался он как герой... Павшие на переправах герои заслужили право на бессмертие.

Итак, о живых и мертвых.

... В 310-м полку 8-й стрелковой дивизии служили два друга, два молодых разведчика. Одного звали Толей, другого Гаврюшей. В Указе они названы полностью: красноармеец Будник Гавриил Дмитриевич, красноармеец Жариков Анатолий Максимович. Судьба друзей интересна еще и тем, что дважды они оказались для всех нас воскресшими из мертвых: сначала на Днепре, а затем через двадцать с лишним лет после войны.

Десять разведчиков 310-го полка вызвались добровольцами на первый баркас, который темной ночью отчаливал к правому берегу Днепра. Комбат Миронов сказал старшему группы разведчиков Жарикову: Зацепитесь - начнем переправу всем батальоном.

Разведчики уже приблизились к противоположному берегу, когда случайная ракета осветила баркас и на него обрушился вражеский огонь. Гитлеровцы стали непрерывно пускать ракеты. В их ослепительном свете комбат Миронов видел, как затонул разбитый баркас, как под черной гладью реки скрылись наши солдаты. Он и доложил, что первая разведка не удалась, а десять добровольцев погибли.

Но еще задолго до рассвета значительно левее первоначально намеченной переправы к нашему берегу пристала утлая рыбачья лодчонка. Из нее, пошатываясь, выбрался контуженный Гаврюша Будник. Явившись к командиру, он рассказал, как они с Толей Жариковым уцепились за бревно, добрались до правого берега и проникли в тыл неприятеля. Будник набросал конфигурацию правого берега, а на карте комбата показал, где находятся вражеские батареи и где он оставил в засаде раненного в ногу Толю Жарикова. Данные разведчиков оказались очень ценными для полка, и тут же началась переправа.

Произошло это в ночь на 24 сентября. А Указ, которым Буднику и Жарикову присваивалось звание Героя Советского Союза, был опубликован 17 октября, и мы уже не смогли

поздравить отважных друзей. Полк, в котором они служили, в середине октября оказался за Припятью в окружении. Прорвав огненное кольцо, наши бойцы и командиры ушли в лес, пробиваясь к дороге Овруч - Киев. Там встретились с партизанами. Генерал Сидор Артемьевич Ковпак поздравил наших разведчиков и показал им свежий номер газеты с Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Я не знал всего этого до самых последних дней. И вот недавно увидел плакат. На нем были изображены Герои Советского Союза, несущие службу в войсках Министерства охраны общественного порядка. Поглядел - и глазам не поверил: с фотографии смотрел на меня бравый старшина сверхсрочной службы Гавриил Дмитриевич Будник, а под снимком - краткое описание его подвига и отзыв о нынешней службе...

Жив и фронтовой друг Будника - Анатолий Максимович Жариков. Ныне он преподаватель училища механизации в селе Ракитное, на Харьковщине.

... Командир 229-го полка той же дивизии подполковник Данила Кузьмич Шишков познакомил меня с сержантом Хаджаевым. В Указе он полностью именуется так: Касым Хаджаев Сайдасман.

Касым сухощав, подвижен, но в разговоре сдержан. Отличился еще на Десне, под селом Оболонье: его отделение первым прорвалось к траншеям противника. Двадцать гитлеровцев истребили тогда солдаты Хаджаева в рукопашной схватке... А потом был бой за село Кашевка на правом берегу Днепра. И здесь опять сержант Хаджаев проявил героизм.

- Хвалит тебя подполковник, - сказал я Хаджаеву. - К большой награде тебя представил.

- Меня одного? Зачем? - удивился Хаджаев. - Я - как все... Командир сказал: На Днепре - не зевать. Мы не зеваем.

... В дивизии генерала Казаряна не было человека, кто бы не знал сержанта Павла Гурьянова.

Показывая мне реляцию на представление Павла Яковлевича Гурьянова, сержанта отдельной роты связи, к званию Героя Советского Союза, генерал Казарян горячо убеждал:

- Есть подвиги, которые совершают однажды. И награждают за них однажды. Наш Паша Гурьянов совершил их дважды, трижды... Мне порою кажется, он презирает даже смерть!

Об удивительном мужестве сержанта Гурьянова я услышал еще на Десне. В неимоверно трудных условиях ему удалось тогда обеспечить на переправе связь между полками, нарушенную в результате массированного огневого налета противника. На Днепре связисты Гурьянова сумели навести двойную линию

подводную и надводную. Уже сам этот факт был равносилен выдающемуся подвигу. Но этого мало. В течение всей переправы сержант курсировал в лодчонке от берега к берегу, чтобы немедленно устранить возможное повреждение.

- Я сам видел, как лавировала лодчонка Гурьянова между огненными разрывами... Я потрясен и восхищен, - закончил свой рассказ генерал Казарян.

С волнением слушая командира дивизии, я невольно вспомнил подвиг другого связиста. Уж коль зашла речь о беззаветной верности воинскому долгу, о смелости, перед которой отступает даже смерть, как не привести в пример младшего сержанта Василия Солдатенко, радиста из штаба корпуса!

Переправившись через Днепр, батальон 229-го полка вклинился во вражескую оборону так глубоко, что связь с ним была потеряна. Солдатенко отправился на розыски батальона и нашел его. Положение там создалось критическое. Отступая под натиском гитлеровцев, батальон едва удерживал рубеж, за которым уже негде было зацепиться. На этом рубеже и развернул рацию Солдатенко. Сообщив артиллеристам свои точные координаты, он вызвал огонь на себя. Атака неприятеля была отбита. На помощь нашему поредевшему батальону подоспело свежее подразделение.

... Совсем недавно я прочитал{16}, что генерал-майор запаса А. А. Казарян разыскал одного из героев форсирования Днепра, бывшего командира орудийного расчета сержанта Ф. С. Попкова{17}.

Не могу удержаться, чтобы не пересказать это сообщение:

... На рассвете, когда понтон с дивизионной пушкой отчалил от восточного берега, его пробило осколком вражеского снаряда. Понтон, а вместе с ним и пушка стали погружаться в воду. Приказав солдатам снять поясные ремни, Попков связал их, ими же обвязал пушку, чтобы не упустить ее, когда она даже скроется под водой. Пушку солдаты удерживали, пока не подошел другой понтон, на который и вытащили орудие. Но и второй понтон был поврежден осколком снаряда и начал тонуть. А западный берег уже близок. Теми же поясными ремнями и канатом, снятым с затонувшего понтона, Попков и его расчет вытащили пушку и снаряды на берег.

Когда вражеские танки во главе с тигром ринулись в атаку, немцы никак не предполагали, что у наших переправившихся пехотинцев есть противотанковые средства, тем более артиллерия. Но пушка Ф. С. Попкова уже заработала. Отважный сержант занял место наводчика и вторым выстрелом подбил

тигра. А следующими выстрелами пушка вывела из строя еще два вражеских танка.

... Другой наш артиллерист, Василий Белозеров, тоже доказал, что и один в поле - воин. Все солдаты из его расчета были ранены, когда гитлеровцы прорвались в тыл нашей части, угрожая штабу полка. Белозеров развернул пушку и меткими залпами рассеял атакующих.

На трех переправах - через Десну, Днепр и Припять - пушка Белозерова разрушила десять вражеских дзотов, сожгла четыре танка, истребила до роты пехоты.

Нет возможности перечислить всех пехотинцев, артиллеристов, саперов, связистов, чье беззаветное мужество обеспечило успешные действия корпуса на Днепре.

Отдавая дань глубокого уважения живым, склоняя голову перед погибшими, хочу еще раз повторить: Кто погиб за Днепр, будет жить в веках, коль сражался он как герой...

Через десять дней после освобождения Киева штаб 15-го стрелкового корпуса был поднят по тревоге. К нам прибыл офицер из штаба 13-й армии с картой маршрута и с приказом командарма: К утру 21 ноября 1943 года корпусными частями и дивизией генерала Мищенко выйти на рубеж Черняхов, Радомышль, Форсированные марши совершать ночью.

Мы уходим в состав 60-й армии генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского, которая действует в районе Житомира, где крайне осложнилась обстановка.

Что ждет нас на новом участке, в новой армии?..

На фронте не гадают, а действуют. Корпус трогается в путь.

Обороняться и наступать

Корпус еще на марше, а меня вызывают в штаб 60-й армии: требует командарм. С Иваном Даниловичем Черняховским я до этого не встречался.

Первое знакомство оказалось для меня не из приятных.

Из-за неполадок с машиной добираться пришлось на попутных и даже пешком.

Командарм встретил меня, хмуро насупив брови:

- Вы обязаны были прибыть два часа назад. Не в гости вас звали...

Я промолчал, считая излишним оправдываться. Но за меня заступились начальник штаба армии Тер-Гаспарян и член Военного совета В. М. Оленин. Черняховский смягчился и даже пошутил:

- Если у генерала Людникова такие адвокаты, то сразу приступим к делу.

С исчерпывающей ясностью командарм обрисовал мне

обстановку в полосе армии и тут же поставил корпусу задачу: жесткой обороной на рубеже Каменный брод, Радомышль не допустить прорыва гитлеровцев в направлении города Малин. В дальнейшем мы убедились, что противник готовился наступать именно в этом направлении, рассчитывая выйти к Днепру и в случае успеха снова овладеть Киевом. Такой замах был сродни порыву отчаявшегося игрока. Мы понимали, как велико желание гитлеровцев отыграться за поражение на Днепре, и не могли не учитывать этого.

Корпус занял оборону. Около двух недель продолжались мелкие стычки с противником. Горячие бои развернулись только в начале декабря.

Еще до рассвета 6 декабря меня разбудил начальник штаба корпуса полковник Г. Г. Андреюк и с плохо скрытой тревогой сказал:

- В тылу, на правом фланге дивизии Мищенко, происходит что-то непонятное. У ее соседа справа, тридцатого стрелкового корпуса, в тылу идет бой, а перед передним краем обстановка спокойная. Отмечается лишь вялая пулеметная перестрелка.

- Что докладывает начальник разведки нашего корпуса?

- Ничего он не может доложить.

Связаться со штабом соседа - 30-го стрелкового корпуса - нам не удается. Звонит генерал Мищенко:

- У меня спокойно. Танковый бой идет в тылу соседа. Откуда там появился противник - мне невдомек.

- Пошлите в тридцатый корпус своих разведчиков.

Дождавшись, пока отдам необходимые распоряжения, адъютант сообщает, что прибыл новый командующий артиллерией корпуса полковник Дзевульский.

В комнату вошел рослый, подтянутый человек.

Есть люди, узнать которых можно, только съев вместе пуд соли. А есть и такие, что располагают к себе с первого взгляда. Полковник А. О. Дзевульский явно относился к последним. Уже через несколько минут после официального представления я допустил его к исполнению обязанностей. Предупредив, что обстановка усложняется, попросил Дзевульского немедленно заняться противотанковой обороной на правом фланге. Там находилась артиллерийская бригада полковника Чевола. Ничего худого сказать о ней я не мог, но знал: командир бригады не любит отражать атаки танков с открытых позиций.

Что же случилось на правом фланге корпуса?

Три полка немецкой мотопехоты и шестьдесят танков нанесли удар по соседнему 30-му стрелковому корпусу, вышли к его тылам и одновременно начали наступать на фланг нашей 148-

й дивизии. Заняв село Корчивку, гитлеровцы ввели в бой свежий резерв, развивая наступление на северо-восток. Обозначилась угроза глубокого охвата правого фланга и тыла нашего корпуса. Четыре вражеские танковые дивизии (среди них и отборные - СС Адольф Гитлер) рвались вперед. Гитлеровцы все еще надеялись осуществить глубокий прорыв и обойти Киев с севера.

К исходу первой недели сражения они продвинулись на двадцать пять тридцать километров, потеряв при этом большое количество танков.

В ночь на 8 декабря командный пункт 15-го корпуса находился на западной окраине Маньковки и должен был переместиться в другой район. Вместе с полковником Дзевульским и офицером из оперативного отделения я выехал на промежуточный пункт связи, чтобы оттуда управлять войсками до перехода командного пункта на новое место. У села Хадары мы услышали шум приближавшихся танков и остановились. По звукам невозмож- , но было определить принадлежность машин. А в селе царил мир. Артиллерийский дивизион растянулся вдоль домов, солдаты крепко спали.

- Чей дивизион? - спросил я Дзевульского.

- Из бригады полковника Чевола. Ждет подхода другого дивизиона, с которым находится командир полка.

Часовой показал нам промежуточный пункт связи корпуса. Зашли в дом. Кто-то, завидев нас, включил электролампочку от аккумулятора, а занавесить окна не успели. В тот же момент ударили выстрелы из танков. Когда мы выбежали на улицу, дивизион уже изготовился к бою и вел интенсивный огонь по немецким машинам.

Вовремя подоспели на выручку и наши танкисты - две бригады 4-го Кантемировского танкового корпуса и бригада 3-й танковой армии. Во взаимодействии с ними части нашего корпуса остановили гитлеровцев. В полосе, где мы оборонялись, фашисты потеряли около шестидесяти танков.

Противник выдохся. Под Житомиром к концу года явно складывалась благоприятная обстановка для мощного контрудара.

- Готов ваш корпус к наступательным боям? - Этим вопросом встретил меня Черняховский при вторичном вызове в штаб армии.

Я доложил о пополнении, которое получили из освобожденных районов, о том, как обучаем новичков, о предстоявших тактических занятиях с боевой стрельбой и отработкой элементов взаимодействия.

- А времени для этого нет. - Командующий подвел меня к

своей карте. Там были-обозначены участок прорыва обороны противника и главное направление наступления нашего корпуса. - Готовность к наступлению - исход завтрашнего дня.

Я напомнил И. Д. Черняховскому то, что он знал по предыдущим докладам: гитлеровцы имеют перед нашим корпусом закопанные танки. Чтобы подавить их огонь, нужна большая плотность артиллерии.

- Она нужна всем, - перебил Черняховский. - Не знаю командира, который отказался бы от лишних стволов. Сверх того, что имеете, выделить ничего не могу. И так уже Военный совет дал вашему корпусу привилегию.

Я с недоумением посмотрел на командарма: о какой привилегии идет речь?

- Один корпус начнет наступление на сутки раньше других, - пояснил генерал Оленин. - Мы тут посоветовались и решили: почин сделает пятнадцатый корпус.

Поблагодарив члена Военного совета за доверие, я попросил у командарма разрешения вернуться в корпус.

- Вернетесь, когда с нами пообедаете, - сказал Черняховский. Требовательность и гостеприимство - вещи разные, но не исключающие друг друга. Прошу к столу.

За столом - совсем иная обстановка. О предстоящем наступлении - ни слова. Непринужденно беседуем, вспоминаем курьезные случаи.

- Очередь за вами, - обращается ко мне Иван Данилович.

Заручившись обещанием Черняховского, что виновники не будут наказаны, я решил рассказать, как в районе Малина происходила смена моего командного пункта.

Собеседники знали, что немецкие танки рвались к Малину и что преградившая им дорогу 148-я дивизия генерала Мищенко была усилена танковой бригадой подполковника Душака из корпуса кантемировцев. Оперативная группа штаба корпуса находилась в то время в лесничестве, километрах в трех юго-восточнее Малина.

Ночь выдалась облачной, и тучи, нависшие над лесом, еще больше сгущали темноту. Солдаты из роты охраны настороженно прислушивались к каждому шороху. И вдруг невдалеке над лесом взвилась зеленая ракета. Кто нас демаскирует? Не диверсант ли? Поиски не дали результатов, и это еще больше встревожило людей. Прошло полчаса, мерцающий свет зеленой ракеты опять озарил лес. На сей раз ракетчика поймали. Приводят ко мне молоденького лейтенанта в форме танкиста Советской Армии. Он смущен, растерян, однако страха в глазах не видно.

- Кто вы? Зачем пускали ракеты?

Молчит, будто онемел. Возиться с задержанным некогда, и я предупредил, что его ждет суровая кара. Тут ракетчик и заговорил. По словам выходило, что он является адъютантом командира танковой бригады подполковника Душака. И действительно лейтенант точно указал, где сейчас находится его командир, назвал фамилию комдива 148-й, который якобы недавно пришел к Душаку. Из дальнейшего я понял, что генералу Мищенко и подполковнику Душаку ее терпится занять дом лесника под свой командный пункт, но они не знают - ушли ли мы оттуда. Вот и послали в разведку лейтенанта: Если командир корпуса там пускай зеленую ракету, а как уйдет - красную. Он и пускал.

- Ну и умники! - не выдержал Оленин. - Чем же все кончилось?

- А кончилось тем, что я позвонил Мищенко и предложил обменяться командными пунктами. И поскольку, - говорю, - вам не терпится, я сейчас выстрелю красной ракетой. Он, конечно, смутился ужасно. А потом трубку взял Душак. Тоже кается, всю вину берет на себя...

- Будем считать, что вину они искупили, - резюмировал командарм. - Ведь танки противника к Малину не прорвались.

Гитлеровцы празднуют рождество.

25 декабря нам стало известно, что на участке 68-й немецкой пехотной дивизии некоторые подразделения уводят с передовой на праздничный обед, после чего солдаты возвращаются в траншеи.

В тот же вечер доложил командарму о готовности корпуса. Три наши стрелковые дивизии - 322-я полковника П. Н. Лащенко, 336-я полковника М. А. Игначева и 161-я генерал-майора П. В. Тертышного уже заняли исходные позиции для атаки. Прошу разрешения начать атаку после короткого артналета на передний край противника не с утра, а в полдень. Докладываю командарму и члену Военного совета о причине, побудившей принять такое решение. И получаю добро.

Как и на Курской дуге, сигнал для атаки - команда Буря.

Раздалась команда, и над передним краем взлетели серии зеленых ракет. Корпус начал атаку. В первой траншее немцев оказались только дежурные пулеметы, во второй - дежурные подразделения. Ослабленные передовые подразделения противника были не в силах остановить наше стремительное наступление, и уже через час я присутствовал на допросе офицера штаба 196-го немецкого пехотного полка.

Расстояние, которое гитлеровцы силами четырех танковых дивизий преодолели за двадцать дней, мы прошли в три дня.

Накануне Нового года два корпуса танковый генерал-лейтенанта П. П. Полубоярова и наш стрелковый - перерезали шоссе Житомир - Новоград-Волынский в районе села Березовка и начали наносить удар в направлении Высокой Печи в обход житомирской группировки противника.

Приказом Верховного Главнокомандующего двум дивизиям 15-го стрелкового корпуса была объявлена благодарность за умелые действия в составе 1-го Украинского фронта. Дивизиям Лащенко и Игначева присвоено наименование Житомирских.

К исходу 6 января наши передовые части вышли на берег реки Случь.

Задали нам немцы загадку.

Сначала никакой загадки не было. На участке, где наступала 322-я дивизия полковника Лащенко, в районе села Кохановка, разведчики пленили фельдфебеля и шесть солдат из 96-й пехотной дивизии гитлеровцев. Докладываю об этом Черняховскому и слышу в ответ:

- Врут ваши разведчики.

- Я хорошо знаю разведчиков полковника Лащенко. Народ аккуратный...

- Тогда вы сами что-то напутали. И тут же последовало разъяснение, поколебавшее мою уверенность:

- 96-я дивизия немцев? Откуда вы ее взяли? Не только перед вами - во всей полосе 1-го Украинского фронта нет такой дивизии. Найдите разведчиков и накажите.

Вот так дела! Невольно вспомнил рассказанный Черняховскому курьез со сменой командного пункта под Малиной. Теперь, выходит, сам попал в неловкое положение. Вызываю по телефону Лащенко. Он подтверждает сведения разведчиков. Надо самому допросить пленных, иначе не разберусь.

Поехал к Лащенко. Пленный фельдфебель подробно рассказывает, где и когда их дивизию сняли с рубежа обороны, отвели в тыл, погрузили в эшелоны. Чертит на карте маршрут: Псков, Вильнюс, Варшава, Брест, Шепетовка. Тыловые части дивизии еще сейчас выгружаются в Шепетовке.

Снова звоню Черняховскому.

- А знаете, Иван Ильич, - слышу в трубке веселый голос командарма, откуда разведчики Лащенко раздобыли пленных? Аж с Волховского фронта! Я навел справку. 96-я дивизия немцев находится там. Ну зачем вам понадобился такой глубокий поиск? Да и неудобно вторгаться в чужие владения.

Теперь и мне можно ответить шуткой:

- Вторгаться в чужие владения, безусловно, неудобно... Не

знаю, каким ветром занесло сюда эту дивизию. Но мчалась она к нам на всех парах.

Я называю даты, точный маршрут следования дивизии, день ее прибытия и улавливаю в трубке тяжелый вздох:

- Вот как?.. М-да...

Что было потом, я узнал уже из рассказа Тер-Гаспаряна. Командарм, оказывается, связался с фронтом, оттуда позвонили в Генштаб, и Волховский фронт получил приказ провести разведку боем на участке, где у него обозначена 96-я пехотная. Тут и выяснилось: участок обороняет другая часть.

- Бывает, - сказал мне Тер-Гаспарян. - Чего только не бывает на войне!..

Новая пехотная дивизия гитлеровцев нас особенно не тревожила. Куда больше беспокойства причиняла их 7-я танковая дивизия, которая внезапно атаковала левый фланг корпуса, клином врезалась в боевые порядки дивизии Игначева.

Вместе с Полубояровым разработали план уничтожения прорвавшихся немецких танков. Наше решение должен утвердить командарм. Звоню в штаб армии. Трубку снял представитель Ставки Маршал Советского Союза Г. К. Жуков:

- Что у вас творится? С одной дивизией не можете справиться!

- Готовимся к ночной контратаке,

- Почему - к ночной?

- В данном случае считаем ее целесообразной.

Трубку берет Черняховский, уточняет несколько вопросов и тут же дает согласие на ночную контратаку.

Танкисты Полубоярова и наши пехотинцы нанесли удар под самое основание клина немецкой танковой дивизии, отрезав ее главные силы. Пытаясь пробиться к своим частям, вражеские танки свернули в сторону торфяной речки и на подходе к ней глубоко завязли. Пятнадцать немецких танков стали, по сути дела, мишенями для артиллерии соседнего 30-го корпуса и были расстреляны.

Методы ночного боя использованы нами и против 96-й немецкой пехотной дивизии. Чтобы разгромить ее, был организован ночной бой. Два полка из дивизии Лащенко без огня и шума подошли к переднему краю этой дивизии, смяли прикрытие и прорвались к огневым позициям артиллерии. Потеряв в ночном бою свыше пятисот солдат и офицеров, двадцать пять орудий и большое количество военного имущества, 96-я дивизия гитлеровцев, поспешно переброшенная с Волховского фронта на Украину, по существу, прекратила активные действия.

После этого наступила оперативная пауза. Войска корпуса совершенствовали оборону, вели разведку, готовились к новым боям.

До западной границы было уже не так далеко, но впереди простиралась полоса тучного чернозема с неразвитой сетью дорог. Приближалась весенняя распутица, и противник, вероятно, был убежден, что мы не начнем наступление в эту пору. А нас не устраивала длительная передышка.

В дни оперативной паузы войска 1-го Украинского фронта посетила делегация во главе с послом Чехословакии в Советском Союзе Зденеком Фирлингером. Василий Максимович Оленин предупредил меня:

- Ждите гостей. Расскажите и покажите им то, что их интересует. Хорошо угостите. Постарайтесь.

К счастью, погода была нелетная, и в село Большая Новоселица гости прибыли беспрепятственно. Мы повезли их на наблюдательный пункт корпуса, потом в дивизию Лащекко. Рассказали о боях на шепетовском направлении, показали огневой налет катюш одного дивизиона из артиллерийской дивизии генерала Волчека. За обедом завязалась дружеская беседа. Оказалось, что З. Фирлингер воевал в 1916 году под Шепетовкой в составе русской армии.

Гости уехали от нас очень довольные приемом.

Тяжело наступать в распутицу. Даже техника оказывалась бессильной на бездорожье. Крепко выручили нас в ту пору лошади, которых удалось захватить у противника за Житомиром, в районе Высокой Печи. Наличие лошадей позволило нам подготовиться к весенней кампании. Артиллерию перевели на конную тягу, радиостанции пристроили на тачанки, офицеры оседлали строевых коней.

В начале марта 60-я армия в составе главной группировки войск 1-го Украинского фронта прорвала оборону неприятеля, нанося удар в направлении Тарнополя, 23-й корпус под командованием генерал-майора Н. Е. Чувакова, форсировав Горынь, в первый же день продвинулся на двадцать километров. За ним пошел и наш корпус. И хотя каждый шаг давался с неимоверным трудом, мы настигли врага. Наша пехота вышла к Тарнополю.

Танкисты Полубоярова внезапно овладели Збаражем. Их появление в городе просто ошеломило гитлеровцев: они увидели советские танки, когда выходили из кинотеатра...

Севернее Збаража корпус впервые столкнулся с подразделениями фольксштурма и киндер командами, состоявшими из шестнадцатилетних подростков.

Долго и с переменным успехом шли бои за Тарнополь. С ожесточенным упорством обороняли гитлеровцы этот важный узел дорог и магистралей. И хотя наши войска обошли город с трех сторон, хотя раскололи немецкий гарнизон на три группы, уличные бои продолжались и сопротивление противника не ослабевало.

В Тарнополе находились два пехотных полка и два батальона пехоты из резервной 154-й дивизии, саперный и самокатный батальоны, два штрафных офицерских батальона, особый охранный батальон, артдивизион, специальные подразделения танковой дивизии Адольф Гитлер. Командовал гарнизоном генерал-майор Неондорф.

Судьба окруженной тарнопольской группировки немцев была предрешена только после того, как в прорыв обороны противника на гусятинском направлении вошли части танковой армии генерал-лейтенанта М. Е. Катукова (медлительность нашей пехоты объяснялась усталостью солдат после изнурительного марша в распутицу. Это сказалось на гибкости маневра, ослабило взаимодействие отдельных родов войск).

В районе Тарнополя еще шли завершающие бои, когда на наблюдательный пункт нашего корпуса прибыли глава военной миссии Канады бригадный генерал Лефебр и канадский полковник в форме танкиста. Лефебр задал мне вопрос, с которым, видимо, не решился обратиться к нашему командарму.

- В западных газетах пишут, - сказал Лефебр, - что генерал Черняховский очень долго ведет бой за Тарнополь. Так ли это? Что вы по этому поводу можете сказать?

- Да, бои идут долго, - согласился я. - Но вам ли, господин генерал, судить с позиций западных журналистов о такой сложной военной операции? Мы могли бы ускорить эту операцию. Безусловно. Во имя победы советские солдаты готовы на любые жертвы. И они это не раз доказывали. В данном же случае гитлеровцы и без того обречены. Они будут уничтожены ударами нашей артиллерии и авиации!

Лефебр сдержанно кивнул.

Командарм Черняховский (к этому времени он уже был генерал-полковником) придерживался именно такой тактики уничтожения окруженного противника. Хочу подтвердить это примером.

Противоборствующие силы сблизились в Тарнополе почти до расстояния рукопашных схваток. Это ограничивало действия нашей штурмовой, бомбардировочной авиации и крупнокалиберной артиллерии, опасавшихся поразить свои войска. По инициативе Черняховского командующий воздушной

армией С. А. Красовский отдал приказ начать боевые действия авиационной дивизии, летавшей на самолетах По-2. Сто пятьдесят боевых вылетов совершили тихоходы, прикрываемые истребителями. Их бомбы падали с небольшой высоты отвесно, поэтому не требовалось никакой поправки на баллистическую траекторию. Многие из нас были свидетелями этих воздушных атак. Советские летчики, что называется, гвоздили гитлеровцев прямо по голове.

И враг покинул Тарнополь. Мы заставили его сделать это, специально открыв ворота из города. Фашисты ринулись в эти ворота и вышли по мосту через реку Серет в поле. Здесь их ждала засада. Пятьсот пятьдесят гитлеровцев было уничтожено, остальные сдались в плен.

Солдаты и офицеры 15-го стрелкового корпуса умножили в Тарнополе боевую славу своих частей и подразделений. В самом городе в уличных боях отличились полк подполковника Фомичева, батальон капитана Новикова, штурмовые группы младших лейтенантов Трухина и Дымченко. Орудийный расчет сержанта Ампилогова, сопровождая и поддерживая штурмовую группу, вел огонь в ста метрах от противника. Вражеские огневые точки этот расчет подавлял прямой наводкой, а фашистов расстреливал в упор.

Умело и храбро действовали наши снайперы, и в первую очередь рядовой Самок из 1130-го стрелкового полка. Солдатская молва быстро разнесла весть и о подвиге сержанта Апросихина. Искусно маскируясь, он подполз к огневой точке противника у табачной фабрики и забросал ее гранатами. Рота, в которой служил сержант Апросихин, поднялась в атаку и захватила фабрику...

Примеры, которые я привел, лишь маленькие штрихи массового героизма, проявленного воинами корпуса в боях за Тарнополь. В горячие дни войны мы не очень были озабочены сбором материала для будущих книг. Сейчас приходится горько сожалеть об этом.

15 апреля 1944 года Совинформбюро в своей оперативной сводке сообщало:

Войска 1-го Украинского фронта после упорных уличных боев полностью овладели областным центром Украины городом Тарнополь - крупным железнодорожным узлом и сильным опорным пунктом обороны немцев на Львовском направлении.

Окруженный в Тарнополе гарнизон немцев из остатков четырех пехотных дивизий и ряда отдельных частей общей численностью 16000 человек полностью уничтожен, за исключением 2400 немецких солдат и офицеров, которые сдались

в плен. Захвачены следующие трофеи: танков и самоходных орудий - 35, орудий разного калибра - 85, минометов - 125, пулеметов - до 400, автомашин - 350...

У меня новый шофер - расторопный ефрейтор Гриша Головнев.

Возвращаемся в корпус из штаба армии. У перекрестка остановились, пропускаем поток автомобилей на Тарнополь.

- Товарищ генерал, разрешите задать вопрос.

- Слушаю.

- Не знаю, как и начать... Слух до меня дошел...

Ефрейтор растерянно умолк и, набравшись духу, закончил:

- Говорят, вы уедете командовать армией. А как же будет со мной? Возьмете?

Не зря, видно, говорят, что дыма без огня не бывает...

На другой день позвонил мне Черняховский. Он уезжает в Ставку и сюда уже не вернется. Командовать 60-й армией будет генерал-лейтенант П. А. Курочкин.

- А с вами, Иван Ильич, мы скоро встретимся, - говорит на прощание генерал-полковник.

Я не стал уточнять, что он имеет в виду. Прошло немного времени, и уже новый командарм сообщает:

- Генерала Людникова вызывают в Ставку. Без возвращения в корпус.

Гриша Головнев убежден, что поедет со мной в Москву, и, собирая вещи, ликует:

- Помните, я говорил?.. Солдатский вестник не подведет!

Вот так и получается: ефрейтор знает то, что неведомо командующему...

Прорыв

Опять к Черняховскому

Бесконечно дороги сердцу воспоминания о Сталинградской эпопее, Курской битве, форсировании Днепра, в которых мне довелось участвовать. Но не менее ярко врезалось в память Витебское сражение, дорога нашего, наступления от маленькой речки Лучеса до Балтийского моря.

Зрелость и мастерство, обретенные нашими войсками за три года войны, ярко проявились и в летней операции сорок четвертого года. Под Витебском мы не теснили противника, а, взломав оборону на всю глубину, окружали, расчленяли и громили его войска до полной капитуляции. Это было характерно для всех армий 3-го Белорусского фронта, которые очищали от фашистских оккупантов Белоруссию, советскую Прибалтику и осенью того же года развернули сражения на полях Восточной Пруссии.

Такое не забывается.

Из Тарнополя я вылетел в Москву. Встречавший меня на аэродроме дежурный офицер Генерального штаба сообщил, что завтра в десять часов утра буду принят Маршалом Советского Союза А. М. Василевским.

Маршал объявил, что я назначен командующим 39-й армией, и был немало удивлен, когда я спросил, на каком фронте действует эта армия.

Только после того как маршал назвал фамилию нового командующего 3-м Белорусским фронтом, я вспомнил свой последний разговор с Черняховским.

В Москве мне разрешили пробыть один день. Из Генштаба вышли вместе с П, Ф. Батицким. Он получил назначение на должность командира корпуса и тоже собирался в 3-й Белорусский. Не сговариваясь, мы с ним направились в одну сторону и вскоре оказались у подъезда академии имени М, В. Фрунзе. Приезжая в Москву по делам службы, фрунзевцы считали долгом наведаться в родную академию.

В штаб фронта я прибыл утром 1 июля.

- Вот и встретились, - сказал Иван Данилович Черняховский и познакомил меня с начальником штаба фронта генерал-лейтенантом А. П. Покровским и членом Военного совета генерал-майором В. Е. Макаровым. - Садитесь к столу. На голодный желудок о делах не говорят.

Но разговор с командующим не состоялся и после завтрака.

Иван Данилович предложил мне прежде всего ознакомиться с документами, касавшимися 39-й армии. Я узнал, что еще прошлой осенью 39-я вышла на подступы к Витебску и с тех пор топчется на месте, что в феврале 1944 года она провела весьма неудачную наступательную операцию под Витебском.

Ответственность за судьбу армии я почувствовал особенно остро, когда командующий фронтом объявил, что до начала большой наступательной операции осталось три недели.

У генерал-лейтенанта Покровского меня ждал начальник штаба 39-й генерал-майор М. И. Симиновский. Еще раз, но теперь уже на карте, была точно определена задача армии. Она вытекала из предварительного решения командующего фронтом. 39-й во взаимодействии с войсками 43-й армии предстояло окружить и уничтожить основные силы витебской группировки противника. Намечен был и срок готовности к наступлению - 22 июня 1944 года.

В сложном сплетении множества вопросов, связанных с подготовкой к большому наступлению, надо не упустить решающее звено. Успех операции в первую очередь зависит от ее

исполнителей. Людей я еще не знал, но, приняв командование, уже отвечал за их действия. До начала наступления и в ходе сражения генералы и офицеры штаба полевого управления будут находиться рядом. Поэтому ограничился беглым знакомством с ними и поспешил к командирам корпусов, дивизий.

В первую очередь меня интересовал участок предполагаемого прорыва обороны противника. Генерал-майор А. А. Вольхин, командир 251-й стрелковой дивизии, показал нам передний край, огневые позиции. Вместе с начальником штаба армии Симиновским, начальником разведывательного отдела подполковником М. А. Волошиным и начальником оперативного отдела полковником Б. М. Сафоновым проводим предварительную рекогносцировку. О плане операции знают немногие. На вторую рекогносцировку пригласили командующих родами войск, командиров корпусов и дивизий. Только после этого осведомляем генерал-майора И. С. Безуглого и генерал-майора Ю. М. Прокофьева о роли, которая отведена 5-му гвардейскому и 84-му стрелковому корпусам. За несколько дней до наступления задачи получают командиры полков, за два дня - командиры батальонов, рот, взводов. За три часа до сигнала атаки стало уже известно солдатам и сержантам, когда и что надо атаковать.

Очень помогли мне на первых порах данные армейской разведки. Все ее звенья действовали непрерывно, и подполковник Волошин располагал всеми необходимыми сведениями о противнике, группировке его сил и средств, системе обороны и характере инженерных сооружений.

Мы должны нанести удар по 53-му армейскому корпусу. Командует им генерал Гельмут Гольвитцер, назначенный Гитлером военным комендантом Витебска. Весь прилегающий к Витебску район объявлен укрепленным плацдармом, и Гитлер приказал Гольвитцеру удерживать этот плацдарм до последнего солдата. Коменданту запрещено отдавать приказ на отступление из Витебского укрепрайона, и уж тем более - на его сдачу.

Узнав об этом, мы поняли, с какой ожесточенностью будет обороняться враг в полосе нашего наступления.

Ценная информация поступила и от партизан, активно действовавших в тылу оккупантов. Не довольствуясь этим, войсковые разведчики проникли на семьдесят - восемьдесят километров в расположение немцев. Действуя в тылу противника, группа сержанта Рожнова захватывала пленных, сообщала нам по радио о передвижениях на коммуникациях. Воздушная разведка подтвердила сведения, добытые группой Рожнова. Но мы не ограничились изучением полосы противника, которую предстояло

прорвать в первый день наступления. Задуманная операция обязывала нас знать, какими оперативными резервами располагает противник и как он намерен использовать эти резервы.

Надо отдать должное штабу армии, возглавляемому генералом И. М. Симиновским, и всем начальникам служб. Славно потрудились не только разведчики, но и саперы генерал-майора инженерных войск И. Н. Гнедовского, связисты генерал-майора А. П. Сорокина, артиллеристы генерал-лейтенанта Дереша.

И когда к нам в сопровождении командующего фронтом прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба маршал А. М. Василевский, я мог с чистой совестью доложить: войска к наступлению готовы и способны успешно решить возложенную на них задачу.

Мы выехали на местность. Осмотрев местность, маршал заметил, что танки не смогут участвовать в наступлении 5-го гвардейского корпуса при форсировании Лучесы, проходящей в глубине первой позиции противника, а также во время атак корпуса на передний край. Он указал, что это обязывает нашу пехоту поторопиться с прокладкой дороги танкам на правый берег, иначе может захлебнуться наступление.

Пожелав нам успеха, маршал и командующий фронтом направились к машине. Перед отъездом Черняховский спросил, почему, планируя операцию, мы не предусмотрели разведку боем передовыми батальонами.

Я постарался убедить командующего, что в такой разведке нет нужды, так как мы хорошо знаем систему обороны противника. Но Черняховский с сомнением покачал головой.

Командующий фронтом уехал, а я стал ругать себя за то, что покривил душой и не признался: просто не хотел повторять трафарета, шаблона и отказался от разведки боем умышленно, чтобы не насторожить противника. Разведка передовыми батальонами стала, как правило, служить прелюдией к наступлению. Она как бы заранее определяла направление главного удара. Немцы это знали. И мы всеми силами старались создать видимость обстановки, обычной для обороняющейся стороны, чтобы усыпить их бдительность. Достигалось это тщательной маскировкой. Только на одном участке 84-го стрелкового корпуса специально для дезориентации противника шла демонстрационная подготовка к активным наступательным действиям. Артиллеристы вели усиленную пристрелку, разведчики отправлялись в поиски, саперы подрывали минные заграждения, по ночам громыхали тракторы. А между тем, пока

мы на узком участке прорыва создавали для 5-го гвардейского корпуса весьма ощутимое превосходство в живой силе и технике, две стрелковые дивизии 84-го корпуса заняли рубеж шириной в сорок четыре километра. И это при условии, что против нашего 84-го корпуса гитлеровцы обладали абсолютным превосходством. Они не только имели танки, которых не было в 84-м корпусе; численность немецкой пехоты превышала нашу почти в четыре раза.

Ошеломив противника внезапным ударом, 5-й гвардейский корпус прорвал тактическую глубину его обороны, вышел во фланг, а затем и в тыл витебской группировки немцев. Только тогда они поняли бессмысленность своего пребывания на рубежах против нашего 84-го корпуса. Но даже и через сутки после прорыва гитлеровцы все еще заблуждались относительно намерений 84-го корпуса. За дымовой завесой, которую мы поставили перед передним краем 158-й дивизии этого корпуса, немцам чудились танки и самоходки. И не случайно они выпустили по участку, занимаемому 158-й дивизией, около четырехсот снарядов - намного больше, чем в полосе главного удара 5-го гвардейского корпуса.

Тем и примечательна Витебская операция, что к исходу третьего года войны мы смело навязывали врагу свою тактику, умело реализовывали свои решения.

Небезынтересно отметить, что, несмотря на самую тщательную маскировку, когда, нам казалось, сделано все для дезориентации противника, он все же уловил некоторые признаки нашей подготовки к наступлению.

Что же насторожило гитлеровцев? Ответ на этот вопрос дал один из первых пленных, оберфельдфебель, радист, подслушивавший наши разговоры. Он прямо заявил, что их удивило резкое сокращение количества переговоров по радио.

И хотя немцы почуяли неладное, внезапность была достигнута. Удар трех наших гвардейских дивизий - 17-й генерал-майора А. П. Квашнина, 19-й полковника П. Н. Бибикова и 91-й полковника В. И. Кожанова - обескуражил врага.

Не умаляя заслуг командного состава 39-й армии, я воздаю должное и молодым солдатам, быстро усвоившим науку побеждать. И прежде всего солдатам 5-го гвардейского стрелкового корпуса, который мы в то время называли комсомольским.

Незадолго перед описываемыми событиями корпус получил большое пополнение, состоявшее из призывников 1926 года рождения. С этими восемнадцатилетними парнями я познакомился на учебных полях в тылах дивизий, где их готовили

к предстоявшему наступлению.

Передний край обороны противника проходил впереди восточного берега Лучесы. Река была неширокая, но сильно заболоченная. Июнь на Витебщине выдался жаркий, и подступы к реке подсохли. Молодых солдат обучали в тылу, близ речки, ширина которой не уступала Лучесе. Они стремительно переплывали ее, а кто не умел плавать, тому помогала скатка, туго набитая сеном.

Мы знали: первые позиции в обороне противника состоят из трех траншей, а система опорных пунктов и узлов сопротивления не глубоко эшелонирована. Знали: почти вся немецкая пехота располагается на оборонительном рубеже глубиной не более трех километров.

С учетом этих особенностей и велась тактическая подготовка наших частей и подразделений.

Форсировав на учебных занятиях речку, роты немедленно переходили в наступление. Командиры всех взводов и отделений имели иллюстрированные диаграммы плотности огня противника на отдельных участках нашего наступления. Солдатам объяснили, что самое сильное огневое воздействие неприятель окажет в первой четырехсотметровой полосе перед передним краем обороны. Значит, преодолеть ее надо как можно быстрее. Дальше плотность огня снизится, а за трехкилометровой зоной гитлеровцы и вовсе потеряют возможность управлять своей артиллерией.

Чем выше темп наступления, тем меньше потерь, тем скорее будет достигнута цель! Солдаты твердо усвоили это. А перед наступлением каждый получил памятку, разработанную штабом и политотделом армии. В ней четко изложены непреложные правила атаки. Вот как были сформулированы отдельные пункты этой памятки:

- По команде В атаку - вперед! - вскакивай быстро. Двигайся бегом и с ходу веди огонь. Не беда, что с ходу в немца не попадешь - к земле его прижмешь.

- Первую траншею перескочил - не давай немцу закрепиться во второй. Врага, засевшего в траншеях и блиндажах, уничтожай гранатами. У тебя их пять штук. Расходуй с умом. Лишняя граната не помешает. Если придется драться в траншее следи, чтобы земля в ствол не набилась.

- А главное - не медли! Ты присел в воронку, а враг уже окопался.

- Три километра за первый час одолеешь - врага добить сумеешь. Не прошел враг ушел. Не медли, солдат!

Большую работу с молодым пополнением провели

командиры частей и их заместители по политической части, партийные и комсомольские организации батальонов и рот. Моральный дух солдат был исключительно высоким, и мы не сомневались в их готовности смело и решительно атаковать вражеские позиции. Все было рассчитано до мельчайших деталей. Единственное, чего мы не смогли предусмотреть, это неудержимую силу наступательного порыва молодых солдат 5-го гвардейского корпуса. И именно этот могучий комсомольский порыв поставил передо мной такую трудную дилемму, с какой раньше не приходилось сталкиваться.

Об этом и пойдет рассказ.

23 июня 1944 года в шесть часов утра могучим огневым налетом началась артиллерийская подготовка прорыва. Существовал твердый график этой подготовки, и нас радовали первые сообщения о подавленных вражеских батареях. До конца артподготовки еще много времени, больше часа, а командир корпуса Безуглый докладывает мне:

- Товарищ Ноль пятый, на отдельных участках наша пехота овладела первой траншеей противника.

Я не спрашиваю Безуглого, почему и как это случилось. Меня тревожит другое:

- Артиллеристы видят твою пехоту? Они перенесли огонь?

- Так точно!

Потом мы долго разбирались с этим происшествием и нашли виновников.

Это началось в батальоне майора Федорова из 61-го стрелкового полка 19-й гвардейской дивизии полковника Бибикова. Завидев убегавших из первой траншеи гитлеровцев, молодые солдаты-гвардейцы ринулись вперед и захватили их первую траншею. 61-м полком командовал подполковник В. А. Трушин, смелый, инициативный, творчески мыслящий офицер{18}. Он не стал гасить боевой порыв своих солдат. Когда мне позвонил командир корпуса генерал Безуглый, я отдал распоряжение начать через пятнадцать минут общую атаку, а артиллеристам сделать уточнение в графике огня.

Так на час раньше намеченного и утвержденного командующим фронтом срока началась атака. И это вынуждало меня на час сократить артиллерийскую подготовку. Если, строго придерживаясь графика, продолжать артподготовку, то наступление надо приостановить и удовлетвориться первым успехом.

С хорошо оборудованного наблюдательного пункта я видел картину сражения. Предугадать исход наступления было еще трудно, но благоприятно изменившаяся обстановка в полосе

прорыва - ясна.

А если обстановка внезапно и круто изменится? Имеет командарм право изменить ранее принятое им и утвержденное командующим фронтом решение? Честно признаюсь, эти сомнения меня тогда не терзали. И я не стал звонить Черняховскому. Поставив себя на место командующего фронтом, я сказал бы командарму то, что мог сказать Черняховский. А он бы сказал:

- Зачем вам, Иван Ильич, понадобилось заручаться моим согласием? Если вы действуете в соответствии с обстановкой, которая сложилась у вас и видна только вам, извольте отвечать за исход операции, которую вы так неожиданно начали.

Я приказал развивать наступление.

По линии связи штаб армии - штаб фронта Черняховскому уже, очевидно, доложили о событиях на нашем участке. Но он молчит. И нам хочется понимать это как безмолвное согласие и одобрение командующего.

Есть смелость минера, подрывающего в тылу врага мост, смелость разведчика, уходящего в ночной поиск за языком, смелость летчика, идущего на таран. Каждый из них рискует только собою. Истинное мужество военачальника заключается в его готовности взять на себя всю полноту ответственности за судьбу тысяч солдат, за все войско. Примеры такого мужества были у меня перед глазами, их показывали нам старшие военачальники. Я вспомнил Курскую битву и действия командующего Центральным фронтом Рокоссовского, а затем командующего 60-й армией этого фронта Черняховского.

Когда в ночь на 5 июля Рокоссовскому стало известно, что немцы с утра перейдут в наступление по всему фронту, он, не запрашивая Ставку Верховного Главнокомандования (для этого не было времени), отдал войскам приказ на артиллерийскую контрподготовку. Участникам Курской битвы хорошо известно, какую пользу принес этот упреждающий удар по врагу.

Прошло немного времени, и мы узнали об инициативе генерала Черняховского. 60-я армия, которой он командовал, по сравнению с другими армиями Центрального фронта имела незначительные силы, и ее участок не рассматривался как решающий. Но вот разгорелись бои под Понырями. Противник снял часть своих войск с участка против 60-й армии, и Черняховский незамедлительно воспользовался этим. Он внезапно и стремительно прорвал оборону гитлеровцев, посадил свою пехоту на автомашины, и его подвижные группы обеспечили выход всей армии на оперативный простор. Второстепенное направление стало главным. Рокоссовский бросил туда танки. Это

сыграло немалую роль в нашем быстром продвижении к Десне...

Все это я вспомнил позже. А тогда, в первый час наступления под Витебском, перед нами был достойный самой высокой похвалы пример солдат-гвардейцев 61-го стрелкового полка, и я, как командарм, не имел права не поддержать эту замечательную инициативу.

Вечером, докладывая Черняховскому об итогах первого дня наступления, я попросил его отметить наиболее храбрых, инициативных солдат и офицеров.

- Присылайте реляции, - сказал командующий. - За наградами дело не станет. - Он немного помолчал, потом спросил: - А почему, Иван Ильич, вы утаили, когда и как начались ваши атаки? За это, между прочим, тоже кое-что полагается... Не знаю только - награда или взыскание?..

Уловив шутливый тон командующего, я сказал, что сие может решить только он.

- Хорошо то, что хорошо кончается, - успокоил меня Черняховский.

Разгром витебской группировки

26 июня был пленен вместе со своим штабом командир 53-го армейского корпуса генерал от инфантерии, бывший военный комендант Витебска Гельмут Гольвитцер.

Наши разведчики захватили Гольвитцера в лесу, когда судьба окруженных в районе Витебска фашистских войск была уже предрешена. Немолодой, сухощавый, подвижной Гольвитцер оказался весьма словоохотливым, чем вызвал гнев ярого нациста полковника Шмидта, своего бывшего начальника штаба.

На допросе Гольвитцер, между прочим, заявил:

- Мы ошиблись в ваших планах и намерениях. Тактика прорыва нашей обороны советскими войсками и их внезапные маневры застигли мой штаб врасплох... Я потерял управление войсками. - Он помолчал и добавил: - Не те времена...

После допроса я приказал начальнику разведки армии подполковнику Волошину доставить Гольвитцера и Шмидта в штаб фронта. Вернувшись, Волошин рассказал любопытные вещи.

Он с пленными ехал в открытой машине. Когда свернули на лесную просеку, Шмидт заелозил, оглянулся, но тут же сник: вторая машина с охраной не отставала от первой. Гольвитцер и Шмидт крепко переругались. Чтобы досадить Шмидту, генерал спросил Волошина, не знает ли тот французский язык. Максим Афанасьевич знал французский. Не стесняясь присутствием Шмидта, Гольвитцер заговорил по-французски, пытаясь расположить к себе нашего разведчика.

Лес кончился. Машина выехала на проселочную дорогу.

Заметив на поляне большую группу пленных, Гольвитцер попросил Волошина остановить машину. Быть может, в последний раз видит он своих солдат, горячо желает с ними попрощаться, и если русский офицер будет милостив...

- Разрешаю, - сказал Волошин. - Но при одном условии: не митинговать. Короткое прощальное слово - и едем дальше.

- Данке шон! - вырвалось у Гольвитцера.

Машина затормозила. За обочиной, охраняемые советскими автоматчиками, лежали сотни солдат. Даже те, что были у самой дороги, не поднялись, увидев своего бывшего командира. Гольвитцер встал и вскинул руку. Никто из пленных не шевельнулся.

- Мои солдаты! - В голосе Гольвитцера звучала трагическая нота. - Я был рядом с вами на полях войны и вместе с вами разделил горькую участь плена. В этот час, солдаты, я обращаюсь к вам...

Одни пленные повернулись к Гольвитцеру спиной, другие поднялись и пошли прочь. Он осекся, плюхнулся на сиденье и прошептал Волошину по-французски:

- Увезите меня отсюда... Вчера это была еще армия, сегодня - сброд...

Расставаясь с Волошиным, Гольвитцер сказал:

- Теперь главным вашим направлением будет, вероятно, Прибалтика. Возможно, подполковник, вам доведется побывать под Тильзитом. Там мое поместье, дом, где я родился и где живет моя семья... Во всяком случае, вы там будете раньше, чем я.

На этот раз Гельмут Гольвитцер не ошибся.

Нелегкой ценой достался 39-й армии полный разгром неприятеля.

За левый фланг мы были спокойны, там успешно наступала соседняя 5-я армия генерала Н. И. Крылова. Прочная связь с Николаем Ивановичем позволяла нам обоим быть в курсе всех событий. Зато на правом фланге, где сосредоточились главные силы окруженной витебской группировки, было тревожно.

Немцы неистово метались в поисках выхода. Особенно яростно они атаковали в полосе наступления 17-й гвардейской дивизии генерала Квашнина. Между этой дивизией и отставшей от нее 262-й образовался разрыв. Чтобы закрыть брешь и обезопасить свой тыл, Квашнин повернул на восток один полк, приказав ему держать оборону, а другими частями дивизии продолжал наступление в сторону Западной Двины.

Подвиг 17-й гвардейской дивизии, и в первую очередь прикрывавшего ее 48-го стрелкового полка, занимает особое место в хронике боев под Витебском. Молодые гвардейцы 48-го

полка не дрогнули под натиском численно превосходящего противника, который яростно рвался из окружения. Кровопролитные бой то и дело переходили в рукопашные. Семь раз шли гитлеровцы в атаку на рубеж 1-го батальона и откатывались назад. Павшего в бою комбата заменил заместитель командира полка по строевой части майор Сметанин. Отражая восьмую атаку, Сметанин погиб смертью героя, но и после этого не отступили солдаты батальона. В критические минуты боя сам командир полка подполковник Даниил Иванович Наталич водил в контратаку, свой последний резерв - роту автоматчиков. Рота сильно поредела, а Наталича после второго тяжелого ранения заменил начальник штаба полка майор В. П. Миненко. К этому времени ранения вывели из строя заместителя командира полка по политической части Бердникова и помощника начальника штаба Бондаренко.

Генерал Квашнин знал, в каком исключительно трудном положении оказался 48-й полк, но помочь был не в силах. Другие полки дивизии, два стрелковых и один артиллерийский, занимая выгодные позиции, отбивали не менее ожесточенные атаки противника, который, не считаясь с потерями, рвался вперед. Гитлеровцев не остановил даже огонь орудий, стрелявших прямой наводкой. Схватки разгорались на артиллерийских позициях. Во время одной из таких схваток был убит командир артиллерийского полка майор Дымовский.

А между тем действия генерала Квашнина сковывало наличие большой массы ранее захваченных пленных, находившихся в овраге рядом с наблюдательным пунктом командира дивизии. Пленные никем специально не охранялись. Выделить конвоиров для сопровождения в тыл огромной колонны пленных Квашнин тоже не мог: на отражение атак противника были брошены все, включая пожилых старослужащих из тыловых подразделений.

Бои с окруженной группировкой немцев, то внезапные и скоротечные, то длительные и упорные, шли на разных участках и причиняли много забот командованию армии. Я вынужден был обратиться за помощью к командующему фронтом.

- Окруженные войска обречены, - сказал Черняховский. - Вам поможет авиация. Лично я располагаю только вторым гвардейским мотоциклетным полком. Отдаю его вам. Народ лихой и рвется в бой.

Мотоциклисты прибыли вовремя, сразу усилив стык между дивизией Квашнина и ее соседом. Весьма эффективными оказались удары по врагу бомбардировочной и штурмовой авиации 1-й воздушной армии генерал-полковника Т. Т. Хрюкина. С каждым часом у гитлеровцев оставалось все меньше надежды

избежать плена. Продолжая сопротивление, окруженные обрекали себя на гибель. Спасти их могло только одно: сдача в плен.

А между тем, форсировав Западную Двину, наши части уже овладели центральным районом Витебска и утром 26 июня 1944 года древний город Белоруссии был полностью очищен от гитлеровских захватчиков. Первой вступила в Витебск 158-я дивизия 84-го стрелкового корпуса, которой командовал полковник И. И. Гончаров.

Командующий фронтом торопил нас закончить разгром окруженной группировки. Ее уже удалось разбить на три части, надежно блокировав каждую. Войска были готовы к решающей атаке. Артиллерия всех калибров знала свою задачу неотступно следовать за пехотой.

Последнее и решительное наступление началось залпом реактивных установок.

Ознакомившись с показаниями первых пленных, я пришел к выводу, что наступил момент предъявить противнику ультиматум о капитуляции. Позвонил И. Д. Черняховскому.

- Если целесообразно, действуйте, - согласился он.

Короткий текст ультиматума передавался через мощные радиоустановки политотдела армии. Набравшись терпения, мы в течение часа просвещали гитлеровцев.

Сначала белые флажки появились лишь на отдельных участках, но постепенно огонь противника стал затихать и наконец прекратился по всему фронту. Немцы капитулировали.

В результате Витебской операции противник потерял только убитыми двадцать тысяч человек. Девятнадцать тысяч гитлеровских солдат и офицеров было захвачено в плен.

Эти красноречивые цифры не нуждаются в комментариях.

Задача, которую в этой операции решала 39-я, была лишь попутной в масштабах фронта. Во взаимодействии с 43-й армией мы помогали развивать успех, достигнутый под Витебском. За четыре дня боев по ликвидации окруженной немецкой группировки мы продвинулись всего на тридцать шесть километров. Но при этом удалось вырезать такой огромный участок в обороне гитлеровцев, который они уже не смогли закрыть. Более того, при выполнении задачи, поставленной командованием фронта, 39-й и 43-й удалось окружить и уничтожить значительную группировку противника, включавшую две авиапехотные и три пехотные дивизии, а также отдельные части и подразделения 3-й танковой армии немцев. Сделано это было почти исключительно силами своих стрелковых соединений и приданных им артиллерийских средств. А такое не часто случалось в годы войны.

Исход любой, самой тщательно разработанной операции решает в конечном счете человек с оружием. Не безыменные герои совершают ратные подвиги!

Армия наступала двумя корпусами, и перечислить всех отличившихся - дело для меня непосильное. Но о некоторых участниках боев за Витебск считаю своим долгом поведать читателю, предварив свой рассказ одной немаловажной для военного мемуариста оговоркой.

Командуя дивизией, я знал в лицо многих комбатов, а приняв корпус (в его состав временами входило до шести дивизий), удерживал в памяти всех командиров полков. Теперь я командовал армией и, естественно, еще дальше находился от тех, кто лично выполнял на поле боя поставленные задачи - от солдат и сержантов, от командиров взводов, рот. Должность человека, задачи, которые он решает, в значительной степени определяют и сферу его видения, объем доступной ему информации, круг лиц, с которыми он общается. Но автору военных мемуаров, какую бы должность он ни занимал во время войны, крайне важно не упускать из виду ратные подвиги тех, кто сражался под его командованием. В этом смысле, я многим обязан ветеранам 39-й армии. Встречаясь с ними уже в мирные годы, перечитывая истории отдельных частей и соединений, боевые и политические донесения, мы воскрешали в памяти не только некоторые эпизоды, но имена и судьбы людей. Солдатское спасибо им за это.

Не знаю, откуда пришла к нам эта песня. Судя по словам и мотиву, сложили ее давно, а запели под Витебском, - видно, отвечала она сокровенной думе солдат 39-й армии.

Ничто еще не указывало на близость наступления, а солдатская песня уже торопила, звала в бой:

Ходу, братцы, ходу - смело на врагов!
Перед нами город в тысячу домов.
Эх!
Надо его взять,
Родине отдать!
Ходу, братцы, ходу!..

Был в нашей армии молодой снайпер Саша Греков, родом из Краснодара. Под Витебском ему исполнилось девятнадцать, и он отметил день рождения, сразив девятнадцатого по снайперскому счету фашиста. Воевал смело, хитро. Ранило его совершенно случайно: ночью у самой засады снайпера разорвался шальной немецкий снаряд. В госпитале Грекову предоставили длительный отпуск. Он отказался и вернулся в свой гвардейский полк. Даже самым близким товарищам не сказал, что сидят в нем два осколка от вражеского снаряда. Полк стоял в обороне, и снайпер

продолжал охоту.

В первый день летнего наступления под Витебском и в первой же атаке Грекова ранило опять. В роте гвардии старшего лейтенанта Журавлева всем комсомольцам перед атакой вручили красные флажки. Заалеет такой флажок над бруствером вражеской траншеи - и вся цепь атакующих видит: комсомольцы впереди, есть по кому равняться! Ворвавшись в траншею противника, Саша Греков воткнул над бруствером свой флажок.

- Ходу, братцы, ходу! - кричал он прыгавшим через траншею солдатам. А сам уже не мог бежать дальше. Обливаясь холодным потом, левой рукой он прижал к стенке траншеи пленного, а правой едва удерживал автомат.

Санитар заметил, что Греков ранен, и остановился.

- Я сам, - тихо сказал ему Греков. - Гляди, что впереди...

Впереди, над бруствером второй траншеи, уже развевался флажок комсорга роты рядового Чабаняна и парторга роты сержанта Бадмаева.

Вместе с пленным явился Греков на медпункт, наскоро перевязал рану и догнал роту, когда она вела бой за высотку. Там Грекова в третий раз, но уже тяжело, ранило и контузило. Унесли его с поля боя в бессознательном состоянии.

- Отвоевался наш Сашка, - сказал санитар. - Коли выживет, все равно не боец.

Пролетело горячее лето. Мы подходили к границам Восточной Пруссии. В роте Журавлева мало уцелело тех, кто сражался под Витебском. Сашу Грекова бойцы помнили, но уже потеряли надежду получить от него весточку. А он явился сам. Из московского госпиталя долго добирался к литовскому хутору, на окраине которого и нашел свою роту. У перекрестка двух большаков увидел Саша знакомый указатель и последние метры дороги уже не шел - бежал.

По случаю возвращения гвардейца в роте был праздник. Приехал на этот праздник командир полка, объявил приказ генерала о присвоении Грекову звания гвардии старшины, а своим приказом назначил его командиром группы по обучению молодых снайперов.

Меткие выстрелы снайперов этой группы уложили немало фашистов от Немана до берегов Балтийского моря.

Ходу, братцы, ходу!..

У артиллеристов, как известно, свой ход - огнем и колесами, а результаты стрельбы во многом зависят от наводчика. И не случайно в действиях орудийного расчета наводчику отведена главная роль.

... Наводчик Николай Бакланов вторым снарядом накрыл

вражеский пулемет, и теперь наша пехота могла беспрепятственно форсировать Лучесу. . Когда пушка Бакланова вывела из строя орудие немцев, прозвучала команда На передки!, и лошади в упряжке выкатили пушку к реке. Там Бакланов начал дуэль с вражеским орудием и вышел победителем. А на западном берегу артиллерийскому расчету пришлось выдержать тяжкий бой: фашисты контратаковали танками. Ранило командира орудия сержанта Шабардина. Заменив сержанта, Бакланов никому не уступил место наводчика. Его пушка сожгла три танка.

Потом был бой у Западной Двины - на высотке, прикрывавшей шоссе. На шоссе показалась колонна гитлеровцев - из тех, что пытались вырваться из окружения. Впереди шли танки и самоходки, за ними автомашины. Бакланов хорошо замаскировал пушку, однако стреляла она прямой наводкой, и ее все же засекли. Но уже были подбиты два немецких танка, и на шоссе образовалась пробка. Неподвижные цели на виду - только успевай поражать! Опомнившись, фашисты открыли бешеный огонь, и вскоре весь расчет, кроме Бакланова, был выведен из строя. А пушка невредима, снаряды еще не израсходованы, сноровки и силенок Бакланову не занимать.

Вскоре к высотке подоспела наша батарея, и гитлеровцы стали сдаваться в плен. Вышли артиллеристы к шоссе, увидели, что там наворочено, и не поверили собственным глазам: неужто одно орудие с одним наводчиком учинило такой разгром?

- Почему - с одним наводчиком? - рассердился Бакланов. - Если за этот бой награждать будут, то всех - убитых и раненых. Или никого, или весь наш огневой интернационал пусть награждают!

В расчете помимо Шабардина и Бакланова был еше один русский - ящичный Елизаров, а заряжающий - украинец Шматченко, замковой - татарин Фатхулин, установщик - киргиз Хафизов.

Всех и наградили.

Ходу, братцы, ходу!..

... Мост через Лучесу захватили разведчики гвардии лейтенанта Алексея Щербакова.

Лейтенант знал, какое трудное и ответственное дело ему доверили, и отобрал в свою группу самых надежных солдат и сержантов из числа тех, кто близко знал Жору Григорьева. Во время февральского наступления под Витебском он повторил подвиг Александра Матросова. Портрет Героя Советского Союза Георгия Степановича Григорьева в траурной рамке висел в просторном блиндаже разведчиков. Здесь, у портрета погибшего товарища, и построил своих людей лейтенант Щербаков.

- Первым пойдет Мальцев. За ним я. Задачу знаете. Тройка Баева действует самостоятельно. На том берегу соберемся в условленном месте.

Чтобы захватить мост, надо сбить противника. За водным рубежом слева у фашистов пулеметная точка, справа - батарея. Тройка Баева справилась с немецкими пулеметчиками так, что они не пикнули, и лейтенант повел всю группу в тыл вражеской батареи.

Бой на огневых позициях немецких артиллеристов был коротким и беспощадным. Разведчики захватили шесть орудий, две автомашины с прицепами, груженные снарядами, два пулемета. А мост через Лучесу уже охраняли советские автоматчики. По нему началась переправа.

Там, на Лучесе, и решили разведчики лейтенанта Алексея Щербакова открыть счет мести за Жору Григорьева.

Слово не разошлось с делом - свой боевой счет они вели до самой победы. И до самой победы бережно пронесли фотографию Григорьева, как бы утвердив этим право павшего героя на бессмертие.

... Если тебе, дорогой читатель, доведется побывать в Витебске, то на мосту через Западную Двину ты увидишь мраморную доску в честь почетного гражданина города, бывшего сапера 158-й дивизии 39-й армии, Федора Тимофеевича Блохина (Герой Советского Союза Блохин живет сейчас в Горьком).

Два моста в Витебске были взорваны, а третий оккупанты охраняли даже тогда, когда к центру города прорвались два наших батальона. Остатки фашистского гарнизона еще сопротивлялись, и мост нужен был им для отхода. Но под опоры вражеские подрывники уже заложили две тонны взрывчатки.

Уличные бои достигли высочайшего накала. У набережной над самым высоким зданием ветер развернул алое полотнище. Это коммунист сержант Милешкин дал знать, где находятся бойцы его отделения. Увидев стяг, старший сержант Блохин скомандовал своим саперам:

- За мной, братцы!

Саперы прорвались к мосту. Там пылал костер, зажженный подрывниками. Но Блохин заметил шнур, тянувшийся к опорам моста.

- На мост! Тушить пожар! - крикнул он своему помощнику Кузинову.

А сам кинулся в воду, подплыл к детонирующему шнуру и перерезал его. Пожар на мосту успели потушить. Дорога пехоте на другой берег была открыта.

Наступление продолжалось. Саперы Блохина торопили

пехоту:

- Ходу, братцы, ходу!..

Завершая летнюю кампанию, 39-я по-прежнему воевала двумя корпусами, но 84-й, ушедший на 1-й Прибалтийский фронт, был заменен 113-м стрелковым корпусом генерал-майора Н. Н. Олешева.

Мы приближались к Восточной Пруссии, и противник заметно усиливал сопротивление.

По всему чувствовалось: победа не за горами. Но перед последними, решающими сражениями особенно нетерпимы были благодушие и беспечность. А потому мы не упускали случая лишний раз напомнить солдатам и офицерам: впереди граница, где Гитлер начал войну. Враг смертельно ранен и потому вдвойне опасен. Добить его надо любой ценой. Шире шаг, крепче удар! Этого требует от нас Родина.

После Витебской операции мы двигались на запад во втором эшелоне 3-го Белорусского фронта, и боевые действия начали уже в Литве.

Генерал-майор М. К. Пашковский, начальник тыла армии, растерянно доложил мне по телефону:

- Появился тут какой-то паренек. Фамилия его Людников. Называет себя вашим сыном.

- Как зовут?

- Толей...

Через час на мой командный пункт привезли старшего сына. Последний раз я видел семью два года назад. Толька здорово подрос за это время. Не по возрасту высокий, он в шестнадцать лет мог сойти за любого солдата из гвардейского комсомольского корпуса, что прибыл к нам под Витебском. Убедившись, что дома все в порядке (жена и младший сынишка, тринадцатилетний Валька, жили в то время в Тбилиси), я спросил Анатолия:

- Зачем, сынок, приехал?

- Воевать.

- Это тебе еще не положено по закону... Погостишь у меня несколько дней...

- Домой не поеду! - решительно сказал он. - И возраст тут ни при чем. Я знаю одного человека... Он в пятнадцать лет стал добровольцем шахтерского отряда. А почему его сыну в шестнадцать?..

- Ладно, дипломат... Сдаюсь. Пойдешь в полк... А пока ложись спать.

Толька притомился в дороге и быстро заснул. Глядел я на спящего сына и вспоминал свое детство, те шестнадцать мальчишеских лет, когда мы уже были воинами,

красногвардейцами, защитниками Октября.

Память возвращала меня к далекому прошлому...

Немного о былом

Мои родители называли друг друга ласково: Илюша да Пелагеюшка.

- Как, Илюша, эту зиму прожить?

- А так... Живы будем - не помрем, Пелагеюшка. Подамся на шахты и Ванюшку с собой возьму. Пора уж...

- Господи, что ты, Илюша, надумал! - всполошилась мать.

О шахтах мать не хочет и слышать. В Юзовке живет ее сестра, тетя Елена, с сыном. Летом тетка побывала у нас в гостях, рассказывала разные страсти о жизни шахтеров: кого задавило обвалом, кто погиб от взрыва газа...

Мама умоляет отца не ходить на шахты и меня с собой никуда не брать.

- Обойдется, Пелагеюшка, - утешает отец. - Не мы первые, не мы последние. Спи...

Утром отец повел меня к купцу Козлову. В нашем хуторе Кривая Коса, что на берегу Азовского моря, Козлов торговал мануфактурой и галантереей, лесом и рыбацкой снастью, а больше всего - хлебом. От его хлебных складов укатанная дорога вела к берегу. С подвод грузчики брали на попа уже развязанные пятипудовые мешки и по мостику несли к баржам, ссыпали зерно в трюмы. Все лето отец работал грузчиком на пристани, а заработков хватило только, чтобы вернуть Козлову прошлогодние долги. Когда сезонная работа на пристани кончилась и подошла зима, нужда снова погнала отца к купцу просить в долг продуктов.

Мы вошли в контору Козлова, и отец глухо сказал мне до боли обидные слова. Забыть их не могу до сих пор:

- Снимай шапку, Ванюша, становись на колени. - И сам, как подкошенный, упал на колени.

Долго вымаливал он у купца немного продуктов. Получили пуд подмоченного зерна да связку тощей воблы. Но отец и этому рад: уходя на шахты, мы хоть что-нибудь оставим матери и малышам (в семье кроме меня пятеро детей).

От Кривой Косы до Мариуполя сорок верст. Ушли мы на рассвете, а в полночь уже были на мариупольском вокзале. В первый раз увидел я железную дорогу, паровоз. Особенно запомнились надписи на красных товарных вагонах: Сорок людей или восемь лошадей. В один из таких вагонов мы и забрались. Я забился в угол, свернулся калачиком и заснул под мерный перестук колес.

Ночью видел во сне море, родной хутор, всю нашу босоногую

ребячью вольницу. Вместе со своими дружками Ванькой и Антошей Помазанами удил рыбу, ловко подсекая на крючок жирных бычков. Плавало их около свай моста великое множество. По мосту бегали грузчики с мешками зерна. Часть зерна попадала в воду. Тут и рыбам корм, и нам пожива. Домой принес много рыбы и сказал маме: Вот! К купцу за милостыней больше не пойду!

И еще снилось, что брат отца, дядя Андрей, берет меня на свой бот. Мы с ним так далеко уходили в море, что Кривой Косы даже не видать, А мне не страшно, потому что лучшего рыбака, чем дядя Андрей, нет на всем Азовском море.

- Ванюша, сыночек...

Что еще говорил отец, разбудив меня, я не слышал, оглушенный многоголосым ревом. Рассвело, гудки сзывали рабочих на шахты и завод. Выпрыгнув из вагона, я оглянулся и в страхе прижался к отцу: увидел огромные огненные языки над трубами коксовых печей. Ад, истинный ад! - вспомнил я рассказы тети Елены о шахтах, о Юзовке.

Тетя жила на Игнатьевском руднике. Мы взвалили на плечи котомки и прошли всю Юзовку от сенного базара до завода - длинную, мощенную булыжником улицу, которая называлась Первой линией, хотя других улиц в Юзовке вообще не было.

Тетя встретила нас приветливо. Слушая ее разговор с отцом, я понял, что все надежды на наше устройство она возлагает на сына. Ее Ефим на шесть лет старше меня. Я ни разу не видел двоюродного брата, но отец отзывается о Ефиме уважительно: парню восемнадцатый год, а он уже при ремесле и для семьи надежный кормилец.

Явился Ефим вечером - шумный, веселый. Мне, как большому, протянул руку и, тряхнув чубатой головой, рассмеялся:

- Что ж ты, сазан азовский, раздолье свое покинул? Тут, брат, жирных бычков не половишь. Тут сам копченкой станешь. Хочешь быть копченкой?

Он опять рассмеялся, а я обиделся и отвернулся. Откуда мне было знать, что через несколько дней многие будут называть меня копченкой - прозвищем тех мальчишек и девчонок, которых нанимали на выборку породы из угля.

Моя первая получка ушла на покупку четверти ведра водки. Ее поднесли какому-то дядьке, и он принял отца откатчиком на шахту.

С малых лет я хорошо знал цену заработанной копейке. Был на шахте лампоносом, был коногоном. Дрессированная лошадь отзывалась на мою команду. Крикнешь: Грудью - и она сама

толкает вагонетку для сцепки. С лошадью обращаться я умел, работа коногона мне нравилась, но очень боялся ночных дежурств на конюшне: ночью там кишели крысы...

Летом поехал домой. Никогда еще родное Приазовье не казалось мне таким ласковым, как в тот год. Урожай выдался на славу, и, немного отдохнув, я решил подработать на уборке хлеба. Семья снова бедствовала: отец подорвал на шахтах здоровье и вернулся в Кривую Косу.

Голубое небо у горизонта сливалось с бирюзовой далью моря. В бескрайней степи маячили копны золотистой пшеницы. Тихо, спокойно. И вдруг - крик: от хутора скакал всадник с развернутым красным флагом. Бабы заголосили - казак с развернутым флагом был вестником боевой тревоги.

Так я узнал, что началась германская война.

Война обезлюдила Донбасс, и я недолго пробыл коногоном. Уже к концу следующего года стал камеронщиком - машинистом на паровых насосах, откачивающих воду из шахт.

А потом пришла пора - призвали в армию Ефима. Старый мастер, обучивший его токарному делу, приставил к станку меня. Ему я сдал первую пробу - ось для угольных вагонеток. Наточил я этих осей немало...

Это была моя самая высокая и последняя гражданская специальность.

Над страной занималась заря семнадцатого года.

Вокруг все быстро менялось и будоражило воображение. Все митингуют, каждый тянет в свою сторону. Поди разберись!

Все прояснилось, когда с фронта вернулся раненый Ефим Бирюков. Я уже был не сазан азовский, не копченка, и двоюродный брат быстро растолковал мне, что к чему.

К Ефиму зачастили друзья. Был он затейником. Хорошо играл на мандолине, на гитаре. Но не это привлекало к нему шахтеров. От Ефима мы узнали правду о войне, узнали о большевиках, о Ленине.

Однажды рядом с механической мастерской, у лесного склада, появились два вагона с ящиками, полными винтовок. Их разгрузкой руководил старый токарь, что обучал Ефима, а потом и меня своему ремеслу. Ефима выбрали командиром.

На фронте Ефим был пулеметчиком. Он привез оттуда Устав пулемета Максима. Я по картинкам вызубрил название всех частей максима. Настоящие пулеметы у нас появились, когда рабочие Берестово-Богодуховского рудника разоружили воинский эшелон белых за станцией Щегловка. Из шахтного двора привели лошадей. Я выбрал пару самых резвых, запряг их, и Ефим тут же распорядился:

- Будешь, Ванюшка, ездовым. Лошадь любишь, пулемет знаешь. Действуй!

В конце октября рабочий отряд шахтеров получил боевое задание - разоружить казаков, прибывших в Юзовку по вызову администрации завода. А через месяц мы дрались с казачьими сотнями есаула Чернецова. Разгромив их западнее Макеевки, рабочие отряды выступили против войск Каледина, и в Донбасс вернулись крещенные огнем, готовые к новым боям.

Заняв свои боевые места в первом самодельном бронепоезде, мы двинулись навстречу немцам.

Первая стычка с ними произошла в районе станции Чаплино.

Немцы кайзеровской Германии, которых я тогда увидел под Чаплино, мало походили на солдат гитлеровской армии. Но первое ранение в боях за молодую Советскую республику я

получил от немецкой пули. И снаряд, насмерть сразивший под Амвросиевкой моего брата и друга, командира и учителя Ефима Бирюкова, этот снаряд был тоже немецким...

После ранения пришлось расстаться с шахтерским отрядом. Госпиталей тогда не было. Командир, заменивший Ефима, приказал оставить меня в селе близ Матвеева кургана, в доме батрака Подопригоры. Окрепнув, я подался в Таганрог, где жили родственники.

На рыбачьем пирсе таганрогского порта повстречал земляков. Они рассказали, как казаки пороли шомполами отца, как выбивали ему зубы, допытываясь, где старший сын. Домой не ходи - посоветовали мне. А я и не собирался возвращаться в Кривую Косу. Решение уже созрело: буду пробираться к частям Красной Армии.

Посоветовался с товарищами, работавшими в Таганроге на Балтийском заводе. Узнал, что их земляк, некий Бондаренко, командует отрядом красноармейцев где-то под Волновахой. И подался туда.

Отряд Бондаренко я разыскал близ Юзовки. Явился к командиру, попросил зачислить меня в пулеметное подразделение. Бондаренко тут же проэкзаменовал меня и назначил вторым номером пулеметного расчета.

Вскоре в отряде появились тачанки. Воевать стало веселее. Под Волновахой и Пологами, под Мангушем и Екатеринославом носились наши тачанки, поливая огнем беляков. Наш отряд стал эскадроном кавалерийского полка 42-й стрелковой дивизии регулярной Красной Армии.

После разгрома Шкуро под Воронежем 42-я дивизия продолжала успешно наступать. Пройдя Донбасс, мы вышли восточнее Мариуполя к Азовскому морю. В эскадроне я уже числился первым номером максима, и командир вручил мне тесак знак пулеметчика, который я с гордостью носил.

Однажды на выводке лошадей командир полка похвалил моего коня. Ослепительно белый платок, которым командир потер круп коня, остался чистым. А на выводке присутствовал комиссар. Он знал, откуда я родом, и подсказал командиру:

- Пока дивизия на отдыхе, можно такого бойца и домой на пару дней отпустить...

В тот же день, получив отпускной билет, я прискакал в родной хутор.

Мама встретила меня слезами. Матери плачут и в радости, и в беде. Но что удивительно, отец прослезился тоже. Обняв меня, всхлипнул:

- Сынок в боях уцелел, а меня тут чуть насмерть не

пришибли...

В дивизию вернулся, когда она готовилась к маршу в Мелитополь. Но меня послали служить матросом на военно-морскую базу в Мариуполь. Подростком ушел я с моря на шахту, теперь, уже из кавэскадрона, снова возвращался на море.

В ту пору Врангель пытался вывести свои войска из Крыма. Врангелевский полковник Назаров высадил десант у Кривой Косы, и наша флотилия билась с назаровцами. Состоял я в экипаже ледокола No 4 Знамя социализма. Лупили мы по врангелевцам из шестидюймовок так, что от залпов лопались заклепки на старом ледоколе.

Последнюю боевую операцию провели на траверсе Беглицкой Косы. С разгромом белых в Крыму кончилась гражданская война и для нас. Все лето занимались тралением, очищали родное Азовское море от мин. А через год меня направили в Одессу, на пехотные курсы красных командиров.

Путевку на учебу мне дали по рекомендации комсомола. И сейчас, сорок пять лет спустя, вспоминаю об этом с чувством горячей благодарности.

Сколько ни колесил по земле, но такого поезда, каким мы, будущие красные курсанты, ехали из Екатеринослава в Одессу, никогда не видал и вряд ли увижу. Экспресс из разбитых вагонов (их отправляли на капитальный ремонт в одесские железнодорожные мастерские) едва тянул старенький паровоз, пожиравший огромное количество топлива. Об этой особенности паровоза мы знали отлично: сами добывали и таскали на себе уголь, дрова, воду.

Ротный курсов, встречавший нас на станции Пересыпь, ахнул от удивления:

- Хлопцы, какой вы расы? Как я вас, таких чумазых, покажу нашему славному городу Одессе?

На вступительных экзаменах я быстро получил две двойки - по русскому языку и по арифметике, но мандатная комиссия постановила: принять. Учли, что сын батрака, что работал шахтером, а главное - что уже воевал за Советскую власть.

В тот день на всю жизнь была решена моя судьба.

Вскоре курсы были расформированы. Некоторых курсантов (я попал в их число) направили учиться в Одесскую пехотную школу.

В тот год по всей стране прокатилась волна митингов, вызванных наглым ультиматумом английского министра иностранных дел лорда Керзона. В ответ на угрозы лорда красные курсанты Одесской пехотной школы выступили походным маршем к границам боярской Румынии, чтобы показать свою

готовность к защите социалистического Отечества. Перед походом каждый из нас получил две пары лыковых лаптей (одну - в ранец, про запас). И хотя мы были плохо экипированы, хотя питались в основном воблой и мамалыгой, нытиков у нас не было: мы готовились стать защитниками Родины и очень гордились этим...

Я смотрел на спящего Тольку и думал о том, как быстро подрастают наши мальчишки и как хорошо, что они выбирают себе дорогу отцов.

Таурагская операция

Новую задачу 39-я армия получила, обороняясь на расейняйских позициях севернее Немана. Нам предстояло провести так называемую Таурагскую операцию и, передав боевой участок войскам 1-го Прибалтийского фронта, вернуться во второй эшелон 3-го Белорусского,

Благодаря активной разведке, которая велась в течение сентября на рубеже Расейняй, Раудане, мы точно знали силы и средства неприятеля. Если овладеем Таураге, будет перерезана основная коммуникация фашистов из Тильзита через Неман.

Гитлеровцы явно нервничали. Их артиллерийские батареи расходовали в день до трех тысяч снарядов, обстреливая отдельные участки, где даже не было советских войск. Такая канонада преследовала, видимо, одну цель: создать у нас впечатление о необычайной огневой мощи. Не иначе как неприятель хотел компенсировать этим нехватку авиации на данном участке. Такой вывод мы сделали потому, что заглянуть в глубину нашей тактической зоны гитлеровцы пытались с помощью аэростатов.

В канун наступления к нам прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал Советского Союза Василевский. Ему и командующему фронтом Черняховскому мы доложили о своей готовности. Доклады сопровождались наглядным показом: обстановка была рельефно изображена на ящике с песком.

Маршал и командующий одобрили наши планы. Оставалось только, как говорили артиллеристы, натянуть шнуры.

Как и под Витебском, главный удар должен был наносить 5-й гвардейский корпус. И, надо сказать, он успешно справился с порученной задачей.

Особенно смело и инициативно действовали части 17-й гвардейской дивизии генерал-майора А. П. Квашнина.

Прорвав оборону противника на расейняйских позициях, армия, развивая наступление, упорно преследовала немецкие части. Гвардейцы Квашнина первыми оказались на подступах к

Таураге. С наблюдательного пункта майора Потапова, командира 48-го гвардейского полка, генерал Квашнин видел лежавший на открытой местности город, опоясанный проволочными заграждениями в два кола, с двумя линиями окопов. Редкий огонь двух немецких батарей и беспорядочная ружейно-пулеметная стрельба из окопов свидетельствовали, что противник занял оборону наспех и притом разрозненными подразделениями. И командир дивизии не стал ждать, пока подтянутся соседи. После десятиминутного огневого налета майор Потапов поднял в атаку свой полк. Его дружно поддержали другие полки, а затем и подоспевший полк 91-й гвардейской дивизии.

Бой на улицах Таураге длился около трех часов. Город был очищен от фашистов.

Убедившись, что начальная стадия операции развивается успешно, я предложил командующему воздушной армией генералу Хрюкину спуститься в блиндаж на обед. В это время позвонил генерал Черняховский.

- Как развивается бой?

- Все идет успешно. Обозники пошли вперед.

- Что вы мне докладываете об обозниках?..

Обозники пошли вперед - это верный признак успеха. Много раз наблюдал я за этими тружениками на дорогах войны. По их поведению безошибочно можно было определить, все ли ладно на переднем крае. Если где-то внезапно возникал сильный огневой бой, обозники быстро меняли свою дислокацию. Если же сражение развивалось по плану, они первыми мчались вперед, чтобы обеспечить солдат боеприпасами и горячей пищей. Обозники - те же солдаты и заслуживают, чтобы сказать о них доброе слово. В нашей армии бывали случаи, когда, сами того не подозревая, обозники оказывали немалое влияние на исход боя.

Через несколько дней после освобождения Таураге (это было уже во время нашего вторжения в Восточную Пруссию) 17-я гвардейская стрелковая дивизия успешно прорвала оборону неприятеля под Ширвиндтом. Докладывая об итогах боя, генерал-майор Квашнин рассказал, какую роль сыграли там обозники. Полки дивизии еще не успели овладеть первыми траншеями, а батальонные кухни и повозки из тыла полков лихо рванулись вперед. Немцев это привело в великое смятение. Уже потом пленные в один голос утверждали: паника возникла именно при виде наших обозов. Коли уж русские обозы так безбоязненно рвутся к передовой - дело швах.

Но вернемся к Таурагской операции. В первый день наступления противник потерял убитыми и ранеными около тысячи солдат и офицеров. Мы захватили сорок восемь орудий,

четыре танка, четырнадцать минометов и другое военное имущество. Ударная группировка, прорвав три позиции в обороне гитлеровцев, продвинулась на пятнадцать километров.

С волнением развертывали мы карты: обозначенные на них стрелы уже нацеливались на приграничные города и села.

Юрбаркас (Юрбург) на Немане штурмовала 262-я стрелковая дивизия генерал-майора З. Н. Усачева, входившая в 113-й стрелковый корпус. Немцы превратили Юрбаркас в сильно укрепленный опорный пункт. Местность этому благоприятствовала. С северной стороны, откуда наступала дивизия Усачева, подступы к го роду преграждал обводный канал. За обводом были оборудованы доты, прикрытые бронированными колпаками. Тяжелая артиллерия, приданная дивизии Усачева, не смогла расколоть эти колпаки и разрушить доты. Только благодаря искусному маневру корпуса и дивизии, а также неудержимому наступательному порыву наших солдат неприступные немецкие доты оказались у нас в руках.

Темной осенней ночью отряд разведчиков перебрался через сваи разрушенного у Юрбаркаса моста на южный берег Немана. Разведчики ударили по фашистам с тыла. Один из полков 262-й дивизии под командованием майора Майорова также с тыла обошел немецкие укрепления и ворвался в город. На улицах Юрбаркаса закипел ночной бой. Фашисты дрогнули, побежали. Преследуя их, полки из дивизии Усачева утром 9 октября вошли в первое немецкое местечко - Аугстогаллен. Примерно в то же время границу перешли и другие части 113-го стрелкового корпуса.

Эту дату - 9 октября - мы запомнили навсегда. В этот день войска 39-й армии первыми перешли границу гитлеровского рейха. Канонада наших орудий прогремела над землей, которую германский империализм всегда рассматривал как свой форпост и плацдарм для наступления на Восток.

Пока гвардейцы генерала И. С. Безуглого сдавали свой участок западнее Таураге 2-й гвардейской армии генерала П. Г. Чанчибадзе, 113-й стрелковый корпус генерала Н. Н. Олешева успешно форсировал Неман в районе Юрбаркаса и захватил плацдарм, важный для общего наступления в Восточной Пруссии. Гитлеровцы предприняли несколько ожесточенных контратак, но сбить нас с плацдарма им не удалось.

За шесть дней наступления 39-я армия прошла с боями и маневром в другой район сто пятьдесят километров.

Объезжая части, я не заметил усталости на лицах солдат. Граница Восточной Пруссии стала для них тем рубежом, на котором у каждого словно бы появилось второе дыхание.

Если позволяла обстановка, мы устраивали короткие митинги. И может быть, лучше других выразил душевный порыв солдат гвардии рядовой Кружилин, прочитавший на митинге свою балладу. Он посвятил ее родному батальону, которым командовал капитан Ступаченко. С этим батальоном рядовой Кружилин прошел от Витебска до границы Восточной Пруссии:

... Комбат Ступаченко гвардейцам сказал:
- Мы ждали. И час долгожданный настал.
Пусть скажут потомки:
Смотрите, дивитесь,
Они как герои сражались за Витебск!
От самой Лучесы мы к Неман-реке
Со славой прошли по литовской земле.
А завтра - тому обязательно быть
Должны мы на прусскую землю ступить!
Должны! Обязательно должны!
Штурм Кенигсберга
Бастионы и панцерверки

С тех пор как Восточную Пруссию захватили рыцари ордена Тевтонов, она неизменно фигурирует на картах больших сражений. Здесь сохранились еще следы первой мировой войны. Здесь, в цитадели германского милитаризма, готовились кадры для новых захватнических войн. Отсюда ринулись на нашу страну фашистские орды. И наконец, ставка Гитлера, прозванная им волчья яма (вольфсшанце), тоже находилась в Восточной Пруссии.

В течение долгих лет гитлеровцы создавали в Восточной Пруссии многополосную, глубоко эшелонированную систему полевых и долговременных укреплений. В годы второй мировой войны тысячи пленных, угнанных в фашистское рабство, были сведены в Восточной Пруссии в специальные рабочие команды. Их руками были отрыты десятки тысяч километров траншей, противотанковых рвов, установлены проволочные препятствия, созданы мощные взрывные заграждения. Особо интенсивно создавались укрепления после Сталинградской и Курской битв. В общую систему немецкой обороны были включены хутора и крупные населенные пункты. Города-бастионы прикрывались с востока многоэтажными дотами. Эти железобетонные подземные сооружения, увенчанные бронированными кулаками панцерверками{19}, лежали на пути к главной цитадели Восточной Пруссии, городу-крепости Кенигсбергу.

В дни наступления по земле Восточной Пруссии в нашей армии часто бывал военный корреспондент Правды, журналист и писатель, гвардии подполковник Василий Величко. Увидев серое

прусское небо, низко нависшее над землей, и седую мглу густого тумана, которая медленно ползла по линиям дотов и траншей, увидев прусскую землю, одетую в железо, бетон и камень, он сказал коротко, выразительно, словами солдата:

- Замурована вся. Наглухо...

На защиту сел и городов Восточной Пруссии гитлеровское командование преднамеренно бросило те части, которые здесь же комплектовались. Все солдаты оказывались здесь пруссаками. Они отстаивали свой родной дом, свою семью и сопротивлялись с невиданным ожесточением.

Все это надо иметь в виду, чтобы понять, какие трудности ждали войска 3-го Белорусского фронта на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Когда генерал армии Черняховский вызвал меня из района Юрбаркаса на свой командный пункт, там уже находились командующие 5, 11 и 31-й армий. Выразив благодарность за успешно проведенную Таурагскую операцию, командующий фронтом тут же определил задачу 39-й армии. Из второго эшелона фронта ее введут в бой на второй день наступления. Направление - на Наумиетис, Пилькаллен, Хенснишкенен.

Самые ценные сведения о противнике добываются в ходе сражения. Вот почему я приказал всем командирам дивизий и командующим артиллерией следовать в первый день операции за первым эшелоном полков наступавших войск 5-й армии. Сам выехал туда же. 5-й армией командовал Николай Иванович Крылов, мой начальник и боевой соратник по боям в Сталинграде. Эта армия была надежным соседом в обороне и в наступлении, и мы всегда были спокойны за фланг, на котором она действовала. Полагаю, что и у Крылова не было оснований жаловаться на нас.

Приехав в 5-ю армию, я встретил старых друзей. Герой Днепра генерал-майор А. А. Казарян командовал дивизией на левом фланге. На правом фланге находилась дивизия генерал-майора Б. Б. Городовикова{20}, с которым мы крепко сдружились еще в стенах академии имени Фрунзе. С Бассаном Багминовичем я встретился тогда впервые за годы войны.

16 октября после мощной артиллерийской и авиационной подготовки 3-й Белорусский фронт перешел в наступление.

В обращении Военного совета 39-й армии было сказано: Вперед, на штурм вражеского логова! Мы опубликовали также письмо К боевым друзьям ветерана нашей армии гвардии рядового Щипцова. Закончил он свое письмо так: Долго шли мы к рубежу, откуда скоро начнем последний и решительный бой. И мы знаем тот рубеж, дальше которого наша гвардейская пехота

уже не пойдет. На Кенигсберг! К. Балтийскому морю!

Ровно полгода спустя за Кенигсбергом, у самого побережья Балтийского моря, вышли мы из последнего в Великой Отечественной войне боя. Срок немалый и убедительно свидетельствующий о том, с каким трудом и ожесточенным упорством приходилось нам взламывать оборону врага в Восточной Пруссии. За эти полгода я дважды обращался к командующему фронтом с просьбой пополнить армию свежими силами или дать ей хоть небольшую передышку.

Отнюдь не умаляя роли авиации и артиллерии, хочу особенно подчеркнуть роль нашей пехоты, сокрушавшей мощные узлы обороны противника.

На реке Дайме был смертельно ранен герой наступления под Витебском командир 61 -го гвардейского полка Василий Трушин. Это его бойцы задали тон в первый день прорыва обороны врага еще на дальних подступах к Дайме, штурмуя позиции вражеского 644-го укрепленного района. Рота гвардии лейтенанта Сухова овладела первым домом на окраине фольварка. А из других каменных домов фашисты, засевшие в подвалах и на чердаках, вели яростный огонь, обстреливали дорогу. Сухов решил ударить с тыла. Взвод, во главе которого шел Сухов, уже обогнул лощину, но в это время командир был тяжело ранен. Подбежали к нему санитар и солдат.

- Несите меня туда... - Сухов показал рукой на фольварк, откуда еще слышалась стрельба.

Лейтенант продолжал руководить боем, и его переносили от одного захваченного дома к другому. Рота выполнила задачу, и только после этого Сухова эвакуировали в тыл.

У комсорга роты из 275-го гвардейского полка рядового Ивана Шошина было семь нашивок за ранения. Восьмое ранение вместе с тяжелой контузией он получил в Восточной Пруссии. Рота офицера Козлова захватила первую траншею, и солдаты, увидели бронированный колпак железобетонного дота. Шесть его амбразур огрызались огнем. А местность ровная, и наступление замедлилось. Вызвали на помощь пушку, она постреляла, несколько раз угодила в стенку дота, но вреда ему не причинила.

- Во чудовище! - сказал кто-то из молодых солдат. - Снаряд не берет, а как же мы?..

Комсорг роты Иван Шошин подозвал к себе комсомольцев Дмитриева и Иванова. Три храбреца поползли вперед. Солдаты видели, как пулеметная очередь насмерть сразила Иванова. Дмитриев тут же распластался за бугорком - не поднять головы. И только комсорг, рванувшись вперед, успел на ходу метнуть гранату. Стих вражеский пулемет, и теперь уже Дмитриев быстро

пополз к доту. Противотанковыми гранатами и взрывчаткой два гвардейца взломали стальную дверь дота. Шестнадцать гитлеровцев сдались в плен. В тот же день командир 91-й гвардейской дивизии полковник Кожанов наградил комсорга роты третьим боевым орденом. А на следующий день при штурме нового дота Шошин был тяжело ранен и контужен.

Бои в Восточной Пруссии вырывали из наших рядов самых бывалых и отважных воинов. Росли потери. После прорыва первой полосы обороны противника командиры дивизий с тревогой сообщали мне, что в некоторых батальонах числятся только флажки, а активных бойцов совсем мало. За неделю непрерывных боев армия продвинулась вперед на двадцать один километр, расширив полосу прорыва до восемнадцати километров. С такими потерями и в таком темпе (три километра в сутки) наступать дальше было нельзя. Я доложил об этом командующему фронтом и встретил с его стороны понимание. 39-я армия получила приказ закрепиться на достигнутых рубежах.

... Получив передышку, мы трудились днем и ночью, укрепляя позиции. Солдаты вдоволь намахались лопатами - малой пехотной и большой саперной.

А в это время армейская разведка обогащалась сведениями. Как бы предвосхищая события, она проявила особый интерес к 13-му укрепленному району фашистов. С него начинались дальние подступы к Кенигсбергу на восточном направлении. Вражеская линия обороны проходила перед Тильзитом и Гумбинненом с тыловой базой в Велау. Внешний рубеж Кенигсбергского укрепрайона тянулся от Либиау до Тапиау и имел на каждый километр фронта специально оборудованную систему дотов. Обращенная к востоку оборонительная линия упиралась своими флангами в залив Куришес-Хафф и в кенигсбергскую крепость. Сама крепость, модернизированная, охраняемая многочисленными фортами, была опоясана несколькими рядами траншей. Так в полосе нашего наступления выглядели скорлупа и сам орешек, который предстояло раскусить.

Два операционных направления, по которым должны действовать войска 3-го Белорусского фронта, сходились клином у Кенигсберга. Какому из них отдать предпочтение - инстербургскому или тильзитскому? Первое направление - от Шталлупенена в обход Мазурских озер с севера - представлялось наиболее благоприятным, здесь было много хороших дорог; тильзитское направление наиболее короткое к Кенигсбергу, однако опыт войны убедительно доказал, что для достижения цели не всегда выбирают наикратчайший путь. В полосе тильзитского направления много лесов, болот и такое сильное

препятствие, как река Дайме с мощными укреплениями на западном берегу.

Замысел командующего фронтом был таков: вместе с 5-й и 28-й армиями мы входим в ударную группу, а 11-я гвардейская армия и два танковых корпуса находятся во втором эшелоне, чтобы частично или целиком войти в прорыв в полосе 5-й армии. Трем корпусам 39-й армии, усиленным танковой бригадой и несколькими самоходно-артиллерийскими полками, дали направление главного удара на Пилькаллен, затем на Тильзит.

Глубина операции рассчитана на восемьдесят километров, темп продвижения в сутки - не менее шестнадцати - восемнадцати километров. Длинные зимние ночи позволяли противнику организовать оборону на промежуточных рубежах, и совершенно очевидно, что без наступления войск в ночное время такой темп нам не выдержать.

Наступило утро.

Над передним краем висел густой туман, и мы ждали, когда он рассеется. Ровно в девять часов где-то на левом фланге ударили наши катюши, в полосе 28-й армии разгорелась канонада, артиллерийскую подготовку начал и наш сосед слева - 5-я армия. Залп катюш был условным сигналом, и хотя мы знали, что командующий, ожидая, когда улучшится погода, отложил начало атаки, гром пушек соседних армий подстегнул и нас. Орудия 39-й тоже открыли огонь.

- Что у вас происходит? Кто разрешил открыть огонь? - услышал я в телефонной трубке сердитый голос Черняховского.

- Мы не первыми открыли огонь, товарищ командующий, а последними.

Видимо поняв, что произошел именно тот случай, когда Иван кивает на Петра, Черняховский спросил уже спокойно:

- Что намерены делать?

- Продолжать артподготовку и действовать по плану.

А туман не рассеивается, и дальше орудийного ствола ничего не видно. Только благодаря доблести пехотинцев нашего 5-го гвардейского корпуса удалось захватить первые траншеи врага.

К исходу второго дня наступление начало затухать. Надо было принимать срочные меры. И тогда на третий день операции на узком участке южнее Пилькаллена мы ввели две новые стрелковые дивизии, танковую бригаду, отдельные танковые, самоходные и артиллерийские полки.

Мой заместитель по бронетанковым и механизированным войскам полковник А. И. Цынченко получил указание:

Развивать наступление с выходом на новый рубеж в районе Хенснишкенена. Танкистам не оглядываться на пехоту. Отстав на

первом этапе, она затем догонит танки.

Прорыв удался. В пробитую танками брешь хлынула пехота. Наступала она стремительно. Ни сильное сопротивление противника, ни разбушевавшаяся метель не могли ее остановить. Даже малоподвижный УР (части 152-го укрепрайона) шагал ходко, занимая населенные пункты по южному берегу Немана.

Фашистская пропаганда усиленно запугивала жителей Восточной Пруссии страшными небылицами о карах большевиков.

Опровергать эту гнусную ложь нет особой нужды: гуманность Советской Армии известна всему миру.

Но о звериной жестокости самих гитлеровцев в отношении мирных жителей, своих соотечественников, я не могу умолчать.

Это случилось в Восточной Пруссии Когда танкисты генерала В. В. Буткова вышли к реке Дайме{21}, они увидели мост и две дамбы, запруженные нескончаемым потоком беженцев, И вот, чтобы задержать советские войска на восточном берегу, офицеры немецкого укрепрайона приказали взорвать и мост и дамбы. А там в это время находились тысячи насильно эвакуируемых немецких женщин, детей, стариков. Страшный взрыв потряс окрестности Дайме. Люди, поднятые в воздух вместе с землей и обломками моста, навеки исчезли в холодных водах реки...

Да, Советская Армия всегда отличалась исключительной гуманностью по отношению к мирным жителям. Но это не мешало нам быть беспощадными к противнику. И мы не случайно называли священной свою ненависть к фашистским захватчикам. В этой связи я и хочу поделиться с читателем некоторыми наблюдениями и фактами из пережитого.

Служил у нас в батальоне офицера Рудякова гвардии старшина Николай Трофимов. Этот немолодой человек, отец семейства, имел уже тогда три правительственные награды, был четырежды ранен и дважды контужен. Он видел разрушенный Сталинград, знал о Бабьем Яре и воевал с той лютой яростью, которая обычно свойственна людям, много повидавшим и пережившим, а потому не охотливым на слова. Когда батальон Рудякова с боем захватил один из укрепленных немецких фольварков, старшина Трофимов привел молодых солдат в сарай, где на полу валялись цепи и металлические наручники. В углу сидели две женщины, Ульяна Кушнаренко и Нина Лохматова, жены советских офицеров. Трофимов попросил их повторить перед бойцами рассказ о горькой судьбе пленниц, угнанных на рынок невольниц в Восточную Пруссию (житель захваченного фольварка купил Ульяну и Нину, заплатив по двести марок за каждую).

А потом по рукам солдат пошла записка. Полгода назад, под Витебском, наша армия освободила местечко Бешенковичи. И вот опять Бешенковичи были названы в записке, найденной Трофимовым под скатертью в одном из домов. Дословно привожу текст:

Дорогие братья! Передайте моим родным по адресу Витебская область, местечко Бешенковичи, Комсомольская улица, дом Полещук, что 18 января 1945 г. я еще жива.

Дорогие! Догоните нас! Отбейте у немца! Не дайте пропасть!

Полещук Александра.

И сказал молодым солдатам старшина Николай Трофимов:

- Вы знаете, где и как я воевал. Повидал палачей и поджигателей, грабителей и насильников. А вот работорговцев, рабовладельцев вижу впервые. Может, Саша Полещук еще жива. О чем она просит нас, вам известно. - Трудно было ему говорить, он закончил: - Шире шаг, солдаты! Кто на этой распроклятой земле станет на нашем пути - сотрем!

Из батальона офицера Рудякова записку Александры Полещук послали в армейскую газету Сын Родины с резолюцией: Требуем опубликовать. Чтобы все знали и записали в наш общий счет священной мести врагу.

В те же дни полевая почта доставила мне письмо из родного хутора Кривая Коса. Под письмом, принятым на общем собрании приазовских рыбаков и колхозников, стояло двадцать пять подписей. Радовались мои земляки, что из их хутора вышли многие славные защитники Родины, рассказывали мне, как залечивают раны, нанесенные фашистами поселку в черные дни оккупации. Но вот рана, которую уже не залечить: ... Дорогой наш земляк Иван Ильич, о зверствах фашистов вы не меньше нас знаете, но только мы должны вам рассказать за Кривую Косу. Изверги расстреляли многих ни в чем не повинных людей, а среди них насмерть замучили вашего дядю Людникова Пантелея Никаноровича... Уж вы постарайтесь, чтобы палачей настигли и покарали.

Пишу об этом не для того, чтобы растравлять старые раны. Но мы сражались в Восточной Пруссии, и в нашей армии, от командующего до рядового, не было человека, которому фашисты не причинили бы горя. Наша ненависть к фашистским захватчикам была воистину священной.

Возвращаясь к рассказу о боевых действиях 39-й армии, хочу подчеркнуть неутолимую жажду наших воинов скорее свершить справедливый суд над самыми опасными для человечества преступниками. Да, мы проявили завидную оперативность в перегруппировке сил, в нанесении внезапного и ошеломляющего

удара по врагу, но успех всей Восточно-Прусской операции обеспечил советский солдат, неудержимо рвавшийся вперед.

17 января 1945 года 5-й гвардейский и 94-й стрелковый корпуса сильным ударом прорвали гумбинненский оборонительный рубеж на всю его глубину и уже к исходу дня, громя и преследуя противника, повернули на северо-запад. В нарастающем темпе развертывалось наступление 113-го корпуса. Учитывая обстановку, Черняховский незамедлительно использовал успех 39-й армии. На участке ее прорыва он ввел свой второй эшелон: 11-ю гвардейскую армию генерала К. Н. Галицкого и два танковых корпуса - А. С. Бурдекиого и В. В. Буткова. Корпус Буткова прибыл к нам, когда мы штурмом взяли Хенснишкенен. В это время был получен новый приказ Черняховского. Успех 39-й армии позволил командующему фронтом частично изменить первоначальное решение.

Новый приказ ясно определял первостепенное значение тильзитского направления. Преодолев инстербургский оборонительный рубеж, наши части вышли на шоссейную дорогу Тильзит - Кенигсберг. Вечером 19 января я диктовал телефонограмму командующему 3-м Белорусским фронтом:

Штурмом взят город Тильзит. При овладении, городом отличились войска генерал-майора Ксенофонтова...

Тильзитом мы овладели совместно с частями 43-й армии, и теперь войска 39-й армии тяжелым молотом нависли над всей инстербургско-гумбинненской вражеской группировкой. Опасаясь окружения, противник начал отходить.

Кольцо и клин

Автор брошюры Падение Кенигсберга В. А. Величко сравнивал укрепления немцев на Дайме то с железной дверью Кенигсберга, то с оскаленной пастью хищника. Это художественные образы. Я же хочу, чтобы читатель представил себе, с чем реально столкнулись войска 39-й армии, штурмовавшие Дайме.

От Гросс Скайсгиррена к Дайме мы пробивались с боями через леса и топкие заболоченные луга, изрезанные канавами. По топографическим картам это расстояние составляет сорок километров, но наш солдат наступал не по прямой дороге. К исходу вторых суток он увидел Дайме - небольшую речку, впадающую в залив Куришес-Хафф. Здесь гитлеровцы, прикрыв подступы к Кенигсбергу с востока, создали исключительно мощную систему укреплений. Помимо множества пулеметных дотов они построили вместительные бетонные убежища, подземные галереи, соединив их лабиринтами глубоких траншей. С наблюдательных пунктов просматривались все подступы к

Дайме. Ее берега, особенно западный, имели такое количество больших и малых узлов сопротивления, что нанести все эти узлы было бы невозможно даже на самую крупномасштабную карту.

Гвардейцы из корпуса генерала Безуглого с ожесточенными боями пробились по льду к западному берегу и захватили плацдарм. Здесь создалась реальная возможность ввести в прорыв 1-й танковый корпус, но единственный паром, которым мы располагали, выдерживал только легкую артиллерию. Для тяжелых танков и самоходных артиллерийских установок нужен был мост. Саперы приступили к делу, и тут маленькая, но коварная Дайме с ее илистыми берегами и торфяным дном оказалась для нас не менее трудным препятствием, чем фашистские укрепления.

Миновали сутки, а у саперов что-то не ладится. Начальник инженерных войск армии генерал Гнедовский предложил построить большой паром и, взорвав лед на Дайме, начать переправу тяжелой техники. Я доложил об этом Черняховскому. Иван Данилович усомнился в разумности такого решения. Полагая, что мост можно построить, он направил к нам начальника инженерных войск фронта генерала Баранова. На Дайме среди взорванного льда уже чернели полыньи, мы спускали на воду понтоны. И все же генерал Баранов приказал саперам снова забивать сваи, чтобы проверить грунт. Чем закончился этот эксперимент, можно судить по официальному донесению Баранова командующему войсками 3-го Белорусского фронта: При пропуске первого пробного танка из-за илистого грунта опоры сели, хотя семиметровые сваи были забиты на глубину шесть метров.

Да, много хлопот доставила нам эта речушка! И все же в ночь на 25 января дивизии полковников Бибикова и Кожанова из 5-го гвардейского корпуса и танковая бригада из корпуса генерала Буткова (переправить весь корпус нам не удалось) перешли в наступление с нового рубежа на западном берегу Дайме. Гвардейцы доказали, что никакие преграды не в силах остановить их. Атакуя неприятеля днем и ночью, они продвинулись за сутки на восемнадцать километров.

Уже за Дайме, в Жилленберге, на мой временный пункт управления приехал генерал армии Черняховский.

- Хорошо шагаете, - приветствовал нас Иван Данилович. - Теперь, когда эта чертова речка осталась позади, я передам в ваше подчинение еще один корпус тринадцатый гвардейский генерала Лопатина.

Лопатина?.. Не тот ли это Лопатин, под чьим командованием я начинал войну летом сорок первого? Я не стал уточнять, так как

Черняховский уже стоял у карты и неотрывно смотрел на черный квадрат Кенигсберга.

- Получите корпус Лопатина и уже пятью корпусами с приданными частями усиления будете участвовать в общей операции по окружению Кенигсберга. Но это только одна часть задачи вашей армии... - Ладонь Черняховского ребром легла на карту, рассекая Земландский полуостров. - Создайте ударную группу и прорывайтесь к морю. Гитлеровцы, как известно, большие любители колец и клиньев. Доставим им это удовольствие. Надо обойти Кенигсберг с севера, потом с запада, а частью сил прорваться к морю. Вот где, Иван Ильич, я хотел бы с вами в следующий раз встретиться. Договорились?

Нет, не у моря, не на побережье Земландского полуострова, а здесь, в маленьком городишке Жилленберге, была наша последняя встреча. Черняховский погиб 18 февраля, смертельно раненный осколком снаряда.

В минувшую войну пали на поле боя три командующих фронтами, под началом которых мне довелось воевать. Первым погиб М. П. Кирпонос, потом Н. Ф. Ватутин, а незадолго до победы - И. Д. Черняховский. Войну Иван Данилович начал на Немане в должности комдива. Как командарм прославился под Воронежем и Курском, на Днепре и за Днепром. Затем, в качестве командующего 3-м Белорусским фронтом, привел свои войска в Восточную Пруссию и начал на дальних подступах штурм Кенигсберга.

Мне выпало счастье около двух лет воевать под командованием Черняховского, близко общаться с ним.

Иван Данилович был самым молодым из командующих фронтами. Природа щедро наделила его ценными для полководца качествами - военным талантом и храбростью. Порой он бывал весьма строг, но всегда справедлив. Выдержка не изменяла ему в самой сложной обстановке. Подчиненных уважал, солдат горячо любил, и они платили ему тем же.

Дважды Герою Советского Союза генералу армии И. Д. Черняховскому был присущ тот особый дар, который позволяет военачальнику ощущать пульс быстротечного боя и, предугадывая его ход, принимать смелые до дерзости, но всегда обоснованные решения.

Погиб Иван Данилович в расцвете лет. Но его короткая жизнь была на редкость яркой, прекрасной. Хочется верить, что об этом самобытном военачальнике и обаятельном человеке будут еще написаны книги...

Иногда и показания неприятеля дают весьма впечатляющую картину обстановки на фронте. Вот почему я почти полностью

привожу письменное показание Рихтера, сдавшегося в плен в городке Каймене:

Прорвав укрепления на Дайме, русские танки и пехота оказались в нашем тылу. Оставаться на старом рубеже бессмысленно, и я получил приказ на отвод своей группы к новому рубежу. Отойти решил ночью. Но это был не организованный отход, а паническое бегство. Когда наступил рассвет, я убедился, что растерял почти всех солдат. Они разбрелись по лесам и фольваркам. Указанный нам рубеж уже был занят русскими, и тогда я решил с остатками своей группы податься в населенный пункт, где на карте был обозначен командный пункт нашего полка. Увы, его там не оказалось. И никто не знал, где он.

А на дорогах творилось что-то невообразимое. Войска перемешались, гражданские повозки с беженцами застопорили движение военных машин. Какой-то истеричный полковник приказал нам занять оборону. За ночь окопались, но утром соседний батальон, не предупредив нас, отошел, оголив мой фланг. Я повел своих, солдат к Каймену, а там уже были русские. Из Каймена бежали наши военные и гражданские, а за ними вдогонку мчались русские танки. Когда русские автоматчики, спрыгнув с танков, направились к нам, я поднял руки вверх и приказал своим солдатам поступить так же...

На подступах к Дайме и за Дайме русские атаковали нас ночью. К. ночным боям наши солдаты не привыкли, и, как правило, атаки русских приносили им успех. Мы не знали, куда и по ком стрелять, теряли всякую ориентировку и сами терялись.

Последнее признание пленного пришлось особенно по душе моему заместителю генералу Н. П. Иванову, который немало потрудился, обучая части 39-й армии боевым действиям в ночное время.

За Дайме перед нами открылся Земландский полуостров.

Чем ближе к побережью, тем гуще и мощнее укрепления, преграждавшие нам путь к Балтике. Кранц-Кенигсберг, первая из оборонительных линий, не только прикрывала столицу Восточной Пруссии с севера, но и не давала доступа в глубину Земландского полуострова.

Перед рубежом Кранц-Кенигсберг на мой командный пункт прибыл командир 13-го гвардейского стрелкового корпуса, о котором говорил Черняховский. Наша встреча с генералом Лопатиным была очень теплой, но кратковременной. Корпус Лопатина был введен в бой и действовал стремительно. Он овладел железнодорожной станцией Метгетен западнее Кенигсберга и перерезал коммуникацию из Кенигсберга в Пиллау.

Станцию Метгетен, являвшуюся пригородом Кенигсберга, мы брали дважды: гитлеровцы не щадили своих солдат и после яростных контратак временно восстановили коммуникацию. Противник не случайно так упорно цеплялся за эту станцию. Когда Метгетен был захвачен вторично солдатами 262-й дивизии генерала Усачева (из корпуса Олешева), мы узнали, что там находился подземный артиллерийский завод фашистов.

Боевые действия четырех корпусов 39-й армии развертывались севернее и северо-западнее Кенигсберга, а 91-я гвардейская дивизия из корпуса Безуглого вырвалась далеко вперед, к морю. Это и был тот клин, о котором говорил Черняховский. Клин этот был очень острым, но, к сожалению, оказался и очень узким, уже в первый день наступления соседняя часть из 43-й армии сильно отстала от гвардейцев полковника Кожанова.

Считаю своим долгом подробнее рассказать о героическом прорыве гвардейцев полковника Кожанова к морю, о том, как они дрались в окружении, как с честью из этого окружения вышли. Но прежде необходимо хотя бы вкратце дать оценку силам и замыслам противостоявшего нам противника.

В своем докладе начальнику Генерального штаба Советской Армии начальник штаба нашего фронта А. П. Покровский предусматривал два варианта возможных действий вражеских войск, оказавшихся отрезанными в Восточной Пруссии и прижатыми к морю. По первому варианту фашисты, стремясь увести свои войска из Восточной Пруссии в Центральную Германию, попытаются прорваться через низовья Вислы к косе Фриш-Нерунг, чтобы по ней ускользнуть от нас. Второй вариант предусматривал переход гитлеровцев в районе Кенигсберга и на Земландском полуострове к жесткой, упорной обороне, дабы сковать на длительный срок как можно больше наших сил и тем самым оттянуть развязку военных событий.

К концу января вражеская группировка в Восточной Пруссии была расчленена на три части. Непрерывно контратакуя, противник стремился вновь образовать сплошной фронт. Наше командование обращало особое внимание на ту группировку, которую порт Пиллау питал пополнением, боеприпасами, продовольствием. От Пиллау и к Пиллау вдоль побережья наблюдалось усиленное движение. К фронту двигались солдаты, боевая техника. А из Восточной Пруссии к порту стремился поток беженцев.

Прорыв гвардейцев из дивизии полковника Кожанова к морю преследовал цель помешать противнику осуществить первый вариант. Перерезая коммуникацию на побережье северо-западнее

Кенигсберга, мы закрывали врагу выход на косу Фриш-Нерунг и лишали его возможности выскользнуть из окружения. Гвардейцы Кожанова свою задачу выполнили. И не их вина, что, оказавшись без прикрытых флангов (соседи справа и слева отстали на двадцать и пятнадцать километров), они были сами отсечены и уже от моря пробивались назад к своим войскам. Это нисколько не умаляет подвига храбрецов.

В ночь на 2 февраля 8 городок Гермау близ побережья Балтийского моря ворвались стрелки 275-го гвардейского полка, открыв соседнему 277-му гвардейскому полку дорогу к морю. В 277-м полку находился офицер штаба армии, и на другой день он доставил нам дар солдат-гвардейцев - бутылку с соленой водой. На этикетке было написано: Командующему армией. Мы у моря! Гвардейцы майора Виноградова.

А в это время в самом Гермау лежал тяжело раненный подполковник Андреев, командир 275-го полка.

Через три дня дивизия Кожанова уже дралась в окружении. В самый критический час боя на наблюдательном пункте комдива появился сбежавший из медсанбата подполковник Андреев. Его снова, и на этот раз смертельно, ранило осколком немецкой мины.

- Зачем ты сюда прибежал? - спросил комдив.

- Чтобы солдаты видели меня. И я их... Андреев уже знал, что не суждено ему праздновать победу. Он видел, как сильно поредел его полк, и, прощаясь с боевыми товарищами, просил их только об одном: сохранить Знамя полка.

Знамя полка! Со спасением этого Знамени связан подвиг капитана Николая Батхеля, которого Родина отметила высокой наградой - орденом Ленина. 279-й полк, в котором находился офицер разведчик Николай Батхель, был оттеснен гитлеровцами в лес и окружен. Готовясь к прорыву, штаб полка сжег наиболее важные документы. Кто-то предложил закопать полковое Знамя, чтобы тем самым сохранить его: Мы скоро сюда вернемся и заберем Знамя. Тогда вперед выступил капитан Батхель:

- Нас совсем мало. Но пока Знамя с нами - мы полк!

Он спрятал полковое Знамя на груди под стеганкой, взял в руки автомат и занял место в цепи атакующих. Под разрывами снарядов и мин, сквозь огненные трассы пуль пронес Николай Батхель полковое Знамя.

Семь дней дрались гвардейцы в окружении. Ратные подвиги совершали даже те, от кого этого не ждали. Фашисты просачивались в тылы. Тогда круговую оборону занимали ездовые, повара, писари. В деревне Ауерхоф находились редакция и типография дивизионной многотиражки - десять сотрудников

газеты, включая редактора и солдата-печатника. Отражая атаку на Ауерхоф, они взяли в плен двух гитлеровцев. В комендантском взводе вместе с шофером и радистом насчитывалось тридцать бойцов. Им удалось захватить станцию Мюле Тиренберг и удерживать ее, прикрывая отход штаба дивизии.

В сложной, чреватой большими опасностями обстановке, имея скудный запас продовольствия и боеприпасов, исключительное мужество и хладнокровие проявил командир 91-й гвардейской дивизии полковник Василий Иванович Кожанов. Только получив приказ на выход из окружения, гвардейцы оставили свои позиции. Но самые тяжелые испытания были впереди. Воспользовавшись данными радиоперехвата, враги вышли на указанный Кожанову маршрут движения. Отважные разведчики дивизии (ими по-прежнему командовал Алексей Щербаков) вовремя предупредили комдива, на каких рубежах сосредоточились фашистские войска, и Кожанов самостоятельно изменил маршрут.

В ночь на 9 февраля гвардейцы Кожанова уже приблизились к линии фронта, готовясь к ожесточенному бою на прорыв из окружения. Оперативная группа штаба дивизии находилась в головной колонне 279-го полка. Впереди двигалась единственная самоходка. Внезапно с небольшой высотки близ дороги ночную тьму прорезали вспышки. Двумя выстрелами из пушки немцы подбили самоходку. Она успела лишь чуть развернуться, закрыв собою дорогу. В такой ситуации промедление смерти подобно. И раньше всех это поняли разведчики Щербакова. Покинув колонну, они вскоре вернулись и доложили, что путь свободен. Три храбреца - Степан Мальцев, Георгий Лоянь и Иван Ступницкий бесшумно проникли на огневую позицию противника. Без единого выстрела, пустив в ход кинжалы, они покончили с расчетом пушки.

В районе безымянной высоты юго-западнее Койенена гвардейцы скрытно подошли к переднему краю неприятеля. Услышав за спиной стрельбу и русское ура, немцы разомкнули фронт. Гвардейцы Кожанова соединились с солдатами Бибикова.

Рейд по тылам врага был завершен.

Я разговаривал с гвардейцами после их выхода из окружения. На судьбу они не роптали и, вспоминая пережитое, возмущались только наглостью врага:

- По фашистам уже колокола звонят, а они нам, гвардейцам, предлагали сдаваться! Мы припомним им это нахальство, когда снова выйдем к морю!

Немецко-фашистские войска непрерывно атакуют наши позиции западнее и северо-западнее Кенигсберга. Две пехотные

дивизии противника после мощной артиллерийской подготовки наносят встречные удары - с Кенигсберга на Фишхаузен и в обратном направлении. Каждую дивизию поддерживают сто двадцать танков. Обстановка крайне напряженная.

Гитлеровцы неистово рвутся навстречу друг другу. 25 февраля им удалось образовать коридор вдоль железной дороги Кенигсберг - порт Пиллау. Это стоило им около десяти тысяч убитыми и ранеными, ста двадцати девяти танков, множества орудий; но железная дорога, хотя и находится под нашим обстрелом, действует. А шоссе южнее железной дороги начисто скрыто от наших артиллерийских наблюдателей.

Пытаясь расширить коридор, противник не прекращает атак. Не перечесть все части и подразделения, которые проявили в эти дни необычайную стойкость.

Наступил март. Мы начали готовиться к решительному штурму вражеской крепости. А в конце месяца, сдав свою полосу 50-й армии генерал-лейтенанта Ф. П. Озерова, заняли новый участок на северо-западном фасе Кенигсберга. Гарнизон крепости к тому времени насчитывал свыше ста тысяч солдат и офицеров. Обороняясь в крепостных фортах, гитлеровцы располагали огромным запасом оружия и продовольствия, имели восемьсот пятьдесят орудий, шестьдесят танков. Хотя Кенигсберг с трех сторон был нами обложен, пятикилометровая горловина, связывавшая его с портом Пиллау, действовала. Перерезать ее - одна из важнейших задач предстоявшей операции, которую доверили войскам 39-й армии.

Нам отвели восьмикилометровый участок фронта. Взаимодействуя с соседями (5-й и 43-й армиями), мы должны, по замыслу нового командующего 3-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза А. М. Василевского, уже к исходу первого дня наступления выйти к заливу Куришес-Хафф, к устью реки Прегель и тем самым перерезать горловину коридора, связывавшего Кенигсберг с Пиллау.

5 апреля на наблюдательный пункт армии прибыл А. М. Василевский. Он познакомил нас с предстоявшей операцией. Войска, штурмующие Кенигсберг, своими концентрическими ударами должны разгромить вражеский гарнизон и овладеть городом. Задача нашей армии осталась без изменений.

Все готово к наступлению. Беспокоит только непогода. Нельзя ли хоть на день отложить атаку?

- День штурма утвердила Ставка Верховного Главнокомандования, - сказал маршал. - Никакой отсрочки!

С утра 6 апреля дождя не было, но облака висели низко, а земля в предвесеннем дыхании испаряла влагу, О такой погоде в

народе говорят: Ни возом, ни санями. В десятом часу над горизонтом прояснилось. Примерно через тридцать минут ударили орудия. А еще через полтора часа вслед за артиллерийским валом армия перешла в наступление.

Гитлеровцы спешно бросили против нас свою 5-ю танковую дивизию, ожесточенно сопротивляются, пытаясь удержать коммуникации между Кенигсбергом и Пиллау. Противник не отходит, и мы ведем бой на его уничтожение. Продвинулись за день всего на четыре километра, но и этого было достаточно, чтобы перерезать железную дорогу. На другой день мы почти не продвинулись, но и противник оказался бессильным вернуть дорогу. О том, сколь ожесточенными были бои на нашем участке, свидетельствует хотя бы такой факт: за один только день 7 апреля из тридцати пяти вражеских контратак против всех войск 3-го Белорусского фронта восемнадцать контратак приняли войска нашей армии.

В полдень 9 апреля бой в Кенигсберге утих, а вечером мы узнали, что комендант крепости генерал Ляш сдался в плен. Капитулировал почти стотысячный кенигсбергский гарнизон.

А на нашем участке бои не прекращались.

Если враг не сдается...

У меня хранится отпечатанный типографским способом документ - обращение командующего 3-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза А. М. Василевского К немецким генералам, офицерам и солдатам, оставшимся на Земланде. Текст этого обращения (я имею в виду не только содержание, но и в высшей степени достойный тон) заслуживает того, чтобы привести его полностью:

Вам хорошо известно, что вся немецкая армия потерпела полный разгром. Русские под Берлином и в Вене. Союзные войска в 300 километрах восточнее Рейна. Союзники уже в Бремене, Ганновере, Брауншвейге, подошли к Лейпцигу и Мюнхену. Половина Германии в руках русских и союзных войск.

Одна из сильнейших крепостей Германии - Кенигсберг - пала в три дня, Комендант крепости генерал пехоты Отто Ляш принял предложенные мною условия капитуляции и сдался с большей частью гарнизона. Всего сдались в плен 92000 немецких солдат, 1819 офицеров и 4 генерала.

Немецкие офицеры и солдаты, оставшиеся на Земланде! Сейчас, после падения Кенигсберга, последнего оплота немецких, войск в Восточной Пруссии, ваше положение совершенно безнадежно. Помощи вам никто не пришлет. 450 километров отделяют вас от линии фронта, проходящей у Штеттина. Морские пути на запад перерезаны русскими подводными лодками. Вы в

глубоком тылу русских войск. Положение ваше безвыходное. Против вас многократно превосходящие силы Красной Армии.

Сила на нашей стороне, и ваше сопротивление не имеет никакого смысла. Оно поведет только к вашей гибели и к многочисленным жертвам среди скопившегося в районе Пиллау гражданского населения.

Чтобы избежать ненужного кровопролития, я требую от вас: в течение 24 часов сложить оружие, прекратить сопротивление и сдаться в плен.

Всем генералам, офицерам и солдатам, которые прекратят сопротивление, гарантируются: жизнь, достаточное питание и возвращение на родину после войны.

Всем раненым и больным будет немедленно оказана медицинская помощь,

Я обещаю всем сдавшимся достойное солдат обращение.

Мирным жителям будет разрешено вернуться в свои города и села, к мирному труду.

Эти условия одинаково действительны для соединений, полков, подразделений, групп и одиночек.

Если мое требование сдаться не будет выполнено в срок 24 часа, вы рискуете быть уничтоженными.

Немецкие солдаты и офицеры! Если ваше командование не примет мой ультиматум, действуйте самостоятельно. Спасайте свою жизнь. Сдавайтесь в плен.

24 часа по московскому времени.

11 апреля 1945 года.

У врага - сутки на размышление.

Я воспользовался короткой передышкой, чтобы сопоставить и сравнить то, что напрашивалось на сравнение.

Прошло немногим более двух лет с того дня, когда на площади Павших борцов в Сталинграде мы праздновали нашу победу - полный разгром и пленение армии Паулюса. Более ста дней гитлеровское командование пыталось овладеть Сталинградом, безжалостно разрушая авиацией и артиллерией открытый город, менее всего напоминавший крепость.

Не было там ни фортов, ни инженерных сооружений. В крепость, которая не сдается, город превратили солдаты, герои битвы на Волге. А город-крепость Кенигсберг за три дня рухнул под нашими ударами.

Уже после войны довелось мне познакомиться с директивой No 45, имевшей гриф Сов. секретно. Только для командования. Датированная июлем 1942 года, она была подписана Адольфом Гитлером в его ставке вольфсшанце. Директива определяла задачи двух групп немецких армий - А и Б на южном фронте.

Тогда бесноватый не сомневался, что возьмет Сталинград, и в четвертом параграфе своей директивы уже определил задачи группы армий Б после овладения Сталинградом.

Вот что там сказано:

Вслед за этим (ударом на Сталинград. - И. Л.) танковые и моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и парализовать также движение по главному руслу Волги. Эти операции группы армий Б получают кодированное название Фишрейер.

Фишрейер, - объясняет старая немецкая энциклопедия, - особого рода хищная цапля, питающаяся лягушками и рыбой. Глотает их жадно. Что же, по фюреру и код. А чем этот Фишрейер обернулся, мы уже знаем...

Истекли сутки. Гитлеровцы не приняли наш ультиматум, и мы получили приказ: На Фишхаузен!

Разгорелся бой на полное уничтожение живой силы и техники противника.

Не забыть нам этого дня - 16 апреля 1945 года.

Солнечно и безветренно. Буйно шествует по земле весна, и пахнет близким морем.

Видимость отличная. Мы наблюдаем, как далеко-далеко справа от нас вспыхнула одна ракета, за нею другая, третья... И вот уже все небо над горизонтом расцвечено огнями фейерверка.

Что случилось? Звоню командиру 94-го стрелкового корпуса генерал-майору И. И. Попову, и он мне сообщает, что ракеты взлетают над войсками 5-й армии Крылова. Звоню Крылову:

- Николай Иванович, что у вас творится?

- А то, Иван Ильич, творится, что войну закончили. Мои солдаты у моря салютуют, чего и вам желаю...

День на исходе. В полночь мощным артиллерийским налетом начали мы штурм города Фишхаузен и до рассвета овладели им,

Не вышло у Гитлера с Фишрейером, зато мы - в Фишхаузене!

Утром у городского причала подошел ко мне гвардии старшина Николай Трофимов - тот самый, что воевал в Сталинграде и в Восточной Пруссии. Это он, прочитав письмо Александры Полещук, угнанной немцами из родного села, торопил своих солдат: Шире шаг! Кто станет на нашем пути - сотрем!

Старшина, как полагается, козырнул, глубоко вздохнул, сказал:

- Дошли, товарищ генерал. Дальше некуда... - И тут же полюбопытствовал: А может, на Берлин?

- Спасибо тебе, гвардии старшина, за то, что дошли от Волги до Балтийского моря. А куда дальше, я и сам не знаю... Куда

прикажут... Мы люди военные...

Нет для командующего армией ничего более привычного, чем оперативная сводка. На войне он ежедневно читает и утверждает ее. Но сводку, которую мне принесли после боев за Фишхаузен, я держал в руках как документ особой важности и несколько строк из нее тогда же занес в свой блокнот. В графе, где изо дня в день начальник оперативного отдела показывал потери, на этот раз было записано: 17 апреля 1945 года в течение дня войска армии приводили себя в порядок. Мылись в бане, производили сдачу боевых патронов, гранат и ракет на склады боевого питания.

Весьма прозаично, не правда ли? Вроде бы да. Но чтобы появилась такая запись, надо было прежде поставить крест на логове германского милитаризма Восточной Пруссии.

Долго держал в руках сводку.

... Еще Кенигсберг не назван Калининградом, а взятый вчера с боем Фишхаузен - Приморским поселком. Тот самый Метгетен, что дважды переходил из рук в руки, не получил еще имени советского танкиста Александра Космодемьянского, брата бессмертной Зои, погибшего после падения Кенигсберга. Уже потом на картах Советского Союза появятся названия Черняховск, Гусев, Нестеров, Мамонов... И будет эта земля хранить имена советских воинов - от генерала до солдата, - что пали на ней в последние месяцы войны. В Калининграде в одной лишь братской могиле захоронены тысяча двести наших солдат и офицеров - из тех, кто штурмовал Кенигсберг. А ведь это - лишь малая толика жертв, принесенных советским народом и его армией на алтарь Отечества во имя победы над фашизмом.

17 апреля 1945 года. Поздний вечер. За раскрытым окном тишина. Не волнуясь о завтрашнем дне, спят солдаты. Их сон не потревожит больше канонада.

Сколько же дней и ночей вобрали годы войны, чтобы пришла наконец эта тишина!..

Получен приказ сосредоточить войска 39-й армии южнее Инстербурга.

Выполнив приказ, докладываю командующему фронтом о состояний войск. Маршал Василевский утверждает наши представления к наградам и званиям. И тогда я задаю Александру Михайловичу тот самый вопрос, с которым обратился ко мне гвардии старшина Николай Трофимов:

- Товарищ маршал, куда же дальше?..

Узнаю только, что 3-й Белорусский фронт составляет резерв Ставки Верховного Главнокомандования. А резерв должен быть готов в любой день и час к выполнению новых задач.

Провожает меня генерал для поручений при штабе маршала,

он любуется моим оппель-адмиралом:

- На такой машине можно поездить и по степям. - И, помолчав, добавляет: По забайкальским, монгольским...

Этот намек был сделан неспроста.

В начале апреля Советское правительство уведомило правительство Японии, что договор о нейтралитете будет денонсирован, так как фактически потерял свою силу. Сразу после первомайских праздников к нам прибыл представитель Генштаба Советской Армии. Он передал предварительное распоряжение войскам на передислокацию и увез в Москву наши предложения, осуществление которых позволяло придать 39-й армии более подвижный, маневренный характер.

8 мая над поверженной Пруссией, над всем миром торжественно прозвучало сообщение о полной и безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Два дня продолжалось всеобщее ликование - мы праздновали Победу. А еще через два дня армия начала грузиться в эшелоны.

Я вылетел в Москву. Наши предложения приняты Генштабом. В каждом стрелковом корпусе будет танковая бригада, в армии - танковая дивизия. Это не только усилит маневренность войск, но и позволит им самостоятельно действовать на отдельных операционных направлениях. Получили мы также автомобильный батальон с машинами высокой грузоподъемности.

Пока я находился в Москве, первый эшелон 39-й, преодолев тысячи километров, уже миновал Байкал, а последний еще грузился в Инстербурге. Очень сложную задачу успешно решили железнодорожники: перебазировалась не только наша армия...

Всю свою огромную страну с запада до востока увидел теперь солдат. И всюду народ с радостью встречал своих защитников, своих героев.

Далекое и близкое

Большой Хинган

Чите на приеме, устроенном Военным советом Забайкальского фронта, царит очень дружелюбная атмосфера. Мы, гости, чувствуем, как рады встрече организаторы приема. Нас горячо поздравляют с одержанными победами, щедро угощают, усиленно расспрашивают о цели приезда, о дальнейшем маршруте.

Но источник информации наглухо закрыт. Поняв это, местные товарищи переводят разговор на недавние события. Речь заходит о Восточной Пруссии, о штурме Кенигсберга. Тут нам таиться нечего. Беседа становится общей, непринужденной...

В Чите мне помогли собрать сведения о движении эшелонов 39-й армии. Командующий Забайкальским фронтом генерал-

полковник М. П. Ковалев любезно предоставил самолет, на котором мы с товарищами вылетели в Баин-Тумень (ныне Чойбалсан).

Самолет пересек границу, и мы снова попали за пределы родной страны. Внизу расстилалась неоглядная степь без единого деревца. Офицер из экипажа самолета показывал на ничем не примечательное ровное место: там, оказывается, пролегал давно разрушенный временем и поросший травой Вал Чингисхана.

В Баин-Тумене нас встретил генерал Ю. П. Бажанов. Командующий артиллерией 39-й армии прибыл раньше и успел приглядеться к местным условиям, познакомился с особенностями устройства и питания войск. О своих впечатлениях генерал Бажанов и рассказывает на первом заседании Военного совета армии в Баин-Тумене. Армия, ее командный состав накопили богатый опыт за годы войны на западе. Он нам пригодится. Но в том и заключается специфика нового военного театра, что сюда нельзя механически перенести прежний опыт.

Войскам 39-й предстояло совершить марш в новый район сосредоточения восточнее Тамцак-Булака. Этот марш резко отличается от тех, которые мы совершали раньше. Триста шестьдесят километров нужно пройти пехотинцу по безводной пустыне. На западе мы не знали ни малейших забот о воде, она была всюду - и в колодцах, и в реках, и в ручьях. Свою флягу солдаты нередко предпочитали заполнять более ценной жидкостью. А здесь воду надо добывать, да еще в таком количестве, чтобы ее хватило людям и машинам.

Снабжение водой стало для нас тяжелой проблемой. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. . Там прямо сказано:

... 39-я армия, суточная потребность в воде которой составляла 1400 куб. м, в своем районе имела лишь два источника с дебитом 21 куб. м. в сутки, что не позволяло полностью обеспечить даже один стрелковый полк{22}.

И еще об одной специфической особенности. Мы привыкли совершать марши по дорогам. Здесь их нет. На все четыре стороны света раскинулась ровная степь с хорошим грунтом, без малейших признаков каких-либо ориентиров. Тот, кто не умеет определять свои координаты по солнцу и звездам, собьется с маршрута.

Климат здесь тоже необычный. Дни жаркие, ночи холодные. Дуют сильные ветры, бывают песчаные бури.

Пункты водоснабжения мы начали создавать после первой

рекогносцировки на местности. Хватало работы инженерным частям фронта и армии, саперам дивизий и корпусов.

23 июня командир 5-го гвардейского корпуса генерал Безуглый доложил, что его войска к маршу готовы. А из Москвы как раз передали приказ Верховного Главнокомандующего о предстоящем параде на Красной площади. Наш марш мы тоже решили начать как парад победителей. Празднично украсили исходный рубеж. Честь начать марш предоставили прославленной в боях 17-й гвардейской дивизии Героя Советского Союза генерал-майора А. П. Квашнина. На первом привале радисты, настроившись на Москву, включили громкоговорители. Мы услышали голос диктора, шаги воинов по брусчатке Красной площади, дробь барабанов, стук падающих к подножию Мавзолея знамен и штандартов поверженного врага. Мы были далеко от любимой столицы, но тоже совершали марш, гордые доверием.

В Генеральном штабе в Москве мне дали понять, что не случайно из Восточной Пруссии, из войск 3-го Белорусского фронта на Дальний Восток посылают 5-ю и нашу, 39-ю. Учли наш опыт прорыва сильно укрепленных полос противника. По замыслу тех, кто разрабатывал операцию против Квантунской армии японцев, 5-й армии на главном направлении 1-го Дальневосточного фронта предстояло сокрушить приграничные укрепленные районы врага. Мы действуем в составе Забайкальского фронта и предназначены для прорыва Халун-Аршанского укрепленного района. Мы входим в состав ударной группировки фронта и будем наступать на широком участке по двум самостоятельным операционным направлениям - солуньскому и хайларскому. Своими главными силами армия нацелена на Солунь.

К середине июля, совершив почти четырехсоткилометровый марш, 39-я сосредоточилась в районе восточнее Тамцак-Булака. На подготовку к предстоящей операции осталось всего двадцать суток.

Забайкальским фронтом командовал Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский. 39-ю армию ему не приходилось видеть в боях, и он проявлял к ней особое внимание. Основную нашу задачу Малиновский сформулировал предельно сжато и ясно. Шесть стрелковых и одна танковая дивизии и две танковые бригады наносят удар в общем направлении на Солунь, обходя главными силами с юга Халун-Аршанский укрепленный район. Вспомогательным ударом двух стрелковых дивизий с плацдарма на восточном берегу реки Халхин-Гол мы должны нарушить оперативно-тактическое взаимодействие хайларской и солуньской группировок противника. За Солунем и Ванемяо

начинается Центрально-Маньчжурская равнина и города - узлы железных дорог Таоань и Таонань. Овладев ими, мы отрежем войска противника от высших штабов и баз.

Японцы учли особенности театра военных действий и сосредоточили свои основные силы в центральных районах Маньчжурии. Лишь треть их войск предназначалась для прикрытия приграничной полосы. Они рассчитывали, что приграничные войска будут вести активную оборону, а это позволит главным силам маневрировать в любом направлении и затем перейти в решительное контрнаступление. В расчетах противника особую роль играл Большой Хинган: здесь нам могли навязать тяжелые затяжные бои, закрыв выход в центральные районы Маньчжурии. Задача советских войск (36-й и 39-й армий) заключалась в том, чтобы, наступая на Хайлар, не допустить отхода неприятеля к Большому Хингану.

Большой Хинган... В академии от преподавателя военной географии я слышал, что лишь в отдельных, мало изученных направлениях эти горы доступны для перехода войск. И только в пешем строю. Впрочем, наш преподаватель не мог знать двадцать лет назад о проходимости современных машин...

Советские и японские войска находились тогда примерно на одинаковом расстоянии от Большого Хингана. Командование армии хорошо понимало, какое влияние на исход всей операции окажет тот факт, что мы первыми окажемся на Большом Хингане.

39-я имела в своем распоряжении двести шестьдесят два танка и сто тридцать три самоходные артиллерийские установки. Наличие в первом эшелоне такого броневого кулака и безграничная вера в высокий боевой дух и физическую выносливость наших пехотинцев позволяли дерзать, планируя выполнение первой части нашей задачи в более сжатые сроки, чем это было предусмотрено решением командующего фронтом.

О плане операции и подробно разработанных маршрутах движения передовых механизированных и стрелковых подвижных отрядов я доложил маршалу Малиновскому. И получил добро.

- Чем быстрее выполните задачу, тем лучше, - сказал маршал, но тут же добавил: - Мы вам даем пятнадцать суток. Не уложитесь в этот срок - будем ругаться.

За три минувших ночных перехода войска 39-й прошли сто двадцать километров. Марш к границе Маньчжурии был своеобразной репетицией перед Большим Хинганом. Мы двигались ночью по четко обозначенным маршрутам. Лампы лкжас с их зеленым светом помогли войскам не сбиться с намеченного пути. Офицеры всех рангов научились четко ориентироваться по звездам. Я был убежден, что у командующего

фронтом не появится повода для недовольства действиями армии.

2 августа к нам прибыл главнокомандующий войсками Дальнего Востока Маршал Советского Союза А. М Василевский, Он внимательно выслушал мой доклад, а также сообщения начальника штаба армии генерала Симиновского и других командиров. Василевский бывал в нашей армии под Витебском, в Литве, в Восточной Пруссии, и многие командиры были ему знакомы. Он умел располагать подчиненных к непринужденной беседе. И все же начальник разведки армии Волошин, вызванный на доклад, несколько оробел. Александр Михайлович заметил это:

- Чувствуйте себя увереннее и давайте спокойно потолкуем. Для меня Дальний Восток - край новый. Познакомьте меня со всеми сведениями, какими располагаете. Слушаю вас, как внимательный ученик.

И скованность исчезла. Волошин очень обстоятельно доложил все данные о противнике, о маршруте нашего движения к Большому Хингану.

Прощаясь, Василевский сказал:

- После большой войны на Западе наш народ, все народы мира жаждут покоя. Надо в предельно короткий срок разгромить последнего агрессора.

События все убыстрялись. Начало боевых действий было назначено на два дня раньше намеченного срока. В Тамцак-Булак прибыл маршал Малиновский и уточнил задачу 39-й. К исходу 8 августа армия должна быть готова своими главными силами перейти границу Маньчжурии. Выступить на границу надо через два часа после получения сигнала Молния.

Правительство СССР заявило правительству Японии, что с 9 августа Советский Союз считает себя в состоянии войны с Японией. В Заявлении Советского Правительства Правительству Японии говорилось, что такая политика Советского Союза ... является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от, тех, опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции{23}.

Это был язык официального дипломатического документа. На языке военном, в приказе командующего фронтом маршала Малиновского, это звучало так:

Разведка и передовые отряды выступают в 00. 05 м. 9. 8. 45 г. Главные силы переходят границу в 4 ч. 30 м., 9. 8. 45 г. Авиация действует в 5 ч. 30 м. Радио действует с утра 9. 8. 45 г., если все

другие средства связи откажут. Докладывать через каждые четыре часа. Первый доклад в шесть часов... .

И еще в ту ночь мы знали, что в стане врага ничто не изменилось. На солуньском и хайларском направлениях он прикрывал границу отдельными отрядами. Чтобы сбить их, не было нужды в артиллерийской и авиационной подготовке.

В назначенное время главные силы 39-й армии перешли границу.

День выдался солнечный, ясный. С наблюдательного пункта на горе Салхит мы отчетливо видели, как стремительно продвигались танковая дивизия и танковые бригады, видели пункты командиров корпусов Безуглого и Олешева, их развернутые войска. Больше часа следили мы за колоннами войск. Солдаты, танки и орудия переваливали через сопки, скрывались в густой и высокой траве, снова появлялись на скатах. А потом поднялось солнце. Фигуры людей, боевые машины и контуры сопок словно растворились в утреннем мареве.

39-я армия не вела в Маньчжурии крупных, кровопролитных сражений. Дело ограничилось отдельными стычками и скоротечными боями. За Большим Хинганом, когда мы овладели действующими железнодорожными узлами, войска двигались уже в эшелонах к Мукдену, а затем через Дайрен в Порт-Артур.

О боях и маневрах речь будет впереди. Но истинным подвигом всех воинов нашей армии был сам переход через Большой Хинган.

Под палящим солнцем, радуясь дуновению ветерка, шли солдаты от сопки к сопке. Вверх и вниз. Им, этим сопкам, нет конца, и они скрадывают расстояние. На топографических картах не учтены контуры разных высоток и теснин. Командиры корпусов генералы Безуглый и Олешев докладывали, что войска движутся по плану, без задержек. Это подтверждалось всеми спидометрами на машинах. Пятьдесят километров на спидометре - и столько же за сутки отмахал пехотинец. А до намеченного на карте рубежа еще далеко. И мы сокращали привалы. Приходилось считаться с особыми, маньчжурскими, километрами.

Шли солдаты. На ходу рассеивали отдельные боевые группы японцев, прикрывавшие ущелья и перевалы, уничтожали опорные пункты противника. А солнце жгло нещадно. Температура днем достигала тридцати пяти градусов. Врачи встревожены: есть случаи тепловых ударов. Воды мало. Дорог каждый глоток живительной влаги. Солдат знал: чем чаще хватаешься за флягу, тем сильнее жажда. Солдат терпел. А вот машины не выдерживали - в радиаторах бурлил кипяток, перегревались моторы. Вот почему запас воды - в первую очередь для техники...

Наконец перед колоннами войск вырос Большой Хинган. В горах безмолвие. По всем признакам, мы дошли раньше японцев. Надо немедля штурмовать.

Гвардейцы генерала Квашнина первыми начали марш от Баин-Туменя к границе Маньчжурии и первыми из стрелковых частей оказались на восточных скатах Большого Хингана. Нелегким был их путь. Здесь, на подступах к городу Солунь, гвардейцы разгромили унтер-офицерскую школу 143-й пехотной вражеской дивизии. Затем в районе станции Дебосы отбили атаку двух японских полков.

Командир передового отряда подполковник И. Д. Кузнецов донес, что на аэродроме в районе Дебосы захвачены цистерны с горючим. При взятии аэродрома отличились командиры батарей самоходных установок старший лейтенант Бунгуров и лейтенант Шкаров. Самоходчики залили баки горючим и двинулись дальше.

План операции развертывался успешно, а управлять войсками становилось все труднее. В лабиринте гор запуталась и зашла в тупик дивизия генерала Л. Г. Басанца. Офицер штаба армии майор Ковалев разыскал ее, покружив над горами на самолете По-2, и помог выйти на маршрут корпуса Олешева. Пока этот корпус и 5-й гвардейский генерала Безуглого действовали на солуньском направлении, на хайларском направлении с халхин-голского плацдарма развернулись активные действия нашего 94-го стрелкового корпуса. Перед наступлением он находился в ста километрах от наших главных сил, а к исходу второго дня операции разрыв увеличился до двухсот километров. Между соединениями курсировали на самолетах офицеры связи, наблюдавшие за движением войск и фиксировавшие их положение.

Северо-восточнее города Солунь развернулись бои между 221-й стрелковой дивизией генерал-майора В. Н. Кушнаренко и смешанной колонной противника, состоявшей из пехотинцев и артиллеристов и отходившей по обоим берегам реки Чол. 625-й стрелковый полк из дивизии Кушнаренко пересекал реку, когда по его флангу ударили японцы, имевшие значительное превосходство. Наш полк не дрогнул и оборонялся до подхода основных сил дивизии. Противнику не дали отойти в глубь Маньчжурии. К исходу второго дня боев он сложил оружие. Около восьми тысяч солдат и офицеров сдались в плен.

12 августа 94-й стрелковый корпус разгромил группировку баргутской конницы, пленив около тысячи всадников. Среди них оказались два генерала и два полковника. Командующий 10-м военным округом генерал-лейтенант Гоулин на допросе заявил, что их основные силы находятся ближе к восточным и северо-

восточным границам.

- Мы ждали удара у Хабаровска и Владивостока, - сказал он. - А здесь, на границе с Монголией, могут действовать только немногочисленные и легкие части. Японское командование было в этом уверено. При отсутствии развитой сети дорог немыслимо сосредоточить на границе между Монголией и Маньчжоу-Го крупные силы и начать наступление. Подобный вариант мы совершенно исключали.

Так жизнь подтвердила еще раз, как важно осуществить то, что враг считает невозможным. Мы перевалили через Большой Хинган, и на нас обрушились муссонные дожди. Таких ливней мне не доводилось видеть ни раньше, ни потом. Они размыли и без того плохие дороги, связь между частями и соединениями резко усложнилась. Чтобы находиться ближе к войскам и мобильно управлять ими, оперативная группа штаба армии широко использовала самолеты По-2. В Маньчжурии, как и на Западе, небесные тихоходы служили войскам безотказно. Благодаря самолетам мы ежесуточно меняли пункт управления и постепенно так удалились от штаба армии, что это стало вызывать тревогу.

На одном из пунктов мне доставили записку генерал-майора М. И. Симиновского:

Дождь льет беспрестанно, - писал начальник штаба армии. - Двигаться по дорогам невозможно. Вязнут машины, гужевой транспорт стоит. Несмотря на все старания начальника тыла генерала М. К. Пашковского, горючего нам не дают. Весь запас - танковой армий. Мне здесь сидеть еще двое-трое суток. А вам желаю успеха.

Да, дождь льет как из ведра, а пехота наступает.

Мы с группой офицеров осматривали инженерные сооружения у станции Дебосы, когда заметили на дороге двух бодро маршировавших солдат. Шли они босиком. Ботинки, связанные шнурками, болтались на автоматах. Подозвал я молодцов, поинтересовался, куда держат путь.

- А в Порт-Артур, товарищ генерал!

- Почему, - спрашиваю, - в Порт-Артур? Кто указал такой маршрут?

- Все так говорят, товарищ генерал. Как дойдем до Порт-Артура, так и войне конец.

- До Порт-Артура-то тысяча километров!

- Дойдем, товарищ генерал!

Остановил я проезжавший грузовик и сказал шоферу-сержанту:

- Вот два солдата в Порт-Артур собрались... Не подвезете?

Сержант понял шутку:

- Это мы можем! Только бы дорога позволила. Садись, пехота, доставлю в полной сохранности...

А дожди хлещут и хлещут. Раньше, в предгорьях Большого Хингана, саперам приходилось в поте лица добывать воду. Теперь с не меньшим усердием они сражались против воды - ремонтировали дороги и мосты, осушали топи.

Наступление продолжалось.

5-й гвардейский стрелковый корпус генерала Безуглого своими главными силами обошел Кайтун, а передовые отряды корпуса уже проскочили через город Сыпингай.

Оттуда мы получили такое донесение:

В городе Сыпингай японская пехотная дивизия ждет, чтобы ее кто-либо взял в плен. Нам некогда ею заниматься. Мы пошли вперед. Полковник Коваленко.

- Вот ведь до чего дошло! - не то радовался, не то сокрушался генерал Безуглый. - Упрекнуть полковника Коваленко мне не в чем - он решает свою задачу. А как быть?

В оперативной группе кроме меня был еще генерал - командующий артиллерией армии Ю. П. Бажанов. Я вопросительно посмотрел на Юрия Павловича, а он перевел взгляд на окно и сказал:

- Пока дождя нет и солнце еще не зашло, надо лететь. Летчик и мы с адъютантом как-нибудь уместимся на По-2. Разрешите?

Мне нелегко дать согласие, но нельзя и медлить.

Сборы были недолгими, аэродром рядом. Пожелали мы Юрию Павловичу доброго пути, и самолет взмыл в небо.

Улетел Бажанов - и как в воду канул. Средства связи на его самолете отсутствовали. Приземлился ли он в Сыпингае? Как развернулись там события?

Длинной показалась мне та бессонная ночь...

Самолет, на котором улетел Юрий Павлович, возвратился только утром. Летчик передал мне донесение Бажанова:

Командующему 39-й армией генерал-полковнику Людникову.

Прибыл в Сыпингай в девятнадцать часов сорок минут. В городе дислоцируются части пехотной дивизии и танковой бригады японцев. Личного состава около десяти тысяч при полном вооружении. Командир японской пехотной дивизии генерал-лейтенант Саса.

Мною приказано японцам завтра к двадцати ноль-ноль все вооружение и технику сосредоточить на аэродроме. Никаких железнодорожных составов, автомашин и повозок из города не выпускать. Заявил японцам, что на дорогах поставлены заставы (надеюсь на подходящие к Сыпингаю наши части).

Ровно через час собираю командование японских соединений и частей гарнизона города Сыпингай, чтобы дать указание по разоружению и точному учету военнопленных и оружия.

Ставлю своей задачей выявить наличие подвижного состава на железной дороге и возможность его использования для наших войск.

По докладу японского генерал-лейтенанта Саса, здесь есть пять тысяч триста банок автобензина по восемнадцать килограммов каждая.

Генерал-лейтенант артиллерии Ю. Бажанов.

Почему многотысячный, хорошо вооруженный гарнизон японцев в Сыпингае сдался в плен?

Дело обстояло так. Японский генерал Саса хорошо разобрался в реальной обстановке. Советские войска отрезали ему все пути для отхода, а связь с другими частями он потерял. Это одна из причин. Есть и другая. За годы японской оккупации Маньчжурии китайцы натерпелись такого горя и таких обид, что оккупанты всерьез боялись гнева местных жителей. Генерал Саса видел, с какой радостью встречало китайское население своих освободителей, и был готов на все, чтобы мы только взяли на себя охрану его дивизии.

Японцы взорвали мост на реке Ляохэ, юго-западнее Ляоюань. Это явилось очень серьезным препятствием для дальнейшего продвижения нашей армии. Ширина Ляохэ достигала четырехсот метров, глубина - пяти. Это бы еще полбеды, но после проливных дождей река не на шутку разыгралась. Наши понтоны из-за плохих дорог и отсутствия горючего отстали. А задерживаться нельзя.

Пришлось восстанавливать мост. К этому делу мы привлекли все части, подошедшие к Ляохэ. И наши солдаты потрудились на славу. Армия смогла переправить через реку танки, артиллерию, смогла продолжать наступление.

К слову сказать, по мосту через Ляохэ проходил один из участков Южно-Маньчжурской железной дороги. Нигде в других местах противник не успел разрушить железнодорожную колею. С помощью местных жителей, а кое-где обязывая работать и бывшую японскую администрацию, мы постепенно налаживали нормальную работу транспорта. Советские офицеры, назначенные комендантами железнодорожных станций, блестяще справились с необычным и сложным делом.

Генерал Бажанов прислал в распоряжение оперативной группы штаба армии железнодорожный состав. Поблагодарив летчиков, мы расстались с ними и прочно перебазировались на основную железнодорожную магистраль - наш состав дошел от

Сыпингая до побережья Желтого моря.

В Сыпингае произошла встреча с комендантом города генералом Баженовым. Нам, естественно, очень хотелось услышать, как он брал в плен местный гарнизон. Но Юрий Павлович, отличавшийся исключительной скромностью, не удовлетворил нашего любопытства.

- Все прошло гладко. Мне нечего добавить к тому, что было в донесении, смущенно сказал он, а затем, видимо желая переключить наше внимание, предложил отведать блюда национальной кухни.

Мне лично они пришлись не по вкусу. У товарищей, кажется, сложилось, такое же мнение. Все мы, вернувшись в свой эшелон, накинулись на круто заправленный солдатский борщ.

Война на Дальнем Востоке продолжалась недолго и завершилась полным разгромом Квантунской армии и ее капитуляцией. Теперь народы разных стран и континентов могли поздравить друг друга с окончанием войны: пока хоть где-нибудь стреляли пушки и взрывались бомбы, в мире было неспокойно. Победив вооруженные силы империалистической Японии, наш народ завершил долгую и нелегкую борьбу против фашистских агрессоров. На этот раз Советская Армия помогла освободиться от тирании иноземных оккупантов народам Китая и Кореи. Покончив с японским агрессором, советские войска оказали тем самым неоценимую помощь китайскому народу и его Народно-освободительной армии в развертывании сил революции.

После капитуляции Квантунской армии маршал Малиновский поставил перед 39-й армией новую задачу: в предельно сжатые сроки занять территорию южной Маньчжурии, действуя сильными передовыми отрядами в направлении на Мукден, Инкоу, Аньдун. Последний находился на границе Маньчжурии с Кореей. И чтобы добраться до него, пришлось максимально использовать все средства передвижения, главным образом железнодорожный транспорт.

В Мукдене мы остановились всего на несколько часов. Ненадолго задержались и в Ляояне, чтобы побывать на позициях, где в 1905 году потерпела поражение русская армия.

Оперативная группа осталась в Ляояне, а член Военного совета армии генерал В. Р. Бойко, генерал Бажанов и я поехали на автодрезине в Инкоу, куда уже вступил передовой отряд 113-го Тильзитского корпуса генерала Олешева. Мы осматривали порт, когда офицер связи вручил мне радиограмму генерала Симиновского. Он сообщал, что получена новая задача командующего фронтом. Надо было срочно возвращаться в Ляоян.

Это было 31 августа 1945 года.

Маршал Малиновский приказал 39-й армии в составе двух стрелковых и одного механизированного корпусов с приданными им частями сосредоточиться в новом районе дислокации. Я прочитал название пункта, куда предстояло выехать оперативной группе штаба армии, и сердце забилось радостно. Выходит, не ошиблись те два солдата, что босиком шагали мимо станции Дебосы!

- Куда путь держим? - спросил генерал Бажанов.

- По верному солдатскому адресу: в Порт-Артур!

В Порт-Артуре я расстался с 39-й армией. Приняв ее под Витебском, я дошел с ней до побережья Балтики, а потом и до берегов Желтого моря...

Служба в Советской Армии пролегла для меня дорогой длиною в жизнь, и еще в Порт-Артуре замыслил я написать когда-нибудь книгу об этом. В течение долгих лет добрый замысел хранился про запас. Толчком к началу работы над книгой явилось одно из посещений академии имени Фрунзе.

Однажды меня в числе бывших выпускников пригласили посмотреть генеральную репетицию к первомайскому параду на Красной площади. Безупречной четкостью отличался строй молодых командиров, хотя редко у кого блестела на парадном мундире медаль, а боевых орденов и вовсе не было видно. Кто-то сказал:

- Третье поколение военных. Внуки Фрунзе! А еще кто-то с гордостью добавил:

- Наши наследники!..

Для ветеранов, чья жизнь прошла в строю, нет ничего дороже заботы о наследниках, о преемниках боевой славы. Мы живем в пору бурного прогресса и хорошо знаем, как усложнилась военная наука, какие высокие требования предъявляются ныне к командным кадрам. Офицеры, которых сейчас выпускают академии и даже училища, имеют куда большие знания, чем в свое время имел, к примеру, командир 344-го стрелкового полка гвардии майор Владимир Коноваленко, о ратных делах которого на Дону и на Волге я рассказал в этой книге. Но как важно, чтобы нынешние молодые командиры были похожи на него боевым духом и преданностью Отчизне, любовью к солдату и верностью воинской присяге!

Современный советский солдат, владеющий передовой техникой, по образованию тоже на голову выше ефрейтора Ивана Злыднева, гвардии старшины Николая Трофимова и многих других бойцов, уже знакомых читателю. Это отрадно, но это еще не все. А потому от души желаю нынешним молодым защитникам

Родины, чтобы они несли в сердце такую же нерушимую верность солдатскому долгу, какую проявили в годы войны те, чье оружие хранится теперь в музеях ратной славы.

Будущее принадлежит молодым. И я твердо верю, наша замечательная молодежь, к которой в первую очередь обращена эта книга, будет достойна славы своих отцов.

Примечания

{1}Погиб за Десной, в селе Андреевка. - Здесь и далее примечания автора.

{2}Военно-исторический журнал, 1959, No 10, стр. 89.

{3}Решением командарма КП бригады предлагалось определить в том месте, куда доставала телефонная линия штаба армии,

{4}Острые шипы, прикрепляемые к обуви для передвижения по льду.

{5} Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Военное издательство МО СССР, 1957, стр. 57.

{6}С. Я. Тычинский погиб за несколько дней до конца Великой Отечественной войны.

{7}Военно-исторический журнал, 1960, No 2, стр. 81 - 95.

{8}Этот полк, значительно поредевший в минувших боях, передали нам из 37-й гвардейской стрелковой дивизии.

{9}Рукав Волги. Ширина его от нашего берега до острова Зайцевский достигала двухсот метров.

{10}В. И. Чуйков. Начало пути. М., Военное издательство МО СССР, 1962, стр. 253 - 254.

{11}Г. Дёрр. Поход на Сталинград, стр. 123.

{12}Иоахим Видер. Катастрофа на Волге. М., изд-во Прогресс, 1965, стр. 205.

{13}Там же, стр. 267.

{14}Ныне Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, заместитель Министра обороны СССР.

{15}Ныне Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза.

{16}Военно-исторический журнал, 1966, No 3, стр. 119.

{17}Ныне Герой Советского Союза Ф. С. Попков живет и работает в городе Тавда, Свердловской области.

{18}Много славных боев провел 61-й полк на полях Белоруссии, Литвы, Восточной Пруссии. Командир полка подполковник Трушин и его заместитель по политической части майор Лемберский погибли, сражаясь за Отчизну, но они оставили о себе самую светлую память в сердцах ветеранов 39-й армии.

{19}Официально такого термина не существует. Однако это

слово было очень популярно в нашей армии. А ввел его в обиход начальник инженерной службы генерал-майор И.. Н. Гнедовский.

{20}Ныне Герой Советского Союза Б. Б. Городовиков - первый секретарь Калмыцкого обкома КПСС.

{21}Подробнее о боях сказано в разделе Кольцо и клин.

{22}Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. Под редакцией Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. М, , изд-во Наука, 1966, стр. 129,

{23}Правда, 9 августа 1945 г.